

Министерство образования Российской Федерации
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

ВЕСТНИК
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК

*Под редакцией доктора политических наук,
профессора Ю.А. Головина*

Выпуск 2

Ярославль 2002

ББК С5+ФО

В 38

Редакционная коллегия: доц. И.Ф. Албегова, проф. В.Т. Анисков, проф. Ю.А. Головин (отв. ред.), проф. В.М. Мелиховский, проф. Г.М. Нажмудинов, доц. Т.С. Акопова (отв. секретарь).

Вестник социально-политических наук. Вып. 2 / Под ред. проф. Ю.А. Головина. Ярославль, 2002. 135 с.

Сборник печатается по решению редакционно-издательского совета факультета социально-политических наук Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

В сборнике статей нашли отражение актуальные проблемы политологии, социологии, философии, методологии и историографии исторической науки. Здесь также опубликованы исследования по социально-политической и экономической теории.

Предлагаемый сборник адресован преподавателям, аспирантам, студентам гуманитарных факультетов университетов.

Рецензенты: кафедра политологии Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского; д-р ист. наук, проф. М.В. Новиков.

© Ярославский государственный университет, 2002

**Начало второй чеченской войны:
Дагестанский узел
(по материалам периодической печати)**

Дагестан всегда считался колыбелью мусульманства на Северном Кавказе. Формой реального бытования ислама в этой республике в течение многих веков был суфизм*. Политологи называют Дагестан самой исламизированной республикой Российской Федерации. Еще в начале 90-х гг. он стал объектом пристального внимания арабских исламистов ваххабитского толка. Однако, как и в Чечне, ваххабизм здесь вступил в противоречие с традиционным исламом. В глазах дагестанских властей, местного духовенства и большинства населения ваххабизм представлял реальную угрозу историческим верованиям народа, усиливая религиозный экстремизм. В 1994 г. в Дагестане произошли первые столкновения между приверженцами традиционного ислама и арабскими миссионерами. Последние были вынуждены покинуть республику. Тем не менее общины ваххабитов укрепились в Буйнакском, Ботлихском и Цумадинском районах автономии. На протяжении следующих трех лет стычки неоднократно повторялись. Прочная связь местных исламистов с чеченскими радикалами была установлена во время войны 1994 – 1996 гг. Полевой командир Хаттаб организовал вооруженный ваххабитский отряд, в котором служило много дагестанцев. Вернувшись домой с чеченской войны, они были полны решимости построить в Дагестане исламское государство. Один из их лидеров, Б. Мохаммад, публично заявил, что «Дагестан может оставаться в составе России, только если она станет мусульманским государством». В декабре 1997 г. лидеры местных ваххабитских общин (джамаатов) заключили соглашение о военной взаимопомощи с С. Радуевым, провозгласив своей целью борьбу за единое исламское государство на Кавказе и независимость от России¹.

На религиозную проблему в Дагестане накладывала свой отпечаток крайняя этническая пестрота. В нем проживает

39 народностей, из них 5 - аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины и лакцы - по существу являются государствообразующими, и к ним тяготеют более мелкие этнические группы. Фактически республика была поделена между этими национальными кланами. Клановые элиты стремились опереться на авторитет ислама с целью установления контроля над финансово-экономическими и политическими структурами. В данных условиях дагестанское руководство справедливо расценило протестный потенциал ваххабизма как угрозу всему строю клановой системы. Сложное экономическое положение в республике (по уровню жизни Дагестан находится на одном из последних мест в РФ и на 90% дотируется из федерального бюджета)², нелегальное распределение федеральных траншей привело к тому, что политическая, экономическая, криминальная и клановая верхушки здесь оказались слиты, а легитимность власти была весьма сомнительной. Достаточно сказать, что Председатель Госсовета республики М. Магомедов трижды незаконно продлевал свои полномочия, вице-премьер Правительства аварец Г. Махачев одновременно являлся директором АО «Дагнефть», а в недавнем прошлом - одним из лидеров теневого бизнеса. Мэр Махачкалы даргинец С. Амиров также ранее принадлежал к числу крупных местных авторитетов³.

Ситуацию в Дагестане крайне осложнил так называемый «акинский вопрос». Чеченский фактор всегда играл здесь значительную роль. Речь идет о существовании в республике крупной общины чеченцев-акинцев, территорией компактного проживания которой был приграничный Хасавюртовский район. После распада СССР и провозглашения Чечней независимости акинское национальное движение стремилось дистанцироваться от дагестанских политических сил и властей, неизменно подчеркивая свое единство с восставшими против федерального Центра соплеменниками. Уже в 1992 г. большинство акинцев получили паспорта Республики Ичкерия. Во время войны они демонстративно не участвовали в выборах, а наиболее активные из них влились в отряды чеченских боевиков. Многие акинцы, особенно из числа молодежи, разделяли идею создания единого исламского государства Дагестана и Чечни. Не случайно именно Хасавюртовский район оказался под прицелом чеченских полевых командиров. В Грозный зачастили представители национальных партий и движений акинцев.

Нельзя сказать, что дагестанские власти не предпринимали никаких мер по нормализации обстановки в республике. Поначалу они пытались вовлечь исламистов в общественные обсуждения, устраивали даже теледебаты между ними и сторонниками традиционного ислама. В конце 1997 г. народное собрание Дагестана приняло Закон «О свободе религиозного вероисповедания», который создал юридические препятствия для регистрации исламистских общин, строительства новых мечетей и ввоза религиозной литературы из-за рубежа. По просьбе дагестанского руководства МВД России разрешило увеличить численность местного ОМОНа на 1 000 штатных единиц. Кроме того, любая народность на территории республики получала право иметь свои вооруженные формирования - отряды самообороны⁴. После ряда столкновений радикалов с российскими военнослужащими и милицией некоторые лидеры ваххабитских джамаатов подверглись арестам, а часть членов их боевых отрядов – разоружению. Но запретительные меры и попытки силового решения проблемы лишь обострили обстановку. Республику заполонили всевозможные исламские издания, проповедующие газават, развернулась кампания за вывод из Дагестана федеральных войск, начался отстрел милиционеров.

В мае 1998 г., пользуясь слабостью Правительства и силовых структур, депутат Государственной Думы и лидер Союза мусульман России Н. Хачилаев сделал в Махачкале попытку переворота. Возглавляемая им вооруженная толпа, в которой преобладали криминальные элементы, в том числе немало чеченцев (криминальное прошлое самого Н. Хачилаева было хорошо известно в республике), захватила Дом Правительства и объявила о создании «исламского государства». Однако благодаря своевременным действиям ополчения и милиции «исламское правительство» было разогнано. Хачилаев укрылся в Чечне. Таким образом, первая открытая попытка раскачать ситуацию в Дагестане провалилась. Центр экспансии переместился к дагестанско-чеченской границе. Подпитываемые с территории Чечни оружием и деньгами, ваххабиты захватывали в приграничных районах целые села и объявляли о выводе их из сферы действия российских и дагестанских законов. В августе 1998 г. Буйнакский район был провозглашен «исламской территорией», на которой действуют только законы шариата, причем два села – Карамахи и Чабанмахи - превратились

в своеобразные военно-исламские республики⁵. Светские власти были вынуждены отступить и заключили с исламистскими повстанцами соглашение, основанное на принципах невмешательства. К 1999 г. руководство Дагестана полностью потеряло контроль над «исламской территорией».

Несмотря на то, что власти автономии приняли решение создать (а фактически узаконить) в пограничных с Чечней районах вооруженные отряды ополчения и усилить милицейские посты, административная граница между республиками оставалась прозрачной. Редкие заставы федеральных войск не давали возможности надежно перекрыть ее. Посты дагестанской милиции, призванные осуществлять досмотр транспортных средств, за весьма умеренную плату беспрепятственно пропускали автотранспорт с чеченской территории. Российские солдаты с горечью рассказывали, как группы чеченцев, весело им улыбаясь и сознавая свою полную неприкосновенность, на большегрузных автомобилях пересекали административную границу. В приграничных районах Дагестана боевики оседали в тех населенных пунктах, где проживали чеченцы-акинцы, или в ваххабитских анклавах. Оперативные данные свидетельствовали, что накануне вторжения число жителей в приграничных селениях резко увеличилось. На крышах отдельных многоэтажных домов стали появляться антенны спутниковой связи и радиомаяки. Российские военные называли эти населенные пункты «троянским конем чеченских моджахедов». К примеру, село Карамахи было превращено ваххабитами в настоящую крепость с глубоко эшелонированной обороной, с подземными ходами сообщения, бомбоубежищами и ДОТаами. На вооружении боевиков имелось 10 зенитных установок и новейшие снайперские винтовки, позволяющие поражать цели на расстоянии свыше 2 километров⁶.

С начала 1999 г. чеченская сторона развернула массированную идеологическую обработку населения Дагестана прежде всего в приграничных районах. Басаев и Хаттаб через своих эмиссаров осыпали их жителей обещаниями выплатить по 5 тысяч долларов семьям, пожелавшим жить в соответствии с учением ваххабитов⁷. В Ботлихе, Буйнакске, Хасавюрте, Кизляре и других населенных пунктах распространялись листовки с призывами к «джихаду». Одна из них, изданная Конгрессом народов Дагестана и

Чечни, гласила: «Грядущее сражение мы ждем с нетерпением и благоговейным трепетом...»⁸. Резко возросло количество террористических актов. И полевые командиры в Чечне, и «пятая колонна» в самом Дагестане упорно работали на обострение ситуации с целью спровоцировать Россию на военные действия.

Реакция федерального Центра на столь драматическое развитие событий в Дагестане выглядела весьма своеобразно. Посещение ваххабитских анклавов министром внутренних дел РФ С. Степашиным завершилось заключением с лидерами джамаатов странного соглашения о прекращении репрессий против исламитов и фактическим разрешением на ношение оружия⁹. Частые визиты в Москву Председателя Госсовета Дагестана М. Магомедова также не повлекли за собой никаких политических шагов со стороны российских властей. Решение вопроса ограничилось увеличением численности федеральных войск в республике и шокирующей угрозой Президента РФ Б. Ельцина, высказанной на секретном заседании Совета Безопасности, отвечать на любую вылазку чеченских сепаратистов ядерным ударом (?! – *С.Ш.*) по мятежной территории¹⁰. По свидетельству депутата Государственной Думы Р. Абдулатипова, в течение 1998 – 1999 гг. он неоднократно подавал высшему руководству страны докладные записки, содержащие детальный анализ положения в автономии и соответствующие прогнозы. Все они остались без ответа. Последний из меморандумов был направлен им в Правительство за 10 дней до вторжения боевиков в Дагестан¹¹. Забегая вперед, отметим, что документ с красноречивым заголовком «Комплекс мер по наведению порядка и дисциплины в Дагестане» был одобрен Президентом РФ и принят Правительством к действию только 10 августа 1999 г., когда на территории республики уже шли бои.

Бездействие Правительства и силовых структур, на которые еще влиял синдром прежней чеченской войны, вовсе не означало, что конфликт не прогнозировался. Высшие военные не раз заявляли, что на случай кризисной ситуации имеются полностью отработанные планы. И все же первый удар боевиков оказался неожиданным. 8 августа 1999 г. более 1 000 хорошо вооруженных террористов перешли Снеговой хребет и вторглись на территорию Ботлихского и Цумадинского районов Дагестана.

Уже в первые дни боев стало ясно, что боевики, особенно те, кто прошел школы Хаттаба, и ветераны отрядов Басаева отлично владеют оружием, умело пользуются взрывчаткой, минами и все-сторонне подготовлены для войны в горных условиях. По рассказам местных жителей, среди них было немало наемников - арабов, афганцев, таджиков, прибалтов и славян. Техническое оснащение боевиков также отличалось совершенством. В их распоряжении имелись бронетехника, артиллерия, зенитные установки. Малогабаритные мощные радиостанции иностранного производства позволяли им оперативно передавать команды и уходить из-под ударов авиации. По данным российских спецслужб, большие партии оружия поступали в Чечню из Турции, Грузии и Азербайджана. Незадолго до начала вторжения в Дагестан в грозненском аэропорту были замечены самолеты зарубежных авиакомпаний, весьма вероятно, с грузом оружия. Оставались не полностью перекрытыми и каналы его нелегальных поставок из России. Львиную долю денег бандиты получали от радикальных исламистских организаций Саудовской Аравии, Кувейта, Сирии, Пакистана и Афганистана.

Сразу же после вторжения на страницах российской печати замелькало имя «террориста № 1», саудовского миллиардера Усамы бен Ладена, обосновавшегося в Афганистане, в лагере талибов, близ пакистанской границы. Именно через них он поставлял технику, оружие и деньги Басаеву и Хаттабу. Представители российских спецслужб утверждали, что накануне вторжения бен Ладен якобы приезжал в Чечню и лично инструктировал Хаттаба¹². Но так или иначе противник не испытывал недостатка ни в оружии, ни в средствах.

Какие силы противостояли боевикам? Это несколько мотострелковых бригад, бригада внутренних войск, сводный батальон ВДВ, подразделение спецназа, часть корпуса дагестанской милиции и ОМОНа. Правда, большинство российских солдат составляли 18 - 19-летние необстрелянные вчерашние школьники, впервые попавшие на настоящую войну. Командовали ими тоже не всегда опытные офицеры. Количество ветеранов прошлой чеченской кампании среди младшего офицерского состава было невелико¹³.

Первые столкновения противника с отрядами местного правопорядка закончились массовым разоружением последних. Од-

нако не все сотрудники дагестанской милиции сдались без боя. В ряде мест произошли упорные бои. Положение изменилось, когда в военные действия вступили бронетехника, артиллерия, воздушные соединения, хотя эффективность ракетно-бомбовых ударов вертолетов и штурмовиков существенно снижал сложный горный рельеф местности.

Неприятной неожиданностью для боевиков стала единодушно враждебная реакция гражданского населения Дагестана. Несмотря на расхожую точку зрения некоторых СМИ о «легализации вооруженных групп дагестанских авторитетов», формирование отрядов ополчения носило действительно всенародный характер. В первые же дни конфликта населению под расписку было выдано около 4 тысяч единиц оружия¹⁴. Боевая эффективность таких отрядов в целом оставляла желать лучшего, но слабую военную подготовку и организованность ополченцы компенсировали прекрасным знанием местности и по-кавказски горячим желанием сражаться с боевиками. Таким образом, вопреки замыслам террористов Дагестан не стал детонатором всеобщего «джихада» на Северном Кавказе. Тем не менее пропагандистские службы полевых командиров демонстративно распространяли информацию о якобы проведении в горах под Ботлихом заседания Шуры, избравшей Басаева «военным амиром» исламистских отрядов, а Хаттаба - «командующим исламской армией в Дагестане». Вероятно, в целях устрашения противника также сообщалось о формировании у ваххабитов батальона смертников - «шахидов» (воинов ислама)¹⁵.

Обстановка требовала от российского руководства немедленных решений и действий. 9 августа Президент РФ Б. Ельцин назначил исполняющим обязанности Председателя Правительства РФ Секретаря Совета Безопасности и Директора ФСБ В. Путина. Государственная Дума моментально утвердила его в этой должности. Именно В. Путину Президент поручил решение всех проблем, связанных с «дагестанско-чеченским узлом». Понадобилась неделя, чтобы развитие событий в регионе приняло управляемый характер.

Уже 10 августа Б. Ельцин утвердил, а Правительство начало осуществлять «Комплекс мер по наведению порядка и дисциплины в Дагестане». Комментируя документ, премьер признал, что в республике «по существу идут боевые действия», хотя и подчерк-

нул, что позиционной войны там нет¹⁶. Под председательством В. Путина состоялось несколько заседаний Совета Безопасности РФ и Федеральной антитеррористической комиссии. В его присутствии положение в Дагестане и на Северном Кавказе в целом было обсуждено в Совете Федерации. Не решая чисто военных проблем, В. Путин потребовал от руководителей Минобороны и МВД РФ подробных докладов по данному вопросу. По его личному указанию было существенно увеличено денежное довольствие солдатам и офицерам, находящимся в реальной боевой обстановке. Военные и в Москве, и на Кавказе почувствовали твердую руку нового главы Правительства. Генералы ждали этого уже несколько лет, чтобы, используя горький опыт прежних поражений и тяжелых потерь 1994 – 1996 гг., вытравить из себя «чеченский синдром» и забыть о предательстве политиков.

Общая численность группировки российских войск в Дагестане возросла до 10 тысяч человек. К концу августа в результате ракетно-бомбовых ударов с воздуха и эффективных действий артиллерии и минометов боевики были выдавлены из Ботлихского и Цумадинского районов и с большими потерями мелкими группами отступили в Чечню. Операция, названная Басаевым именем первого имама Дагестана «Гази Магомед», завершилась поражением. По официальным данным, потери российской стороны составили 59 погибших и более 200 раненых, хотя сами участники боевых действий считали, что они были занижены на несколько порядков. Потери же боевиков составляли, по разным оценкам, от 400 до 700 человек¹⁷.

В начале сентября противник совершил новую вылазку на территорию Дагестана, но уже севернее - в Хасавюртовский и Новолакский районы. По словам полевых командиров, началась вторая операция под названием «Гамзат-Бек» (второй имам Дагестана)*. Именно в этот период в полной мере дали о себе знать последствия попустительской политики федеральных и республиканских властей в отношении ваххабитских анклавов в так называемой Кадарской зоне (села Карамахи и Чабанмахи Буйнакского района), где при помощи полевых командиров был создан укрепленный район, который рассматривался ими как плацдарм для продвижения к Каспийскому морю. Его ликвидация потребовала

от российских военных дополнительных усилий и принесла новые потери.

Весьма сложной оставалась ситуация и на Северном направлении (Новолакский и Хасавюртовский районы). Еще 10 августа 1999 г. В. Путин заявил, что для наведения порядка в Дагестане понадобится «полторы - две недели», а затем последует период стабилизации. Прогноз не оправдался; операция по уничтожению боевиков затягивалась. Но и последние, понеся тяжелые потери, в конце августа - начале сентября сменили тактику. Отказавшись от прямых столкновений с федеральными войсками, они перешли к партизанским действиям.

Бои в Дагестане еще не завершились, когда в первой половине сентября в Буйнакске, Москве и Волгодонске были взорваны несколько жилых домов. Сотни мирных жителей погибли ночью во время сна. Теракты обрушили на людей шквал горя и ненависти, породили различные версии. Сразу же стал отрабатываться «чеченский след». По сообщениям ФСБ, нити от этих злодейских акций тянулись к финансируемым из-за рубежа ваххабитским лагерям Хаттаба и Басаева в Чечне; все теракты оказались схожи с технической точки зрения и носили явно демонстрационный характер. Одновременно в СМИ распространилась версия о причастности к взрывам высших российских властей и спецслужб. Подчеркивалось, что их целью являлось введение в стране чрезвычайного положения и отмена выборов - сначала парламентских, а затем и президентских. Но именно эта версия представлялась менее всего убедительной. Как считает историк Р. Медведев, она была запущена в российские СМИ «главным идеологом» исламистов М. Удуговым¹⁸. Забегая вперед, отметим, что подлинные виновники терактов были названы много позже. По словам начальника Оперативно-розыскного управления ФСБ России И. Миронова, ими действительно оказались боевики-исламисты карачаевской, дагестанской и чеченской национальностей, проходившие подготовку в диверсионно-учебных лагерях Хаттаба на территории Чечни. Аресту подверглись 10 человек. На следствии они признались, что получили приказы организовать серию терактов в ряде городов РФ, в том числе в Ставрополе, Ростове-на-Дону, Москве. Планировались взрывы не только жилых домов, но и госпиталей, военных, промышленных объектов¹⁹. Но тогда, в сентябре 1999 г.,

следствие «забуксовало». Противоречивая информация о его ходе вызывала в людях страх, чувство полной незащищенности, неведение в способность властей обуздать волну терроризма.

14 сентября, на следующий день после второго взрыва в Москве на Каширском шоссе, В. Путин выступил в Государственной Думе с общей оценкой ситуации и изложением комплекса мер по ее стабилизации. Он квалифицировал действия чеченских бандформирований как «акции международного террора» и объявил районы боевых действий в Дагестане «зонами проведения контртеррористических операций». Вместе с тем премьер-министр отказался от введения в стране чрезвычайного положения на основании «устаревшего закона 1991 г.». Впервые он открыто признал, что «многие проблемы, существовавшие в Дагестане, а также опасность и масштабы их последствий недооценивались властями»²⁰. С 15 сентября вступило в силу Постановление Правительства РФ «О мерах по противодействию терроризму» и был создан Межведомственный оперативный штаб, объединявший все силовые структуры²¹. В стране началось проведение крупнейшей за всю историю российских правоохранительных органов операции «Вихрь-Антитеррор», в ходе которой уже на первом этапе было арестовано несколько десятков подозреваемых и предотвращен ряд готовившихся взрывов.

По решению Правительства устанавливался «санитарный кордон» по всему периметру административной границы Чеченской Республики, прерывалось железнодорожное и воздушное сообщение с мятежной территорией, а затем и снабжение ее электричеством и газом. По аэропорту Северный, по военным базам, скоплениям и лагерям боевиков, по узлам связи, складам с горючим, по мостам и дорогам стали наноситься удары с воздуха. 24 сентября В. Путин сделал беспрецедентное по своей жесткости заявление, многократно повторенное всеми российскими СМИ: «Мы будем преследовать террористов повсюду. Если в туалете поймает, то и в сортире их замочим».

В конце сентября 1999 г. территория Республики Дагестан была очищена от бандформирований. К этому времени на границах Чечни уже сконцентрировалась крупная группировка федеральных войск с подготовленными тылами и военной инфраструктурой. Термин «контртеррористическая операция» теперь звучал

только из уст официальных лиц. Солдаты и офицеры, журналисты и рядовые граждане предпочитали другое слово - «война». И это отражало действительное положение вещей, ибо вторая чеченская война, строго говоря, началась еще в августе 1999 г. боями в Дагестане. Таким образом, вопрос о перенесении боевых действий в виде наземной операции на чеченскую территорию по существу был предрешен.

Примечания

* Суфизм – мистико-аскетическое учение в исламе, призывающее к смирению и уходу от мирской суеты. В истории ислама суфизм нередко становился идеологией повстанческих движений в антиколониальной борьбе.

¹ Родина. 2000. № 1-2. С. 176.

² Там же. С. 181, 202.

³ Демократический выбор. 1999. № 33; Новое время. 1999. № 33. С. 6.

⁴ Солдат удачи. 1998. № 3. С. 8.

⁵ Новое время. 1999. № 33. С. 7.

⁶ Совершенно секретно. 1999. № 9. С. 13.

⁷ Там же.

⁸ Российская газета. 1999. 11 сент.

⁹ Родина. 2000. № 1-2. С. 202.

¹⁰ Московский комсомолец. 1999. 6 мая.

¹¹ Российская газета. 1999. 11 сент.

¹² Там же. 7 сент.; Московский комсомолец. 1999. 21 сент.

¹³ Московский комсомолец. 1999. 12 авг.; Российская газета. 1999. 7 сент.

¹⁴ Совершенно секретно. 1999. № 9. С. 13.

¹⁵ Московский комсомолец. 1999. 12 авг.

¹⁶ Российская газета. 1999. 11 авг.

¹⁷ Новое время. 1999. № 35. С. 14; Российская газета. 1999. 7 сент.; Совершенно секретно. 1999. № 9. С. 13.

* Гази Магомед и Гамзат Бек – имамы Дагестана, которые в XIX в. поднимали горцев на борьбу с царской армией. Первый из них погиб в одном из сражений, второй был убит в мечети своими же сторонниками.

¹⁸ Российская газета. 2000. 5 апр.

¹⁹ Московский комсомолец. 2000. 28 дек.

²⁰ Российская газета. 1999. 16 сент.

²¹ Там же. 1999. 17 сент.

КПРФ - крупнейшая партия на левом фланге политической структуры современной России

На коммунистическом фланге наиболее крупной по численности и организационной сплоченности выступает *КПРФ*. Официально Коммунистическая партия РФ возникла на *II восстановительно-объединительном съезде 22 января 1993 г.*¹ Поводом к ее становлению послужила отмена Конституционным Судом РФ в конце ноября 1992 г. Указа Президента РФ Б.Н. Ельцина о запрете существования КПСС. 24 марта 1993 г. КПРФ была зарегистрирована в Министерстве юстиции РФ. Нынедействующая КПРФ возникла «снизу». Для нее в отличие от таких еще недавно существовавших раздельно партий власти, как, например, «Единство» и «Отечество», в большей степени характерна идейная приверженность определенным целям. Ее деятельность не базируется на административном ресурсе властей. КПРФ объединяет наиболее активных приверженцев идей социальной справедливости и служит средством борьбы за завоевание и использование власти в обществе в интересах трудящихся.

На ее примере мы видим осуществление *следующих функций*:

- *внешних* - согласование собственных целей с другими участниками, обеспечение связи с массами;
- *внутренних* - набор членов, пополнение партийной кассы, регулирование отношений между лидерами и рядовыми членами и т.д.

КПРФ располагает региональными организациями во всех 89 субъектах РФ. Большинство из них имеет разветвленную организационную структуру вплоть до районных и первичных партийных организаций. Во многих регионах РФ в период выборов в местные органы исполнительной и законодательной власти партии удалось провести коммунистов. В 40 с лишним регионах главы администраций либо коммунисты, либо сторонники примыкающей к партии НПСР².

Устав Коммунистической партии, принятый Вторым чрезвычайным съездом КПРФ 14 февраля 1993 г., закрепил организа-

ционное строительство партии. В нем говорится, что КПРФ выступает за социализм - общество социальной справедливости, свободы, равенства, за укрепление федеративного многонационального государства. Партия действует на основе демократического централизма, идейной общности и партийного товарищества. Принципы, являющиеся основой самоуправления в партийной жизни, включают³:

- выборность всех органов партии снизу доверху;
- коллегиальность и гласность в работе всех организаций, выборных органов;
- свободу критики;
- самостоятельность партийных организаций в устройстве своей внутренней жизни и деятельности и т.д.

На III съезде КПРФ 22 января 1995 г. была принята ее Программа - основной документ тактических и стратегических задач, стоящих перед партией⁴. В ней теоретически закрепляются следующие новые моменты, которые характеризуют модернизацию коммунистической идеологии с учетом сегодняшнего дня: отказ от диктатуры пролетариата; признание многоукладности экономики и многообразия форм собственности; многопартийности и веротерпимости.

В **1-й главе** Программы основная мысль сводится к тому, что для России наиболее обоснованным и отвечающим ее интересам является выбор оптимального социалистического развития. В ходе него социализм как учение, массовое движение и общественная система обретает свое второе дыхание. Обобществление труда, т.е. крупное и среднее производство, базирующееся на плановой основе, есть главный материальный базис социализма. Движущей силой формирования социалистического общества выступает рабочий класс, под которым понимаются не просто труженики физического, но и интеллектуального труда.

Во **2-й главе** «Уроки российской истории и пути спасения Отечества» в довольно сжатой форме дается оценка пройденного нашей страной пути за годы советской власти. За прошедший период в истории СССР как правопреемника Российской империи были страницы, полные трагизма и героизма. С одной стороны, благодаря партии коммунистов за 2-3 десятилетия после Октябрьской революции страна превратилась в великую державу. Под ее

управлением мир был спасен от «коричневой чумы XX века» в результате победы СССР над гитлеровской Германией. Первый человек в мире, побывавший в космосе, был коммунист. С другой стороны, в стране тогда была создана мощная репрессивная машина под названием ГУЛАГ, через которую прошли миллионы советских граждан.

На наш взгляд, в этой главе справедливо говорится о том, что понимание трагического и героического в истории советской власти невозможно без признания наличия в партии фактически с момента ее возникновения двух направлений. Одно из них, восходящее к Троцкому, Каменеву и др., в конечном итоге выродилось в партию «национальной измены» в лице Горбачева, Ельцина, Шеварднадзе и Яковлева. Перерождение партии оказалось следствием недооценки мелкобуржуазных влияний на нее, ее монополии на власть и на идеологию, «комчванства» ряда ее лидеров. Другое направление в партии связано с именами Ленина, Сталина, Кирова, Дзержинского и др. Оно в конечном итоге выражало линию коммунистов-государственников, величия страны.

В 3-й главе «Программа-минимум» обосновывается первоочередность мер по реализации стратегических целей партии после прихода к власти. В блоке с прогрессивными силами она обязуется:

- образовать правительство народного доверия, подотчетное высшим представительным органам власти страны;
- восстановить народный контроль над производством и доходами;
- изменить экономический курс; осуществить экстренные меры государственного регулирования в целях прекращения спада производства, борьбы с инфляцией; повышения уровня жизни народа;
- вернуть гражданам России гарантированные социально-экономические права на труд, отдых, жилище, бесплатное образование и медицинское обслуживание, обеспеченную старость;
- расторгнуть международные договоры и соглашения, ущемляющие интересы и достоинство России и т.д.⁵

В 4-й главе «Задачи организационного и идейного укрепления КПРФ» отмечается: «КПРФ ведет свою родословную от РСДРП - РСДРП(б) - РКП(б) - ВКП(б) – КПСС - КП РСФСР. Воз-

никшая по инициативе коммунистов, первичных организаций КП РСФСР и КПСС, КПРФ, продолжая дело КПСС и КП РСФСР, является их правопреемником на территории РФ»⁶. В этой главе заявлено, что КПРФ будет всячески содействовать осознанию рабочим классом, крестьянством и трудовой интеллигенцией их подлинных интересов. Она сделает все, чтобы быть всегда партией трудового народа.

Выборы в Парламент РФ 19 декабря 1999 г. подтвердили ее роль как ведущей политической силы в стране. КПРФ снова стала обладать крупнейшей фракцией в Государственной Думе РФ. Это свидетельствует не только о неистребимости идей социальной справедливости, но и о том, что *число избирателей, поддерживающих КПРФ, не уменьшается, а возрастает*. И это вполне естественно. В условиях дальнейшей капитализации России все большее количество людей различных профессий и возрастов будут понимать, что только общество социальной справедливости в состоянии обеспечить стабильность и порядок в государстве. Становится все очевиднее, что приватизация олигархами крупнейших объектов народного хозяйства, разрыв в доходах в десятки раз, национализм - все это раскалывает российское общество на противостоящие друг другу социальные слои. В этом главная причина возросшей преступности, возникновения забастовочной борьбы и развязывания фактически гражданской войны в Чечне.

В то же время выборы 19 декабря 1999 г. продемонстрировали и определенную тревогу за последующее существование КПРФ как оппозиционной силы. Некоторые из оппонентов КПРФ в лице представителей левых партий (РКРП, ВКП (б) и РКП) заявили о политическом поражении партии Зюганова⁷. Отвечая на это, Зюганов заявил, что уж кто и потерпел сокрушительное поражение, так это либерализм. Менее 8% голосов за Явлинского и Титова - это, по существу, и есть весь резерв «идейного либерализма и антикоммунизма. Мы заставили остальных наших оппонентов, хотя бы и на словах, присоединиться к государственно-патриотической идеологии»⁸.

Вместе с тем, действительно, партия в 1,5 раза меньше получила мандатов в Думе по сравнению с выборами в 1995 г. Это вызвано, на мой взгляд, тем, что она в глазах избирателей пока не стала яркой защитницей трудового народа. Граждан не может не

волновать «вклад» фракции коммунистов в Государственной Думе РФ в рассмотрение вопроса о депутатских льготах, изъятие в новом Законе о пенсионном обеспечении при исчислении пенсионного стажа лет по уходу за ребенком, учебы и т.д. Искушение властью - одно из тяжелейших испытаний. Не случайно в народе говорится: хочешь проверить человека - дай ему власть. Обнищавшие массы поверят КПРФ тогда, когда она докажет способность к самопожертвованию. Только тогда за ней пойдут миллионы. Именно нравственно мужественной политики ждет от КПРФ самая эксплуатируемая и обездоленная часть народа, которая составляет активное ядро населения⁹.

Другими причинами недостаточно высоких результатов КПРФ на прошедших выборах являются слабость многих первичных парторганизаций, пассивность и недисциплинированность некоторых коммунистов, отсутствие патриотических электронных СМИ, наглая покупка голосов «денежными мешками». Следовательно, необходимо вести речь пока не о политическом поражении партии, а о необходимости выработки более точной тактики и стратегии в современных условиях и на перспективу.

В этой связи встает вопрос *о целях современной партии коммунистов.* В условиях общества, расколотого на противоположные классы, партия не может быть всенародной, выражающей интересы всех - от трудящегося до капиталиста, пусть и национально ориентированного. Другое дело, что в текущей борьбе на каком-то ее этапе она может в рамках патриотического движения, блока пойти на соглашение с представителями капитала. Но ее коренной классовый интерес, если она желает быть партией коммунистов на деле, - это защита интересов трудящихся.

Вспомним Ленина в преддверии Октября. Обстановка в стране была более тяжелой, чем сейчас. Экономика находилась в упадке. Шла кровавая империалистическая война, которая ежедневно, в отличие от войны в Чечне, уносила не десятки, а тысячи людей. Как формулировали цели партии Ленин и его соратники? Исключительно с *классовых позиций*: отстранение от власти буржуазии и помещиков и передача ее в руки рабочим, крестьянам и солдатам. Отсюда простота и понятность лозунгов: «Власть - Советам!», «Земля - крестьянам!», «Фабрики и заводы - рабочим!».

Если современные лидеры коммунистов за социализм, за интересы трудящихся, то их требования должны быть в том же духе. «Предприятия - трудовым коллективам», «Земля - тем, кто ее обрабатывает, а не спекулянтам», «Деньги - трудящимся, а не финансовым магнатам». Думается, при наличии этих лозунгов станет понятнее, зачем коммунисты идут во власть.

Серьезным испытанием в дальнейшем существовании КПРФ станет ее функционирование в соответствии с Федеральным законом «О политических партиях в РФ», принятым Государственной Думой РФ 21 июня 2001 г. Дело в том, что она, как и другие политические партии, попадет под более жесткий государственный контроль, чем это было ранее. Теперь ей придется ежегодно отчитываться перед Министерством юстиции РФ по финансовым затратам и по численности членов партии, обязательно участвовать в российских и местных выборах. Все это в конечном итоге заставит ее действовать более четко как парламентскую партию в рамках соответствующих правил игры.

Предоставленная КПРФ возможность получать средства из бюджета государства в случае прохождения 5% барьера в Государственную Думу РФ снизит у нее интерес к пополнению партийной кассы за счет членских взносов. КПРФ из общественной организации, опирающейся на мнение низовых партийных организаций, будет все больше превращаться в своеобразную политическую корпорацию, где главную роль будут играть российские и региональные лидеры как распорядители будущих депутатских мандатов в органах законодательной (представительной) власти в случае победы партии на выборах.

Безусловно, наши суждения о КПРФ не исчерпывают весь круг вопросов, относящихся к ней, но, думается, вполне могут быть информацией к размышлению о перспективах ее существования.

Примечания

¹ На левом фланге существует еще несколько коммунистических партий: РКРП - лидер В. Тюлькин, РПК - лидер А. Крючков, ВКП (б) - лидер Н. Андреева и ряд других. Однако они все по численности, авторитету руководителей, в организационном плане значительно уступают КПРФ. Вот почему рядовой гражданин ассоциирует коммунистическую идею с КПРФ.

² Материалы VIII съезда КПРФ // Правда. 2002. 23 янв.

³ IV съезд КПРФ (Материалы и документы). М., 1997. С. 96.

⁴ На IV съезде КПРФ в нее были внесены дополнительные изменения, и программа приняла законченный вид (см.: Там же).

⁵ IV съезд КПРФ (Материалы и документы). М., 1997. С. 87.

⁶ Там же. С. 90.

⁷ Бывший видный член фракции КПРФ в Государственной Думе РФ, лидер «Духовного наследия» А.И. Подберезкин намекает на то, что Г. Зюганов, подобно Моисею, водит партию за собой по «пустыне», для того, чтобы за «40 лет» вымерли все радикальные ее представители. Тем самым она будет трансформирована в удобную для властей партию (см.: Подберезкин А., Макаров В. Стратегия для будущего Президента России: Русский путь. М., 2000. С. 7-8).

⁸ Зюганов Г. У распутия: партия власти и оппозиция после выборов // Правда России. 2000. 26 апр. - 2 мая. № 16 (247). С. 2-3.

⁹ Белов Ю. У переправы // Советская Россия. 1998. 18 июня. С. 3.

В.М. Мелиховский

Роль социальных стандартов в оплате труда высококвалифицированных кадров

В становлении социально ориентированного общества все большее значение приобретают социальные нормы. Они показывают, какой должен быть уровень удовлетворения потребностей для нормального воспроизводства человека. В связи с этим социальные нормы не являются статичными. Они отражают динамизм социально-экономического развития и в таком смысле выступают как ориентир для оценки итогов работы государства, предпринимательских структур.

Социальные нормы могут измеряться как с помощью абсолютных показателей (количество квадратных метров жилья на одного человека), так и относительных (доля заработной платы и предпринимательских доходов в ВВП). Они выступают в качестве как международных, так и национальных и региональных показателей. Однако выполнять функции социального стандарта (образца) социальные нормы могут только при соблюдении следующих условий:

а) научно обоснованный уровень потребления материальных и духовных благ;

б) в условиях рыночной экономики соответствующий уровень дифференциации потребления в зависимости от платежеспособного спроса, причем минимальная граница потребления благ позволяет удовлетворять нужды граждан для нормального воспроизводства рабочей силы;

в) применительно к оплате труда: научно обоснованный размер тарифа (почасовой оплаты) и уровень дифференциации тарифов (налоговой оплаты) в зависимости от квалификации работника и сложности его трудовых функций.

Существенным шагом вперед в реализации социальной политики является применение основных социально-экономических показателей и нормативов в Генеральном соглашении между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и правительством РФ на 2002 – 2004 гг.¹ Из общего числа показателей отметим только те, которые регулируют уровень заработной платы и других доходов (пенсии, пособия):

- 1) денежные доходы в среднем на душу населения;
- 2) реальные располагаемые денежные доходы;
- 3) начисленная среднемесячная заработная плата:
 - номинальная,
 - в целом по экономике,
 - по отраслям экономики, реальная;
- 4) просроченная задолженность по заработной плате;
- 5) среднемесячный размер назначенных месячных пособий (с учетом компенсаций):
 - номинальный,
 - реальный;
- 6) минимальный размер оплаты труда (тыс. руб.);
- 7) тарифная ставка 1-го разряда ЕТС;
- 8) минимальный размер назначенной месячной пенсии по старости;
- 9) доля заработной платы в ВВП;
- 10) прожиточный минимум в среднем на душу населения – всего: в том числе по социально-демографическим группам населения:

- трудоспособное население,
- пенсионеры,
- дети;

11) отношение к прожиточному минимуму:

- среднедушевых доходов,
- среднемесячной заработной платы,
- среднего размера назначенной месячной пенсии;

12) численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума;

13) соотношение в уровнях среднедушевого дохода: 10% наиболее и 10% наименее обеспеченных слоев населения.

Из перечисленных показателей первые восемь отражают текущий уровень доходов населения, в том числе с учетом изменения цен (реальная заработная плата, реальный уровень месячных пособий). Но лишь показатели с 9 по 13 (включительно) могут выполнять роль социальных нормативов, ибо с их помощью можно сопоставить степень удовлетворения потребностей в РФ по сравнению с международными стандартами. Одновременно можно вычислить рейтинг регионов, городов по качеству жизни (его ведущим показателям). Пример: в мировой экономике существует стандарт: 70% ВВП - на долю заработной платы, 30% - на долю предпринимательского дохода. В России доля заработной платы в ВВП в настоящее время составляет 20%. Рассчитывать на автоматизм в изменении этого показателя было бы нецелесообразно. В странах с развитой рыночной экономикой 20 – 25 лет назад данный норматив был похож на российский. Чтобы исправить положение, во Франции и Японии приняли закон о накоплении и потреблении, в котором ограничили возможности работодателя в перераспределении ВВП. Подобные институциональные решения назрели и в России.

Конечно, перечень отмеченных ранее показателей не исчерпан. Так, «не повезло» работникам высококвалифицированного труда. В генеральном соглашении лишь намечены меры по совершенствованию дифференциации оплаты труда. Например, в статье 2.10 намечено рассмотреть вопрос о введении раздельного учета средней заработной платы по категориям работающих: рабочий, специалист, руководитель. Но этот перечень преимущественно охватывает промышленно-производственный персонал. В

разделе 2.7 намечены меры по тарифному регулированию оплаты труда. Тарифным ставкам (окладам) Единой тарифной сетки работников бюджетной сферы намечено передать функции социальных государственных стандартов в области оплаты труда.

В разделе 2.88 в общем виде (без расшифровки мер) указана задача тарифного регулирования заработной платы в организациях внебюджетного сектора экономики, учитывающих сложность выполняемых работ и квалификацию работников. Пока никакой детализации мероприятий и сроков их реализации не предусмотрено.

Некоторые авторы предлагают ввести три государственных норматива регулирования уровня заработной платы². Первый уровень - это заработная плата, которая эквивалентна прожиточному (физиологическому) минимуму. Второй уровень называется социальным минимумом. Он рассчитывается на основе «потребительской корзины» с расширенным перечнем товаров и услуг. Количественно предполагается его трех-четырёхкратное увеличение по сравнению с физическим. Наконец, третий уровень регулирует бюджет семьи наемного работника в соответствии с душевым потреблением на базе социальных норм.

Данное предложение вполне справедливо, и оно теоретически основано на марксовой теории стоимости рабочей силы. Однако применительно к высококвалифицированному труду должны быть сделаны существенные поправки. Высококвалифицированный труд (доктор наук, профессор, выдающийся артист, спортсмен и т.д.) - это редкий ресурс. Его воспроизводство, в том числе поддержание высокой квалификации, требует значительных затрат. Поэтому стоимость его значительно выше среднеобщественных показателей, которые лежат в основе тарифов и нормативов оплаты труда. Вознаграждение таких работников включает экономическую ренту как плату за редкий ресурс. Вот почему, по нашему мнению, ограничение регулирования оплаты труда работников высокой квалификации лишь тарифной областью недостаточно.

Рассмотрим организацию оплаты труда работников высокой квалификации на примере вузовских докторов наук, профессоров.

Каждому преподавателю вуза ежегодно определяется количество учебных часов, которые в итоге составляют штатную ставку. Она может колебаться на разных факультетах вуза от 500 до

1 000 часов. Нормы времени в учебной работе для всех преподавателей одинаковы независимо от их квалификации. Различия в размерах заработка достигаются с помощью тарифных разрядов, ставок и коэффициентов. При почасовой оплате труда употребляется особая нормативно-почасовая ставка, которая эпизодически изменяется. Так, например, с 1 января 2002 г. почасовая ставка доктора наук, профессора составляет в ЯрГУ 112,5 руб., кандидата наук, доцента - 90 руб., преподавателя без степени – 45 руб. Здесь сразу несколько недостатков. Первое - низкий уровень тарифа, второе - крайне малый диапазон дифференциации: 2,5: 2,0: 1. Крайние позиции должны различаться не менее чем в 10 раз, то есть 10:1. Не соответствует оптимальному и соотношение почасовых ставок профессора и доцента. Это остаток уравнительного распределения.

Применительно к профессорам имеется ряд специальных нормативов. На руководство аспирантами выделяется 50 часов на одного человека в год. Это означает, что на каждый месяц приходится 5 часов. Такой норматив существенно занижен. Профессионал знает, что научный руководитель, как правило, читает работу аспиранта три-четыре раза. Если же «работать по правилам», то ни о какой консультации говорить не приходится. Данный норматив нужно увеличить минимум в четыре раза, т.е. до 200 часов в год. Тогда оплата труда за консультирование аспирантов-бюджетников и аспирантов-договорников (примерно 20 тыс. руб. в год) будет одинаковой. Другой вариант решения: сохранить формально количество часов, но ввести поправочный коэффициент к почасовой ставке профессора за данную работу.

Еще один норматив: руководство кафедрой, в том числе разработка учебных планов, планирование и контроль учебной нагрузки, посещение занятий преподавателей кафедры и др. Если на кафедре от 5 до 9 сотрудников, то выделяется 40 часов в год, от 10 до 19 человек – 50 часов. Сразу отмечу, что такого количества времени хватает лишь для текущих организационных задач. Но для решения более трудоемких учебно-методических проблем этого времени существенно недостаточно. В качестве реального примера приведем перечень основных работ заведующего кафедрой - профессора за два последних года в связи с введением новой специализации «Экономика и менеджмент в социальной работе»:

- разработка общей концепции специализации;

- подготовка необходимой документации для утверждения специализации;

- консультирование преподавателей по вновь вводимым курсам в разделе «Общепрофессиональные дисциплины» (ОПД), «Специальные дисциплины» (СД), «Дисциплины специализации» (ДС);

- подготовка методических указаний по проведению производственных практик по специализации;

- формирование баз практики;

- подготовка методических указаний по написанию дипломных работ по специализации;

- рецензирование учебных пособий, подготовленных преподавателями;

- корректировка авторского спецкурса «Социальный маркетинг» в соответствии со специализацией;

- разработка авторского спецкурса «Теория организации».

Конечно, при всем желании включить эти виды работ в 40-часовой норматив невозможно. Налицо отсутствие вознаграждения за проведенную важную и высококвалифицированную работу. Каков выход: ежегодно уточнять условия трудового договора в соответствии с задачами на учебный год и производить соответствующую доплату.

Кроме заниженных нормативов, есть еще виды деятельности, которые совсем не оплачиваются, например: отзыв ведущей организации на диссертацию, отзыв на автореферат, экспертное обсуждение диссертации преподавателями кафедры. Как видно, больше всего «не везет» подготовке кадров высшей квалификации, хотя эта деятельность в среднесрочной программе Грефа объявлена одной из приоритетных для вузов РФ.

Заниженные нормативы и тарифные ставки оказывают существенное влияние на общий заработок профессионалов. Рассмотрим в качестве примера среднемесячную зарплату доктора наук, профессора (со стажем вузовской работы около 40 лет) за 2001 г. (после вычетов налогов и других платежей):

1. Тарифная часть заработка – 1 266,3 руб. (29,2%)
2. Надтарифная часть заработка – 2 546,8 руб. (58,7%)
3. Выплаты из договорных средств - 525,0 руб. (12,1%)

Переход с января 2002 г. на новые тарифные ставки привел к следующим изменениям:

1. Тарифная часть заработка – 1 890,0 руб. - возросла по сравнению с 2001 г. на 49%, но доля в совокупном заработке увеличилась с 29,2 до 35%.

2. Надтарифная часть заработка – 2 867,0 руб. - возросла по сравнению с 2001 г. на 12,5%, но доля в общем заработке сократилась с 58,7 до 53,1%.

3. Выплаты из договорных средств (за студентов, принятых на учебу по договору) увеличились незначительно с 525 руб. до 636 руб., а доля их даже сократилась с 12,1 до 11,7%.

Среднемесячный совокупный заработок-нетто в 2001 г. составлял 4 338,1 руб., а с января 2002 г. – 5 393 руб., т.е. рост на 24,3%.

Из приведенных данных можно сделать следующие выводы. Во-первых, несмотря на небольшой рост тарифной части заработной платы, ее стимулирующая роль невелика. А ведь это оплата за квалификацию работника. Но власти в ряде случаев выгодно иметь невысокий уровень тарифа, ибо от него рассчитываются другие нормативы, в частности, оплата за заведование кафедрой, за степень доктора, за должность профессора. Последние выплаты относятся к надтарифной части заработка и как-то компенсируют низкий размер трудового вознаграждения.

Во-вторых, выплаты за договорных студентов зависят от специфики факультета. Уровень оплаты за счет этой статьи на факультете социально-политических наук относительно невысок, но может быть повышен при условии укрепления материальной базы.

В-третьих, заработок профессора из-за его низкого уровня не может стать в настоящее время стандартом для определения размеров оплаты труда остальных преподавателей и сотрудников, в том числе и администрации. Необходимо в перспективе сделать заработок профессора в вузе базовым стандартом для оценки уровня заработной платы для всех других сотрудников. Такой опыт имеется. Например, в регионе зарплата всех чиновников напрямую зависит от губернаторской. С помощью специальных коэффициентов определяется размер заработка заместителей и других служащих.

В-четвертых, размер тарифов на платные услуги на разных факультетах университета неодинаковый. Более того, существуют различия в оплате труда «своих» факультетских преподавателей и привлеченных с других кафедр.

При пересмотре тарифной политики за платные услуги целесообразно использовать опыт западных стран, в которых специальные независимые ассоциации специалистов определяют стоимость услуги, утверждают примерные расценки в зависимости от сложности работ и квалификации персонала. В России подобной деятельностью занимается лишь стоматологическая ассоциация. Видимо, есть смысл при отраслевых профсоюзах, объединяющих работников высококвалифицированного труда, создавать саморегулируемые организации специалистов-профессионалов для определения уровня тарифов на услуги и их корректировку в соответствии с темпом инфляции и квалификацией работников. Если этого не сделать, то будут возрастать социальные угрозы в обществе, в том числе «утечка мозгов» за рубеж, старение высокопрофессиональных кадров, снижение качества образования. Что касается финансовых ресурсов для реализации таких предложений, то можно отметить следующие: государственные (федеральные и региональные) средства, привлечение финансов спонсоров, личные средства граждан. Так, при подготовке не только студентов, но и аспирантов вполне возможно использование нового инструмента - государственных именных финансовых обязательств (ГИФО), внедрение которых намечается экспериментально проверить в 2002 - 2003 гг.³

В вузе есть еще одна особенность оплаты труда. Формально у вузовских работников считается шестичасовой рабочий день. По старым ведомственным инструкциям он делится на две части. Первая - платная. В нее включается учебная нагрузка. Вторая половина - бесплатная. В нее входят разнообразные виды работ: учебно-методическая (подготовка к занятиям, подготовка докладов, взаимопосещение занятий и др.); научная, в том числе выполнение плановых госбюджетных (§ 47) научно-исследовательских работ, написание учебников и учебных пособий, монографий, отзывов на авторефераты диссертаций и т.д.; организационная, в том числе подготовка материалов к различным заседаниям, профориентационная работа и т.д.

Имеется еще несколько парадоксов. Научная работа министерством почти не финансируется, но планы на кафедрах составляются регулярно. Все виды работ должны отражаться в индивидуальных планах преподавателей, выполнение которых строго контролируется. Установлены специальные нормативы: для избрания по конкурсу на должность на 5 лет преподавателю нужно опубликовать 3-4 учебно-методические и 3-4 научные работы. С последним делом возникают постоянные трудности. Во-первых, почти все публикации на научных конференциях стали платными. Во-вторых, публикации на факультете осуществляются за счет внебюджетных средств или за личные деньги преподавателей.

Таким образом, виды работ во вторую половину рабочего времени для преподавателя не только не оплачиваются, но, напротив, требуют дополнительных собственных расходов. Чтобы выйти из этого тупика, основная масса преподавателей вынуждена использовать вторую половину дня для работы по совместительству. Это приводит к большим перегрузкам и влияет на здоровье работника.

По моему мнению, давно пора отменить архаичную норму деления рабочего дня на две половины - платную и бесплатную. В новом Трудовом кодексе такого деления нет. Все рабочее время, в том числе и затраченное на научно-исследовательскую работу, должно быть оплаченным. Конечно, сразу такое дело в полном объеме сделать невозможно из-за финансовых трудностей. Но поэтапное решение проблемы с участием работников, работодателей и профсоюзов вполне реально и отвечает требованиям рыночной экономики.

Примечания

¹ См.: Российская газета. 2002. 19 янв.

² Там же. 25 янв.

³ Там 23 янв.

Производственная демократия: сущность и проблемы ее становления в России

Одна из серьезнейших задач в экономической политике современной России - процесс разгосударствления собственности. Необходимость его осуществления связана с преодолением чрезмерной бюрократизации в решении многих хозяйственных вопросов. Исторически и логически для нашей страны – это особые задачи, поскольку у нас традиционно государство, прежде всего с петровских времен (начало XVIII в.), играло роль экономического субъекта. В этом отношении мы значительно опередили развитые страны Запада, где государства вопросами экономики начали непосредственно заниматься только в XX в. после мирового кризиса 20 - 30-х гг. Тогда многим ведущим политикам и ученым стало очевидным, что свободный рынок не может играть роль регулятора в народном хозяйстве и без прямого вмешательства государства в экономические процессы не обойтись¹.

Вместе с тем, как у них, так и у нас, наряду с возвышением роли государства в экономической жизни, все больше вырисовывалась проблема бюрократизации, т.е. произвола больших и маленьких чиновников при принятии того или иного хозяйственного вопроса. Особенно она стала значимой в советской России, когда в ходе национализации и массового за счет государства строительства новых промышленных объектов огосударствление экономики приняло тотальный характер. Всесилие бюрократии в нашей стране оказалось более масштабным, чем в других индустриальных государствах².

В то же время нельзя не признать, что в советский период, особенно начиная с 60-х гг. прошлого столетия, предпринимались меры по разбюрократизации народного хозяйства. Использовались следующие шаги по привлечению трудящихся к управлению в рамках предприятий: общие собрания, постоянно действующие производственные совещания (ПДПС), посты и группы народного контроля, общественные бюро экономического анализа, советы НТО и ВОИР и многие другие общественные организации в про-

изводстве. Именно тогда сложилась довольно разветвленная система форм участия трудящихся в управлении производством. Она охватывала все стадии управленческого цикла: подготовку, обсуждение проектов и решений, их принятие и реализацию, контроль за их исполнением.

Нельзя не признать, что эффект от этих форм демократизации производства был бы более значительным и результативным, если бы они не подверглись формализации в силу бюрократизации экономики. Об этом немало говорилось в научной и партийной литературе в те годы³.

Последней и наиболее радикальной попыткой в борьбе с бюрократизмом в экономической жизни явилось принятие по инициативе Ю.В. Андропова, тогда генерального секретаря ЦК КПСС, Законов СССР «О трудовых коллективах...» (1983 г.) и при поддержке М.С. Горбачева «О государственном предприятии (объединении)...» (1987 г.). В соответствии с первым Законом трудовые коллективы получили более широкие права в планировании и социальном развитии, обеспечении трудовой дисциплины, организации нормирования и оплаты труда. Согласно второму Закону им было предоставлено право избирать на общем собрании руководителя, создавать совет трудового коллектива, заслушивать и утверждать отчеты об их деятельности⁴.

И опять же в силу формализации выборы руководства предприятий – важнейший элемент производственной демократии – были превращены в кампанейщину и дискредитированы. Возникшая чехарда с выборами руководителей без повышения ответственности трудовых коллективов перед обществом за результаты своей хозяйственной деятельности привела к тому, что наиболее опытные, но требовательные к труженику директора, начальники цехов оказались «выбитыми» из числа управленцев. К руководству предприятиями стали приходить малоопытные, но амбициозные руководители. Это явилось одной из причин возникновения кризиса в экономике к концу 80-х гг., выразившегося, в частности, в нехватке многих промышленных и продовольственных товаров.

Тогда в публицистической, а затем и научной литературе появились статьи Г. Попова, Е. Гайдара, Г. Явлинского, П. Бунича и др. с обоснованием приватизации как главного направления в разгосударствлении экономики. В качестве яркого примера при-

водились действия правительства М. Тэтчер в Англии по приватизации, что наряду с его мерами по ужесточению социальной политики позволило вывести промышленность на передовые рубежи.

Итак, к концу 90-х гг. идея разгосударствления окончательно овладела умами ученых и политиков. Однако ее реализация пошла по пути приватизации, причем исключительно ускоренной⁵. В течение нескольких лет (с 1992 по 1995 гг.) десятки тысяч объектов в промышленности, строительстве и банковском деле оказались в руках класса частных собственников. Здесь уместно напомнить кредо главного вдохновителя идеи приватизации в России А.Б. Чубайса, который был тогда руководителем Госкомитета по имуществу, а ныне он возглавляет РАО «ЕЭС». «Ничье - оно ничье и есть. За ничье ни у кого не болит душа. Цель приватизации – забрать все, что можно, у государства и вернуть людям. Равный шанс дается всем с самого начала, но никому не навязывается дальнейшее решение. Важно только не суетиться... Взаимоотношения в ней (советской экономике. – *В.К.*) во многом строятся на унижении подчиненного руководителем»⁶.

С высоты сегодняшнего дня видно, что в ходе приватизации людям не только не вернули собственность, но и забрали у них многие социальные права: бесплатное медицинское обслуживание и образование, дешевый общественный транспорт и жилищно-коммунальные услуги и т.д. Что же касается положения человека на производстве, то теперь в соответствии с Трудовым кодексом, вступившим в силу с 1 февраля 2002 г., он оказался в непосредственном подчинении работодателя. Последний может изменить режим рабочего дня, условия труда и уволить работника без согласования с профсоюзом, ставя его только в известность. В случае произвола работодателя профсоюзу предоставляется право обращаться в суд. В соответствии же с прежним КЗОТом от 1976 г. без подписи профсоюзного работника вышеназванные действия были неосуществимы.

Самое же главное: пока не видны серьезные положительные сдвиги в промышленности в результате осуществленной приватизации. Если и имел место некоторый подъем в народном хозяйстве, то он, как отмечается в научной литературе, был вызван возникшим резким ростом цен на зарубежную продукцию под воздействием дефолта в августе 1998 г. и сложившимися довольно высоки-

ми ценами на нефть на мировом рынке до недавнего времени. Надежды на активное и устойчивое развитие народного хозяйства с помощью новоявленных олигархов-капиталистов до сих пор не оправдываются. Вот почему интерес к такому направлению разгосударствления (а для России теперь оно выглядит в форме деприватизации), как и производственная демократия, снова начинает привлекать российскую научную общественность⁷.

Во многих развитых капиталистических странах (США, Германия, Испания, Швеция и др.) внедряется в той или иной форме производственная демократия⁸. Она включает в себя такие элементы: диффузия собственности через создание акционерных обществ, разработка планов передачи собственности в руки работников, как это делается в США в рамках программы ЭСОП⁹; расширение числа кооперативных предприятий и усиление в управлении ими роли работников вплоть до найма администрации¹⁰. Реализация идей производственной демократии направлена, прежде всего, против замены капиталистического отчуждения труда на государственно-бюрократический, и наоборот, поскольку в том и другом случае труженик, не участвующий как совладелец, лишен в значительной степени социальных стимулов (соучастием в принятии и реализации хозяйственных задач) к высокопроизводительному труду.

С учетом высказываемых в научной и публицистической литературе идей и практических предложений по реализации производственной демократии мы считаем, что ее становление будет происходить *следующим образом*:

1. Передавать государственные предприятия в полное хозяйственное ведение или в аренду трудовым коллективам. В том и другом случае права и ответственность собственника распределяются между государством и трудовым коллективом. Предприятие станет работать на началах самоуправления. Государство же, сохраняя ведущую роль в управлении, будет определять стратегические хозяйственные параметры. За ним сохраняется право утверждения руководителя на предприятии и его заместителей. Трудовому коллективу предоставляется полная оперативная самостоятельность в решении текущих вопросов и распределении дополнительно созданного продукта, который остается в его распоряжении после расчетов с государством.

2. Переходить к передаче (выкупу) прав собственности на средства производства от владельца к трудовому коллективу, к найму им самой администрации. Ему также предоставляется право устанавливать соотношение между размерами оплаты труда администрации и средними заработками рабочих на предприятии, отменять коммерческую тайну на доходы административной элиты. Опыт работы коллективных предприятий на Западе говорит о том, что найм администрации работниками предприятия вполне совместим с предоставлением управленцам необходимых полномочий, включая право единоначалия в руководстве технологическими процессами.

3. Обеспечить радикальную демократизацию снизу доверху функционирующих хозяйственных органов. Органы управления должны выражать интересы тружеников и опираться на трудовые коллективы самоуправляющихся предприятий, ведомств (отраслей), территорий. Само же формирование системы органов согласованного саморегулирования трудящихся следует начать с создания (восстановления) СТК предприятий, которые образуются на основе делегирования представителей от цехов и подразделений с правом замены или отзыва их в любое время. Это позволяет стать им по-настоящему представительным «органом» в соответствии с социальной структурой коллективов.

Практика становления СТК и комитетов рабочих в конце 80 - 90-х гг. говорит о том, что их деятельность не должна ограничиваться внутренними проблемами предприятий. Формирование Советов трудящихся на территориальной основе объединит представителей трудовых коллективов не только производственной, но и непроизводственной сферы. Это создаст предпосылки для более органического сочетания решения экономических и социальных вопросов, исключения возможности противопоставления интересов отдельных трудовых коллективов и возникновения конфликтов на этой почве. Функционирование местных Советов трудящихся не обойдется без специального управленческого аппарата. Он так же, как и на предприятии, будет формироваться не по указке «сверху», а наниматься тружениками.

4. Должен быть выработан единый методологический подход к определению функции и задач самоуправления на уровне пред-

приятий и учреждений, микрорайонов, регионов и республик в зависимости от зрелости движения за самоуправление.

На начальном этапе (стачечный период) в качестве лозунгов и задач можно выдвинуть следующие:

- предоставление полной и правдивой информации о доходах руководства и финансовом положении предприятия (муниципалитета): его имуществе, распределении прав собственности, заключенных договорах и т.п.;

- возрождение реально действующих на предприятиях профсоюзных организаций, советов трудовых коллективов, территориальных органов самоуправления и других форм самоорганизации трудящихся. Затем по мере их становления и укрепления их позиций уже решаются задачи по окончательному закреплению принципов производственной демократии;

- национализация всего государственного имущества, приватизированного с нарушением законодательства, с последующей передачей его в ведение трудовым коллективам (или с правом выкупа на льготных условиях).

5. Установить законодательно необходимые материальные предпосылки для участия трудящихся в управлении производством. Непосредственным участникам производства должно быть предоставлено право не только участвовать в создании СТК, Советов трудящихся всех уровней, в контроле за их работой, но и право отзыва не справившихся со своими обязанностями делегатов (депутатов).

Деятельность тружеников во многих самодеятельных организациях на предприятиях в советский период показала, что свободное время, предназначенное для работы в них, необходимо включать в рабочее время. Нельзя не согласиться с М.В. Поповым, когда он пишет: «Право на участие в управлении, осуществляемое лишь по вечерам да в выходные дни, когда основная масса государственных учреждений закрыта... к реальному, осязаемому участию тружеников в делах управления не ведет»¹¹.

Мы убеждены, что исходя из исторических традиций хозяйствования (артельность, общинность), менталитета народов России (тяга к социальной справедливости), достигнутых результатов в демократизации производства в советский период у производственной демократии в России есть будущее.

Примечания

¹ Ярчайший тому пример - «Новый курс Рузвельта», который представлял собой программу мер (план) по выходу экономики США из жесточайшего кризиса. Сегодня в любой экономически развитой стране имеются бюро, агентства или министерства по планированию.

² Между прочим, подобную тенденцию предвидел видный немецкий ученый М. Вебер, отмечая, что в результате перехода к социализму и связанному с этим процессом огосударствления средств производства бюрократия становится масштабнее. «Там, где современный вышколенный специализированный чиновник приходит к власти, его власть оказывается прямо-таки несокрушимой, так как тогда вся организация элементарнейшего жизнеобеспечения приспособляется к способу ее осуществления» (Гайденко П.П., Давыдов Ю.К. Проблемы бюрократии у М. Вебера // Вопросы философии. 1991. № 3).

³ Политико-экономические основы управления социалистической экономикой. М., 1982. С. 144-146.

⁴ Закон СССР от 17 июня 1983 г. "О трудовых коллективах и повышении роли в управлении предприятиями, учреждениями и организациями"; Закон СССР от 30 июня 1987 г. "О государственном предприятии (объединении)".

⁵ Следует сказать, что в самой Англии за 14-летнее пребывание у власти М. Тэтчер было приватизировано не более 15 промышленных предприятий. Это свидетельствует о том, что правительство крайне осторожно подходило к разгосударствлению.

⁶ Труд. 1992. 29 сент.

⁷ Альтернативы: 10 лет на теоретическом фронте. М., 2001; На путях к рабочему контролю и самоуправлению трудящихся. М., 2001; Попов М.В. Экономическая основа Советской власти // За рабочее дело. 1997. № 15; Рудык Э., Колганов А. Развитие участия работников в управлении предприятиями всех форм собственности. М., 2000.

⁸ Противники производственной демократии и скептики обычно утверждают, что самоуправление ведет к понижению эффективности производства, стремлению «проедать» производственные накопления, а не вкладывать в производство. Все эти опасения, конечно, имеют право на существование. Однако опыт производственного самоуправления в США свидетельствует об обратном. На таких фирмах, по американским данным, производительность труда была выше на 15%, фондоотдача - на 177%, норма прибыли на используемый капитал - на 33% (Альтернативы, С. 31).

⁹ На пути к экономической демократии / Под ред. А. Бузгалина. М., 1994. Т. 2. С. 138.

¹⁰ Белоцерковский И.И. "Мандрагона" - федерация самоуправляющихся фирм в Басконии (Испания) // Самоуправление. 1992. № 2.

А.Г. Шатохин

Опыт использования тестов и деловых игр по экономике для контроля знаний студентов в учебном процессе

Одна из наиболее серьезных проблем методики преподавания в вузе - это проверка знаний студентов в учебном процессе. На лекции преподавателю довольно трудно определить, как студент усваивает излагаемый материал. На семинарских занятиях руководитель при рассмотрении теоретических вопросов за 2 часа не в состоянии опросить всех студентов группы, где зачастую больше 25 человек.

Активное участие в работе семинара в лучшем случае принимает от одной трети до половины всех студентов. Остальные отмалчиваются. В результате преподаватель не знает, как усвоен этими студентами изучаемый материал.

А поскольку все рассматриваемые экономические категории имеют определенную логическую связь и нарастающая в процессе обучения информация опирается на необходимость усвоения предыдущего материала, постольку отсутствие оперативной обратной связи может отрицательно сказаться на познании студентами всего курса экономики. Не усвоив одной темы, студент перестает понимать материал другой.

Использование же тестов и деловых игр в процессе проведения семинарских занятий позволяет устранить такой недостаток. Так, автор использует несколько разновидностей тестов:

1. Предлагается дать определение 10 основным понятиям, которые были рассмотрены преподавателем на двух предыдущих лекциях и законспектированы студентами. Например, по теме «Рынок ценных бумаг» предлагаются следующие вопросы: 1. Акция - это...; 2. Облигация – это...; 3. Листинг – это... и т.д. Время письменного ответа – 10 – 15 минут. Проверка теста дает

преподавателю возможность узнать, как усвоен материал и оценить готовность к семинару каждого студента.

2. Каждому студенту выдается индивидуальный (4 варианта) тест, который содержит 10 вопросов и четыре варианта готовых ответов. Правильный ответ только один. Например, тема «Конкуренция и монополии». Вопрос 1. Две или более фирмы, вступающие в сговор, с целью повышения цены на выпускаемую продукцию называются? Ответы: а) холдингом; б) синдикатом; в) картелем; г) конгломератом. 2. Что из нижеследующего не является характеристикой рынка совершенной конкуренции? Ответы: а) товар является однородным; б) продавцы не влияют на цены; в) вход и выход с рынка является свободным и простым; г) отдельные фирмы обеспечивают значительную часть рыночного предложения.

Время на выполнение письменного задания – 10 - 15 минут. Вопросы и ответы составляются с таким расчетом, чтобы студенты могли усвоенный материал обобщать и использовать в незнакомых ситуациях.

Автор также часто для контроля использует деловые игры, в которых студенты участвуют с большим желанием, поскольку они носят творческий характер.

Например, деловая игра по теме «Методы государственного регулирования ВЭД в условиях агрессивного маркетинга иностранных фирм». Цель - усвоение практики экономического воздействия государства, применяемой при защите отечественных производителей.

Предлагаемая деловая игра основывается на реалиях экономической жизни нашей страны. Иностранные партнеры, пользуясь неповоротливостью российских фирм, придумывают массу уловок, чтобы вывезти из России товар (в основном ценное сырье) подешевле и затем перепродать его втридорога. На семинаре разбираем конкретный пример с таким редким и уникальным товаром, как панты благородных оленей (новые рога). На протяжении всего периода государственной монополии на внешнюю торговлю бывшего СССР этот товар давал хорошую валютную выручку благодаря грамотной внешнеторговой тактике.

Грамотная тактика внешнеторговых организаций заключалась в предварительном изучении конъюнктуры рынка:

- выяснялись мировой спрос и предложение на этот товар и в зависимости от соотношения этих составляющих - мировые цены на него;

- поскольку объем потребления на панты невелик, старались предлагать ровно столько, сколько нужно, чтобы цена на них оставалась на высоком уровне.

С переходом от государственной монополии к самостоятельной торговле с иностранными партнерами совхозы старались набрать как можно больше этой продукции с пастбищ и заполучить как можно больше валюты, не ведая, что не всегда чем больше, тем лучше. В результате непродуманных действий различных структур Россия потеряла рынок пантов на ближайшие 10 лет.

Вся группа (25 человек) делится на 5 команд по 5 человек: 1 - совхозы, 2 - южнокорейские фирмы, 3 - заводы по переработке, 4 - правительство, 5 - группа контроля (экспертов).

Задача играющих команд - наработать план оптимального использования национальных природных ресурсов, а южнокорейским фирмам - суметь извлечь максимальную выгоду, используя сложившуюся ситуацию. Студенты в течение 30 минут анализируют мотивы поведения своей команды, а затем по 7 минут дается на выступления представителю каждой команды для аргументации своей позиции. Оценки выставляет группа экспертов. Итог подводит преподаватель, оценивая работу каждой команды

Использование тестов и деловых игр способствует обеспечению наибольшей усвояемости студентами изучаемого материала, приобретению навыков их обобщения и применения в новых ситуациях. Преподаватель имеет возможность осуществлять постоянный контроль в учебном процессе за уровнем знаний студентов.

Философия истории в творческом наследии Г. Гегеля (издательский аспект проблемы)

Всемирная история есть «дисциплинирование
необузданной естественной
воли и возвышение ее до всеобщности
и до субъективной свободы»
Г.В.Ф. Гегель

В грандиозном, поражающем своим предметным универсализмом теоретическом наследии Гегеля тем не менее нет специальной работы, посвященной системному изложению его философско-исторической концепции. Отдельного произведения на эту тему великий немецкий философ не писал. Однако в известном издании собрания сочинений Гегеля на русском языке *восьмой том* («Философия истории») целиком посвящен проблеме всемирной истории. О том, как постепенно формировалось содержание этого тома, мы узнаем из изучения истории изданий текстов Гегеля, которое само по себе является необходимым звеном в историко-философском постижении всего его творческого наследия. Рамки статьи позволяют нам ограничиться лишь издательской историей текстов Гегеля по интересующей нас проблематике, осуществленной на родине философа, в Германии¹.

Как известно, система гегелевского идеализма изложена в четырех его основных работах: «Феноменология духа», «Наука логики», «Энциклопедия философских наук» и «Философия права». Философско-историческая проблематика *фрагментарно* представлена лишь в двух последних. Однако известно, что в последние годы жизни философ работал над лекциями по философии истории (а также по философии религии и искусства).

Если проанализировать структуру «Энциклопедии философских наук» на предмет отражения в ней *историософской проблематики*, то в ней можно выделить следующие фрагменты:

1. Критический анализ государства и истории, помещенный Гегелем сразу же *после раздела об «абсолютном духе»* (искусство, религия, философия).

2. Поскольку искусство, религия и философия имеют свою *собственную историю*, то соответствующая проблематика имманентно присутствует в самом *анализе «абсолютного духа»*.

3. В разделе о «*субъективном духе*» (как основании «объективного духа») есть *антропологические* фрагменты, также представляющие философско-исторический интерес: *взаимодетерминированность общества и природы, характеристика теоретического (знания) и практического (воля) в человеке.*

Философско-исторический материал присутствует и в *трех завершающих частях «Философии права»*.

Гегелевская «Энциклопедия...» состоит из трех основных разделов: «Логика», «Природа», «Дух». На три части соответственно разделен и раздел о «Духе»: «субъективный», «объективный» и «абсолютный» дух. Интересно, что анализ внутренней структурной логики гегелевской системы позволяет отметить ее определенное сходство с принципом построения периодической системы химических элементов.

Отсюда следуют вопросы в интересующем нас проблемном аспекте: а) как «объективный дух» (включая философию истории) соотносится с философией природы? б) поскольку Логика есть фундамент всей философии Гегеля и одновременно ключ к пониманию построения его «периодической системы», то каков характер взаимосвязи философии истории и Логики, как они коррелируются? Ответы на все эти вопросы исключительно важны как для понимания сути историософии Гегеля, так и для решения вопроса о степени ее актуальности (полностью или фрагментарно). Однако это проблема отдельного историко-философского исследования.

Теперь, после того как мы рассмотрели характер экспликации философско-исторического материала в самих *текстах* Гегеля, и прежде всего в «Энциклопедии философских наук» (наиболее полном изложении его учения), обратимся к *издательскому аспекту* исследуемого вопроса: как историософская проблематика отражена в публикациях гегелевского наследия? Полагаем, что акцентирование этого аспекта помогает ответить на важный во-

прос о характере последующей актуализации Гегеля в современной культуре.

В самом деле, в случае с философской классикой (а в нашем случае - с философией истории Гегеля) сегодняшнее представление о степени ее «живости» формируется не только на основе ее содержательного анализа (в значительной мере - интерпретационного), но и на исследовании истории рецепции гегелевских философских текстов. Сюда входит понимание не только того, как интересующая нас проблематика (историософская), статус которой мы предполагаем как классический, разворачивалась в процессе творчества ее автора, но и *какова ее последующая историко-философская судьба*. А это не что иное, как проблема издательской трансляции философских текстов.

Несколько дней спустя после внезапной смерти Гегеля в Берлине от холеры в 1831 г. возник «Союз друзей усопшего», взявший на себя задачу издания его сочинений. 17 ноября того же года вдова философа, Мария Гегель, сообщала своей невестке Христиане: «Тут уже образовался круг из его ученых и посвященных учеников и друзей, чтобы упорядочить духовные сокровища оставленных им произведений. Для нашего блага они предполагают издать в серии томов богатый материал из его *лекционных тетрадей*, сравнив и соединив его с лучшими тетрадями *конспектов* его учеников. *Ганс принял на себя историю* (курсив мой. - В.Т.), Готто - эстетику, Марейнеке - философию религии, Хеннинг - сочинения разных лет, Михелет - уже не помню что»².

Из этого письма следует, что первые издатели Гегеля изначально сделали странный упор не на философские *тексты* (изданные прижизненно или оставшиеся в рукописях), а на *вторичный* материал: его университетские лекции и конспекты слушателей этих лекций. Второй, более частный, но и более нас интересующий момент касается того, что один из издателей, Эдуард Ганс, «принял на себя историю».

«Друзья усопшего» работали быстро и целеустремленно. Но публикация осуществлялась как бы «с конца»: в 1832 г. первым вышел том, содержащий «Лекции по философии религии». Затем были изданы лекции по эстетике, истории философии и т.п. И лишь в последующие тома вошли основные работы, издававшиеся еще при жизни философа и составляющие ядро и смысл его сис-

темы: «Феноменология духа», «Наука логики», «Энциклопедия философских наук» и «Философия права». В 9-й том (1837) вошли материалы по *философии истории*, подготовленные Э. Гансом. Это и было первое *отдельное* посмертное издание интересующей нас проблематики Гегеля.

К 1845 г. 18-томное собрание сочинений (первоначально планировалось издать 21 том) было завершено. Вскоре (еще в 1840-е гг.) все тома, за исключением седьмого, были переизданы. Последний раз объявление о продаже «Сочинений» Гегеля было сделано в 1870 г., в столетнюю годовщину со дня рождения философа. И хотя после 1870 г. это издание продавалось только у букинистов, оно стало «эталонным» для многих последующих публикаций Гегеля (в том числе и в России).

Что касается качества издания, осуществленного «Союзом друзей...», то оно ни в коей мере не может претендовать на аутентичность. Издатели производили в самих гегелевских текстах многочисленные изменения, простиравшиеся от мелких исправлений до перестановки целых параграфов и исключения частей текста. Так, в 95 параграфов «Философии субъективного духа» (третья часть «Энциклопедии философских наук») было внесено 150 исправлений, а в издании «Философии природы» изменена последовательность параграфов. Проявилось и явное пренебрежение издателей к эволюции мысли автора: их интересовало завершенное здание системы учителя (как они его себе представляли), но не путь к нему. Так, в первое собрание сочинений Гегеля не были включены ни первое издание «Науки логики» (1812 г.), ни первое и второе издания «Энциклопедии...» (1817, 1827 гг.), существенно отличающиеся от последующих прижизненных изданий. Совершенно не были представлены и еще существовавшие тогда черновики самой первой работы Гегеля, «Феноменологии духа», к сожалению впоследствии утраченные.

Что касается философии истории, то эта проблематика, как мы отметили, присутствовала в соответствующем томе (девятом) собрания сочинений. Следующее издание гегелевских лекций по философии истории было осуществлено сыном философа, Карлом Гегелем, в 1840 г. (т.е. еще до полного завершения публикации сочинений философа «Союзом друзей...») из текстов и фрагментов разных лет (с использованием публикаций Э. Ганса). Отметим,

что Карл Гегель сам был профессором истории, но при этом не принадлежал к явным гегельянкам. В 1887 г. эта работа была им же переиздана в форме двухтомника (философия истории, дополненная эпистолярным наследием Гегеля), обогащавшего, по мысли издателя, собрание сочинений «Союза друзей...» в качестве 19-го тома.

В рецензии на это издание Вильгельм Дильтей требовал нового исследования гегелевской философии на основе тщательной работы с аутентичными текстами и неопубликованными бумагами мыслителя. «Время борьбы с Гегелем прошло, наступило время его исторического познания», - писал Дильтей³.

Большую роль в новом, «позитивно-критическом» переосмыслении наследия Гегеля сыграл в начале XX в. священник Георг Лассон, сын гегельянца Адольфа Лассона. В 1909 – 1916 гг. он опубликовал ряд томов, содержащих публикации ранее неизвестных фрагментов, архивов и набросков Гегеля, а также черновиков впоследствии известных произведений, задумывавшихся еще в «иенский» период. В дальнейшем они составили основу так называемого «Архива Гегеля».

К сожалению, принципы, положенные Лассоном в основу издания, мало отличались от подхода «Союза друзей...» - стремления объединить различные конспекты лекций, наряду с рукописями самого Гегеля, в единое целое. «Целого», впрочем, не получилось, во-первых, из-за самого компоновочного принципа, а во-вторых, из-за того, что целый ряд рукописей Гегеля еще не был введен тогда в широкий научный оборот. Так, например, Лассону был не известен обнаруженный впоследствии обширный конспект лекций по философии всемирной истории 1830 – 1831 гг., записанный впервые Карлом Гегелем, но не вошедший в его издание 1840 г.

После смерти Лассона в 1932 г. издание трудов Гегеля продолжил Йоханнес Хоффмайстер, сосредоточившись, прежде всего, на более тщательной публикации «Истории философии» Гегеля. В этот период (1930-е гг.) на рынке автографов все чаще стали появляться новые, неизвестные ранее письма и конспекты лекций Гегеля. В 1932 г. Хоффмайстер ознакомился с обнаруженным в Ленинграде конспектом лекций Гегеля по истории философии 1827 – 1828 гг., не известным прежним издателям. Три года спустя поя-

вились еще четыре конспекта лекций. В результате скрупулезной работы, с учетом новых источников, в 1940 г. был издан первый и до сих пор считающийся наиболее аутентичным том «Лекций по истории философии»⁴. Впервые был осуществлен принцип раздельной публикации каждого курса лекций. Это позволяло с большой степенью достоверности определить, что в конспектах являлось собственно гегелевским словом, а что - дополнением слушателей.

Подобным же образом Хоффмайстер позже (1955) издал первый том «Лекций по философии всемирной истории», также отделив в нем текст, написанный самим Гегелем, от читанного им курса лекций⁵.

После смерти Хоффмайстера в 1955 г. и с момента основания в Бонне «Архива Гегеля» работа над «критическим изданием Гегеля» обрела совершенно новые организационные формы. Выпуск сочинений философа из частной инициативы (каковой он был более ста лет) превратился в предприятие, финансируемое государством. При поддержке правительства земли Северный Рейн-Вестфалия была создана «Гегелевская комиссия», взявшая на себя редакцию нового издания. В результате в последние десятилетия XX в., начиная с 1968 г. (выпуск первого тома), новое переиздание работ Гегеля в Германии осуществляло известное издательство «Meiner Verlag» в Гамбурге (при участии «Гегелевского архива» в Бохумском университете), а также издательство «Fromann-Holzboog» в Штутгарте⁶.

Так в настоящее время обстоит дело с изданием наследия Гегеля в Германии. На эти труды как на эталон, естественно, ориентируются и серьезные публикации текстов философа, осуществляемые в других странах.

Что касается современного анализа непосредственно философско-исторической составляющей, то здесь следует отметить две обстоятельные работы американского профессора Адриана Пеперзака (Университет Лойола в Чикаго), опубликованные в Германии издательством «Fromann-Holzboog» (Штутгарт): «Selbsterkenntnis des Absoluten» (о философии духа в целом) и «Hegels praktische Philosophie» («Практическая философия Гегеля»)⁷.

В последней из указанных монографий осуществляется поражающий своей скрупулезностью (предложение за предложением!)

анализ раздела гегелевской «Энциклопедии...», начиная с учения о «воле» и кончая *пассажами о философии истории* (включая важные размышления о роли личности в истории). В работе Перзака справедливо отмечается, что Гегель рассуждает об истории в аспекте всей своей системы. История («вторая» природа), будучи, по Гегелю, альтернативой и «критическим» преодолением природы, тем не менее остается природой, т.е. системой несовершенной и смертной, тем более что «вся» система не завершается историей, а продолжается феноменами «абсолютного духа»: искусством, религией и философией.

Гегелевское понимание истории нашло отражение и в объемном труде Витторио Хесле «Hegels System» («Гегелевская система») (Гамбург, 1988), являющемся наиболее фундаментальным сегодня реконструкт-анализом всей системы немецкого идеалиста. Философско-историческая составляющая здесь также представлена весьма солидно⁸. Вообще указанный труд профессора Хесле может сегодня считаться вполне классическим для изучения не только взглядов самого Гегеля, но и большого круга европейских гегельянцев XIX в. Немалый интерес для всех гегелеведов представляет и поражающая своей хронологической широтой библиография вопроса: с середины XIX в. - до конца 1960-х гг.

Более детальная характеристика историософии Гегеля также дана в работе профессора Т. Баутца «Hegels Lehre von der Weltgeschichte» («Учение Гегеля о мировой истории»), выпущенной в Мюнхене издательством «Wilhelm Fink Verlag» (1988)⁹.

Гегелевская концепция истории была одной из основных тем специального международного конгресса, проходившего в начале 1993 г. в Берлине под эгидой «Internationale Hegelvereinigung». Материалы конгресса в двух томах (около 100 статей) были опубликованы в Германии, но в России заметного научного резонанса ни конгресс, ни его публикации не вызвали.

Такова история актуализации гегелевской философско-исторической мысли в предметном ракурсе изданий его наследия в Германии.

Примечания

¹ Фрагментарное воспроизведение истории изданий сочинений Гегеля основано на использовании материала работы Н. Плотникова «Дух и буква.

К истории изданий Гегеля» (Путь. 1995. № 7. С. 261-289). Научная реконструкция места философско-исторической проблематики в творчестве Гегеля и ее издательской истории в Германии осуществлена автором статьи.

² Цит. по: Hegel in Berichten Seiner Zeitgenossen. Hrsg. v. Gunter Nicolini. Hamburg, 1970. P. 483.

³ О восприятии Гегеля В. Дильтеем см.: Плотников Н. Молодой Гегель в зеркале исследований // Вопросы философии. 1993. № 11. С. 32-56.

⁴ Hegel G.W.F. Samtliche Werke. Kritische Ausgabe. Bd. XVa: Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie. Vollständig neu nach den Quellen hrsg. von J. Hoffmeister. Leipzig, 1940.

⁵ Hegel G.W.F. Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie. Bd. 1. Die Vernunft in der Geschichte. Hrsg. von J. Hoffmeister. Hamburg, 1955.

⁶ Публикации, выпущенные со дня основания Архива, составляют к настоящему времени более 100 томов, включая ежегодник «Гегелевские исследования», материалы конгрессов, конференций и коллоквиумов.

⁷ Peperzak A.T. Selbserkenntnis des Absoluten. Stuttgart; Bad Cannstatt, 1991; Он же: Hegels praktische Philosophie. Stuttgart; Bad Cannstatt, 1991.

⁸ Hoesle V. Hegels System. Hamburg, 1988.

⁹ Bautz T. Hegels Lehre von der Weltgeschichte. München, 1988.

С.А. Кудрина

Развитие философии: от «недвоящегося духовного ума» к «формальному единству философской "системы"»

Для древнерусского сознания не существовало проблемы выбора цели познания. Ответ на вопрос о том, что важнее для человека - его духовное и нравственное состояние или интеллектуальный багаж и практические навыки, - был очевиден. Поэтому и цель познания была ясна: найти путь очищения и восстановления в себе прежде падшего образа Божия, уподобление Христу, показавшему совершенный образ человека. Такая цель прямо вытекала из православного понимания богословия: в отличие от западного, оно мыслилось не как наука чисто рациональная, а как живое опытное богопознание. Как писал св. Иоанн Лествичник, «совершенство чистоты есть начало богословия»¹. Святоотеческие тво-

рения изучались не ради теоретических богословских познаний («знание ради знания») или получения ученых степеней и почетных должностей, но из стремления найти верный путь образования в себе истинного христианина. Поэтому монастырь, собрание иноков, оказывал огромное нравственное влияние на общество в целом.

Философия, имея своей основой живое богообщение, имела всю полноту «недвоящегося духовного ума». Русские философы приняли определение философии, данное Иоанном Дамаскиным в его работе «Источник знания», в главе «Диалектика»: «Философия есть уподобление Богу... Философия есть любление премудрости, премудрость же истинная Бог есть; а любовь к Богу есть истинная философия»². Здесь нет самооправдательных рассуждений об «относительности всего», и представления о добре и зле еще не утонули в море релятивизма: нет сомнения в том, что одна философия для души спасительна, поскольку она есть «уподобление Богу», а иная - губительна.

Святитель Григорий Богослов предостерегал: «Будь благоразумен, рассматривая мира сего философию и науки, и книги; с мудростью собирай отовсюду полезное, подражай пчеле... избегай всего, что есть вредного; обойдя терны, сорви розы»³. При этом не возникает вопроса о противоречии между «умом и сердцем», между верой и знанием, поскольку человеческий опыт еще не страдает фрагментарностью и познание как движение к истине еще не мыслится отдельно от нравственности. По определению великого славянского просветителя равноапостольного Кирилла, «философия есть добродетельное житие, философия есть избежание всякого греха»⁴.

Источником идеи единства нравственно-познавательного опыта была гносеология христианского монотеизма. «Блаженны чистии сердцем, яко тии Бога узрят,» - говорит Христос. Вера и чистота сердца просвещают разум. Как писал Григорий Нисский, «познание совершается любовью»⁵. Именно Бог, как утверждал Иоанн Златоуст, «учит разуму человека, научая различать доброе от злого, вредное от полезного», душа же человека, «поддаваясь влиянию глупых служанок - чувств слуха, зрения, вкуса, обоняния, осязания, часто развращается». Иоанн Златоуст четко и лаконично сформулировал основополагающий принцип христианской

гносеологии: “Уровень нашего познания определяется состоянием нашей нравственности”⁶. При этом интеллект рассматривается как нечто несамостоятельное, ведомое, поскольку может либо быть готовым к восприятию Откровения (при условии Промысла и чистоты сердца), либо служить дурной воле и по причине гордыни считаться ценностью сам по себе, вслепую осуществляя путешествие по миру относительных истин.

В XVI–XVII вв., с основанием Славяно-греко-латинской и Киевской духовной академий происходит принципиальная смена приоритетов в самой цели познания. Как писал И.В. Киреевский, «в XVI веке... видим мы, что уважение формы во многом преобладает над уважением духа...»⁷. Первичными становятся ценности не духовные, а мирские: не чистота духа, а точность буквы, не любовь, а власть по образу мира сего. Возникли духовные школы с педагогами, не ведущими никакой духовной жизни. Эта болезнь захлестнула Россию в XVII в., с открытием духовных школ, устроенных в схоластической европейской манере, с использованием схоластических и иезуитских систем, методов и программ, страдающих формализмом, рационализмом, оторванным от реальной духовной жизни. Преп. Серафим Саровский говорил: «Это все произошло оттого, что мало-помалу, удаляясь от простоты христианского ведения, мы под предлогом просвещения зашли в такую тьму неведения, что нам то кажется не удобопонятным, о чем древнейшие христиане до того ясно разумели, что в самых обыкновенных разговорах понятие о явлении Бога между людьми никому из собеседующих не казалось странным»⁸. Упадок духовной жизни обусловил «стремление к формам чужим и чужому духу»⁹ (И. Киреевский).

Итак, потеряв живую связь с Богом, познание в России стало мыслиться в «духе чужом», зараженном раздробленностью и фрагментарностью. Этот «дух чужой» сформировался еще в эпоху «Возрождения», когда сама духовная атмосфера располагала к возвращению язычества. Бытие Бога не отрицается, но Его связь с миром уже ставится под сомнение: человек признает Бога, но Он ему уже не нужен, он Его не чувствует и поэтому у него исчезает потребность в молитве. Во всяком случае, родившийся из недр обмирщенного католицизма протестантизм «освобождает» человека от «лишних» нравственных усилий - ведь он якобы «свят од-

ной только верой». Из состояния души деизм вырастает в философское учение, которое появляется в Англии с выходом в свет в 1696 г. работы Дж. Толанда «Христианство без тайн». Позднее, уже в XVIII в., Вольтер под благовидным прикрытием борьбы за толерантность, отмежевывается как от теизма, так и от атеизма, но, по сути, открывает дорогу атеизму, поскольку Откровением объявляет мировую целесообразность и от живого молитвенного общения с Творцом не остается и следа: «Когда мы видим великолепный механизм, то предполагаем, что есть и механик с выдающимися умственными способностями»¹⁰.

Помимо деизма, ступенью к атеизму и материализму служит пантеизм, поскольку он предполагает отождествление Бога и природы, неотделимость Бога (как необходимой, согласно Спинозе, имманентной причины) от вещей и, следовательно, невозможность живого общения личности с Личностью.

С потерей чувства Бога постепенно угасала метафизичность. На этом фоне в философии (еще не вполне явно в эпоху Возрождения и явно - в Новое время) нарастает тенденция отказа от идеи абсолютного бытия. Это касается философии Западной Европы, но не вполне касается русской философии: как утверждает проф. Т.П. Матяш, в России «религиозный онтологизм стал основанием философского онтологизма»¹¹.

Перестав поклоняться Творцу, человек стал поклоняться самому себе, что вылилось в антропоцентризм и гуманизм; а с отказом от метафизики на первый план стали выходить проблемы человеческого сознания, человеческого «Я», философы углубились в исследование познавательных способностей человека. В результате предмет философии сужался все больше и больше и сузился до философии науки. Между тем «забытые» сферы человеческого опыта и «беспредметные» философские вопросы прорвались в XIX – XX вв. в форме иррационалистического протеста. Но следует заметить, что единство опыта восстановить уже не удалось: это был отчаянный бунт души против самодостаточного разума, против науки. «Сегодняшний человек, - утверждал Мартин Хайдеггер, - спасается бегством от мышления»¹². «Виновным» был объявлен интеллект. «Именно интеллект, - писал в своем дневнике С. Кьеркегор, - и ничто другое, помимо интеллекта, есть то, что следует опровергнуть»¹³.

Отказ от богообщения и угасание идеи бытия, таким образом, сопровождались раздроблением человеческого опыта на фрагменты, отделением нравственного опыта от познавательного, потерей духовной целостности человека. В XIX – XX вв. эта фрагментарность нашла свое отражение в глубоком противоречии. На личностном уровне - это противоречие «между умом и сердцем», которое многие почему-то полагают неизбежным и смакуют его, не считая это духовной болезнью: «как рациональное существо думаю так, а как нравственно-духовный субъект живу совсем по-другому (или, по крайней мере, хотел бы жить, да не получается в силу ряда объективных внешних причин)». На уровне культурном - это противоречие между верой и знанием, наукой и религией, «калькулирующим мышлением» и «осмысляющим раздумьем».

В современной философии забвение духовных корней, крайний субъективизм и все оправдывающий релятивизм, превратившие философские размышления в игры самодостаточного разума, культивируют так называемые постмодернисты. Подобную философию И.А. Ильин называл «препарированием личной мифологии». «Здесь, - писал он, - нет единого и зрелого научного метода; здесь все субъективно и произвольно, ибо каждый говорит про себя и о своем: каждый твердит о своей “химере”. Ни один не понимает другого; но “все не согласны”: каждый не приемлет чужую химеру, ибо чужая - никому не нужна. Нужна своя: только она есть “истина” - она, родная выдумка, личный миф, “моя сказка”»¹⁴.

Другие симптомы такой болезни, которые, к сожалению, имеют место и в современной России, И.А. Ильин описывал так: «Философия сохраняет... видимость научного знания, но именно одну только видимость... Такие мыслители начинают ценить выше всего формальные различия и определения понятий, формальное единство философской “системы”, формальные проблемы и постановки вопросов. Утратив живое отношение к предмету, не сознавая, что при таком положении дела философия неминуемо вырождается в комбинацию беспочвенных понятий, они остаются нередко без всякой предметной опоры и начинают ее заменять опорой *чужой мысли*... Пишутся книги о книгах; строятся особые толкования и понимания чужих идей; чужие воззрения исследуются как некая самостоятельная ценность; культивируется изощренная библиографическая осведомленность»¹⁵. По сути, это

описание смерти философии. «Прогресс, отрицающий Бога и Христа, - писал И.С. Аксаков, - в конце концов становится регрессом; цивилизация завершается одичанием; свобода - деспотизмом и рабством. Совлекая с себя образ Божий, человек неминуемо совлечет - уже совлекает - с себя и образ человеческий и возревнует об образе зверином»¹⁶.

Таким образом, поиски «свежих идей» обернулись полной потерей корней. «Родина, - писал И.А. Ильин, - есть нечто от Духа Божия: национально воспринятый, возвращенный и в земные дела вработанный дар Духа Святаго. Нельзя погасить в себе эту святую. Ею надо жить... Ее нельзя отдать в порабощение или в поправление другим народам... Мой путь к Богу есть путь моей Родины; ее восхождение к Богу есть мое восхождение».

Примечания

¹ Преп. Иоанн, игумен Синайский. Лествица. М., 1873. С. 306.

² Цит. по: Громов М.Н., Козлов Н.С. Русская философская мысль X – XVII веков. М., 1990. С. 29-30.

³ Цит. по: Букварь: Наука. Философия. Религия. Книга 1. История философии. М., 2001. С. 8.

⁴ Цит. по: Громов М.Н., Козлов Н.С. Русская философская мысль X – XVII веков. С. 36.

⁵ Столп и утверждение истины: опыт православной теодицеи в двенадцати письмах свящ. Павла Флоренского. М., 1914.

⁶ Сердце чисто созижди во мне, Боже... М., 1994. С. 149.

⁷ Киреевский И.В. Критика и эстетика. М., 1979. С. 291-292.

⁸ Беседа преп. Серафима Саровского с Н.А. Мотовиловым «О цели христианской жизни». Сергиев Посад, 1914. С. 33.

⁹ Киреевский И.В. Критика и эстетика. С. 291-292.

¹⁰ Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. СПб., 1996. Т. 3. С. 516.

¹¹ Философия: Учебник для высших учебных заведений. Ростов н/Д, 1996. С. 145.

¹² Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М., 1991. С. 103.

¹³ Цит. по: Зотов А.Ф., Мельвиль Ю.К. Буржуазная философия середины XIX - начала XX века. М., 1988. С. 228.

¹⁴ Ильин И.А. Соч.: В 2 т. Т. 2. Религиозная философия. М., 1994. С. 24.

¹⁵ Там же. С. 22.

¹⁶ Аксаков И.С. Христианство и современный прогресс. На запросы духа / Сост. А. Палицкий. Пг., 1914.

Коррупция и культура: основные подходы и конфликтное взаимодействие^{*}

В обширной научной литературе, посвященной коррупции, основное внимание уделяется проблеме эффективности государства: политическим, экономическим, административным и правовым факторам коррупционного поведения чиновников. Однако сосредоточение на причинах бюрократического взяточничества зачастую приводит к тому, что коррупция изображается как игра одного актера – чиновника-вымогателя. В действительности коррупция – это активное взаимодействие даже не двух, а по меньшей мере трех сторон. На макросоциологическом уровне эти стороны представлены бизнесом, государством и обществом, а в сознании непосредственных участников коррупционных сделок – чиновником, предпринимателем и фигурой незримого Другого (референтной группой, общественным мнением), на которую опирается легитимация любой незаконной деятельности. В этой небольшой обзорной статье мы попытаемся обратить внимание читателя на проблемы, актуальность которых, на наш взгляд, будет расти по мере улучшения экономической ситуации в стране и упорядочивания работы государственного аппарата. Это проблемы скупки государства и легитимации незаконной экономической деятельности в массовом сознании.

Стратегии коррупционного поведения. Первым целенаправленным исследованием феномена скупки государства стало «Об-

^{*} Поддержка данного проекта была осуществлена Программой «Межрегиональные исследования в общественных науках», Институтом перспективных российских исследований им. Кеннана (США), Министерством образования Российской Федерации за счет средств, предоставленных Корпорацией Карнеги в Нью-Йорке (США), Фондом Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров (США) и Институтом «Открытое общество» (фонда Сороса). Точка зрения, отраженная в этой статье, может не совпадать с точкой зрения вышеперечисленных благотворительных организаций.

следование бизнес-среды и эффективности работы предприятий», проведенное в 1999 г. по заказу Европейского банка реконструкции и развития и Всемирного банка в 22 странах с переходной экономикой с целью проанализировать препятствия, возникающие в процессе формирования новой экономической среды. Обследование было обращено непосредственно к опыту функционирующих в стране фирм, и этим отличалось от используемых обычно индексов коррупции, основанных на внешней оценке ситуации экспертами. Полученные в ходе исследования данные позволили Дж. Хэллману, Дж. Джонс и Д. Кауфману выделить три типа коррупции: скупку государства, влияние на государство и административную коррупцию¹. Скупка государства определяется как воздействие на формирование основных правил игры (т.е. законов, положений, правил и инструкций) посредством незаконных и «непрозрачных» частных платежей государственным должностным лицам. Влияние - это способность фирмы воздействовать на формирование правил игры без подкупа должностных лиц (благодаря таким факторам, как размер фирмы, ее значение для национальной или региональной экономики, доля государства в пакете акций и продолжительность отношений с государственными чиновниками). Наконец, административная коррупция определяется как частные выплаты государственным должностным лицам не для введения новых правил, а в целях обеспечить искаженное, произвольное применение тех или иных правил, законов или ограничений, наложенных на деятельность фирмы государством². Административная коррупция измеряется как доля годового дохода, которую обычно компании выплачивают чиновникам для «решения вопроса».

Если рента, полученная благодаря административной коррупции, фирме напрямую не поступает, то изменение самих правил игры путем скупки государства и влияния обеспечивает фирме высокие темпы роста. Значительные выгоды для скупщиков в «скупленной экономике» приводят к серьезным отрицательным эффектам для всех других фирм. Фирмам-скупщикам вовсе не нужно специально использовать свои отношения с государственными чиновниками, чтобы создать препятствия для проникновения на рынок других фирм, ведь любое соглашение между агентом рынка и стороной, устанавливающей правила игры, автоматиче-

чески сужает возможности для других агентов (независимо от того, входит это в их намерения или нет)³.

Именно это и произошло с российским бизнесом в начале 1990-х гг. Проводившее политику полной децентрализации, Правительство контактировало напрямую с директорами предприятий, которых рассматривало как основу оживления экономики. Неравенство в положении (влиятельности, доступе в высшие коридоры власти) привело к тому, что некоторые предприятия получили сверхприбыли, другие же разорились⁴.

В экономике с низким уровнем скупки государства темпы роста фирм-скупщиков ниже по сравнению с другими фирмами, т.е. скупка государства действительно обеспечивает преимущества для фирм, но только в тех странах, где она достигла определенного порогового уровня. В странах с низким уровнем коррупции фирмы-скупщики менее эффективны, чем остальные⁵. Хотя скупщики добились от государства определенных преимуществ, благодаря которым они увеличили объемы реализации в краткосрочной перспективе, эти выгоды не позволяют им надеяться на прирост инвестиций⁶. Зависимость успеха от связей с конкретными должностными лицами и политиками в долгосрочной перспективе становится угрозой.

Оказалось, что к стратегии скупки государства прибегают в основном фирмы, созданные после начала рыночных реформ, тогда как на стратегию влияния опираются те предприятия, которые или были приватизированы, или остались государственными и сохранили устойчивые связи с министерствами. Первые – это фирмы-новички, стремящиеся посредством подкупа компенсировать слабости в нормативной базе их деятельности, подкрепить свои права собственности, недостаточно обеспеченные государством. Вторые – это ветераны с надежными правами собственности и хорошими связями, доставшимися им в наследство от прошлого. С точки зрения Дж. Хэллмана, Дж. Джонс и Д. Кауфмана, скупка государства является ответом новичков на незащищенность их прав собственности и неполную либерализацию⁷. В тех странах Восточной Европы, где либерализация экономики была проведена в полной мере, быстрый рост скупки государства постепенно остановился и затем уровень активной коррупции значительно снизился. Это согласуется с точкой зрения С. Хантингтона, согласно

которой коррупция возрастает в период модернизации, когда политическая активность опережает институционализацию⁸. Но если С. Хантингтон имеет в виду степень определенности правового поля и социальных норм, то авторы статьи «Ловите момент, хватайте государство» объясняют рост и падение коррупции соответственно ослаблением контроля со стороны государства и усилением контроля со стороны гражданского общества. Таким образом, в странах с развитой системой гражданских прав попытка купить государство сопряжена со слишком большими моральными издержками. Оставляя в стороне вопрос о том, существует ли гражданское общество в России и может ли оно контролировать экономическую власть, можно предположить, что моральные издержки скупки политиков и должностных лиц невысоки сейчас и не были высокими раньше. Если не считать кратковременных всплесков общего внимания к проблеме коррупции и кампаний «чистые руки», тесные связи с «нужными людьми» в России ценились всегда: и в царское, и в советское время⁹. Патернализм, иерархичность и опора на неформальные отношения с властью, подкрепляемые подарками и услугами, стали фундаментальными характеристиками самой российской культуры. Политические, экономические и даже географические причины такого положения вещей хорошо известны.

Скупка государства не могла не происходить не только потому, что входящим в рынок фирмам необходимо было конкурировать с «ветеранами», опирающимися на давно установленные связи, но и потому, что без неформальных, личных контактов с «государевыми людьми» бизнес в России оказывается неэффективным¹⁰. Это ситуация, общая для всех тех стран, где проводилась меркантилистская регламентация экономической деятельности: процветание компании в меньшей степени зависит от того, насколько хорошо она работает, и в большей – от издержек, налагаемых на нее законом, т.е. предприниматель, который лучше манипулирует этими издержками или связями с чиновниками, оказывается более успешным, чем тот, кто озабочен лишь производством¹¹.

Чем больше деловая культура ориентирована на поддержание отношений¹², личных связей, тем больше вероятность скупки государства как конкурентной стратегии «новых» фирм, стремящих-

ся получить то, что уже есть у «старых» - связи и влияние, социальный капитал. Деньги, услуги и дорогие подношения используются не для единичной сделки, наоборот, они применяются как альтернатива отсутствующему социальному капиталу для того, чтобы построить долговременные деловые сети, участники которых не заинтересованы сразу же получить ответную услугу или отплатить долг¹³.

Традиционные неоклассические модели коррупции (Г. Таллок, С. Роуз-Акерман, Дж. Шэклтон, Ф. Луи, Р. Клитгаард и др.), учитывающие асимметричные отношения принципала и агента с помощью анализа затраты/выгоды, упускают из виду роль культурных норм. Как верно замечает Ж. Картье-Брессон, неолиберальная теория не учитывает значения систем доминирования и легитимации, кодексов, обычаев, жизненных кредо и групповых идеологий на процесс воспроизводства экономического общества¹⁴. Коррупционные сети строятся на различных системах ролевых ожиданий (семейных, дружеских, этнических, клановых, религиозных, корпоративных), имеют множество целей и включают в себя различные виды деятельности. Они основаны на принципах взаимопомощи и солидарности, создают свои системы правил, соблюдение которых является приоритетным и по отношению к нормам государства и семьи, и по отношению к интересам отдельного их участника.

Характерно, что для продавливания необходимых им решений фирмы пользуются либо скупкой, либо влиянием, но не тем и другим одновременно¹⁵. Это позволяет предположить, что за каждым из этих типов поведения стоят специфические системы норм и ценностей, несовместимые в пределах одной и той же деловой сети. Возможно, это разные стадии одного и того же процесса - развития доверия от «вынужденного сотрудничества» через «брак по расчету» к «единству целей и ценностей». Наивно было бы думать, что поведение в таких сетях целиком рационально. Для его понимания совершенно недостаточно учета моральных издержек в виде величины штрафа и бесполезной жизни в тюрьме, потенциальной угрозы бесчестия, потери друзей, распада семьи и т.п. Согласно существующим моделям, если нарушитель не пойман, издержки не реализуются. Но ни чиновник, ни предприниматель не могут исходить в своих действиях исключительно из сравнения

величины возможных издержек с вероятностью их возникновения, для них гораздо важнее другое, а именно считается ли их поведение легитимным, оправданным в системе неформальных отношений и экономических представлений общества. Это подводит нас к вопросу о том, как культура влияет на уровень коррупции и долю неформального сектора в национальной экономике.

Взаимосвязь культурных ценностей и коррупции: основные подходы. Большинство предложенных объяснений коррупции являются политическими или экономическими, культурные же факторы коррупционного поведения изучены мало и редко принимаются во внимание. В существующей научной литературе можно выделить три подхода к взаимосвязи культуры и коррупции.

Согласно первому из них, сама коррупция является культурой (деловой или организационной) и должна анализироваться с точки зрения воспроизводимых внутри делового сообщества или организации символов, мифов, обычаев, представлений и базовых ценностей. Представителем такого подхода является Р. Клитгаард, определяющий культуру коррупции как организационную культуру, характеризующуюся цинизмом и утратой здравого смысла¹⁶. Некоторые черты коррупционной культуры характерны, видимо, для большинства российских государственных учреждений, особенно низшего эшелона власти. Характерно, например, что 40% опрошенных государственных служащих г. Нижнего Новгорода сами же отмечают такие черты местной администрации, как взяточничество (41,7%) и бюрократизм (44,4%)¹⁷.

Второй подход основывается на структурном функционализме Т. Парсонса и Р. Мертонa. В его рамках коррупция – это временное состояние, дисфункция в культуре, понимаемой как система ценностей, норм и установок, разделяемых членами сообщества. Она становится возможной в ситуации аномии, негативного отношения или равнодушия значительной части сообщества к социальным нормам, порождаемой конфликтом между элементами системы ценностей. Например, аномия возникает тогда, когда в обществе превозносятся символы успеха (например, материального), якобы общие для всего населения в целом, в то время как действующие нормы и правила ограничивают или полностью устраняют доступ к легальным средствам достижения этих ценностей для значительной части населения¹⁸. С этой точки зрения пропаганда предпри-

имчивости, предпринимательского поведения (интрапренерства) среди госслужащих при снижении контроля за их деятельностью в начале 1990-х гг. и отсутствии законодательного подкрепления для многих сделок между администрациями и бизнесом привело к тому, что нарушаемые при этом правила стали не без оснований рассматриваться как «несовершенные и устаревшие», т.е. правила, соблюдение которых не является моральным долгом. К этому подходу, в частности, можно отнести теорию несовместимых норм, предложенную для объяснения коррупции У. Райzmanом¹⁹. С точки зрения последнего, в обществе создаются системы мифов, содержащие слишком идеалистические нормы, поэтому агенты разрабатывают собственные операционные нормы, которыми они и руководствуются. Эти нормы могут отклоняться от тех, которые заложены в системе пропагандируемых мифов, превращаясь в преступную «коррупцию» или в естественное «сотрудничество бизнеса и власти» в зависимости от выбранного угла зрения. Колебания в частоте актов коррупции У. Райzman объясняет тем, что ожидаемая от коррупционных сделок выгода зависит от числа участвующих в них индивидов, и мы должны с ним согласиться – в том смысле, что моральные издержки сделки близки к нулю, если в качестве третьей стороны в ней участвует все общество (фигура Другого, легитимирующая или осуждающая поведение сторон), а сама она вписана в систему распределения дополнительных доходов внутри государственного учреждения. Легитимация коррупционных сетей происходит за счет признания существующих норм несовершенными или несправедливыми²⁰.

В рамках третьего подхода коррупция трактуется не как временное, болезненное состояние, а как явление, постоянно воспроизводимое культурной традицией, опирающееся на постоянные, устойчивые черты национальной культуры. Этот взгляд стал возможен в 1970-е гг. благодаря открытию сначала в странах третьего мира, а затем и в государствах Запада неформальной экономики, тесно связанной с местными обычаями и ценностями (исследования К. Харта). В своих попытках выявить влияние культуры на уровень коррупции исследователи стали прибегать к тем измерениям культуры, которые были разработаны в рамках кросс-культурной психологии такими учеными, как Г. Хофстед, Г. Триандис, Э. Холл, С. Шварц и др. Например, Й. Андвиг выска-

зал предположение о том, что на уровень коррупции в республиках бывшего СССР влияли присущие им культурные различия: поведение, связанное с риском, - у грузин, традиция делать подарки - в среднеазиатских республиках²¹. В. Арунтанес и др. отмечают связь между подношением подарков как нормой деловых отношений и высокой контекстностью культуры²². Согласно Э. Холлу, который ввел понятие «контекстности» в научный оборот²³, в высококонтекстных культурах значительная часть коммуникации протекает на невербальном уровне, а успех в переговорах зависит в большей степени от дружеских отношений и доверия сторон друг к другу, чем от положений, явно сформулированных в контракте. Наоборот, в низкоконтекстных культурах люди не склонны давать займы и не любят быть кому-то обязанными, в бизнесе они опираются на формальные отношения, законы и четко сформулированные положения контракта, отдавая предпочтение краткосрочным сделкам (культуры США, Германии и Швейцарии)²⁴. Высококонтекстными являются культуры японцев, арабов и средиземноморцев (итальянская, испанская, турецкая), с точки зрения которых, дарение подарков – необходимое условие надежных деловых отношений.

Другим культурным фактором коррупции является религия. При помощи статистических методов ряду исследователей удалось установить связь между иерархичностью преобладающей в стране религии и уровнем коррупции. Анализ 33 стран, при котором контролировались прочие характеристики, показал, что страны с высокоиерархическими религиозными системами (католичество, православие, ислам) более подвержены коррупции, чем страны с менее иерархическими религиями (протестантизм)²⁵. В дальнейшем эти результаты были подтверждены на выборке из 114 государств²⁶. Д. Трейсман сравнил уровень коррупции с долей протестантов в населении каждой из 64 стран и выявил устойчивую отрицательную корреляцию между этими двумя показателями²⁷. В другом исследовании было установлено, что в странах с такими религиями и конфессиями, как католицизм, православие, ислам, буддизм и индуизм, уровень коррупции выше, чем в странах с племенными религиями и реформированным христианством (протестантизм и англиканство)²⁸.

Коррупция и культурные показатели Г. Хофстеда. Наиболее часто используются параметры измерения культуры, предложенные Гиртом Хофстедом: коллективизм-индивидуализм, дистанция власти, маскулинность, избегание неопределенности, конфуцианский динамизм. Измерение «коллективизм-индивидуализм» определяется им как ориентация на коллективистические ценности или мера, в которой жизненные решения личности определяются группой, к которой он себя относит (семьей, кругом друзей, коллегами). В коллективистических культурах люди, как работающие в частном секторе, так и находящиеся на государственной службе, склонны нарушать законы и формальные правила в тех случаях, когда они противоречат, с их точки зрения, традиционным нормам и ценностям²⁹. Под дистанцией власти понимается мера согласия наименее обеспеченных статусом и властью людей с тем фактом, что власть распределена неравномерно³⁰. В культурах с высокой дистанцией власти зависимость подчиненных от руководства принимает форму патернализма, при которой подчиненные получают поддержку взамен на лояльность. Такие системы благоприятствуют развитию коррупции в виде непотизма и фаворитизма. Желание демонстрировать лояльность как абсолютное условие успеха не позволяет подчиненным критически отнестись к коррупционному поведению руководства. Представители культур с высокой дистанцией власти относятся к коррупции с большей терпимостью, чем представители стран с низкой дистанцией власти³¹. Измерение «маскулинность-фемининность» представляет собой меру ориентации на материальный успех и личные достижения в противоположность заботе о качестве жизни и стремлению поддерживать теплые, гармоничные отношения с окружающими. В исследовании Б. Хастиды и некоторых других исследователей³² подтверждается тривиальное, в общем-то, предположение о том, что готовность к коррупционной сделке мотивируется стремлением к материальному обогащению. Однако Дж. Коэн, Л. Пант и Д. Шарп полагают, что маскулинность не может сама по себе стать фактором, способствующим коррупции³³. Возможно, сильная ориентация культуры на материальный успех снижает чувствительность к этической стороне бизнеса³⁴ и тем самым облегчает заключение сделки для обеих сторон. Избегание неопределенности понимается как степень тревоги и переживания опасности в незнакомой

или неопределенной ситуации. В тех случаях, когда тот или иной исход представляются равно вероятными, коррупционная сделка может рассматриваться как средство снижения неопределенности³⁵. На личностном уровне избегание неопределенности связано с нетерпимостью к противоречивой информации и, как считают С. Вителл, С. Нвашукву и Дж. Барнс, снижает чувствительность к этическим дилеммам бизнеса³⁶. Однако, как замечает Дж. Лэмсдорф, избегание неопределенности может иметь и обратный эффект, усиливая решимость третьих сторон бороться с коррупцией³⁷. По поводу долговременной или краткосрочной ориентации, - еще одного измерения культуры, названного Г. Хофтедом «конфуцианский динамизм», - среди исследователей коррупции и этики бизнеса также нет общего мнения. Одни полагают, что долговременная ориентация должна снижать склонность к вступлению в коррупционные сети и повышать чувствительность к этической стороне хозяйственной деятельности³⁸, другие считают, что эта переменная никак не влияет на уровень коррупции³⁹. Можно предположить, что ориентация партнеров коррупционной сделки на долговременные отношения и их забота о будущем должны возрастать в прямой зависимости от ранга чиновника и величины бизнеса.

Наиболее последовательно проблема культурной обусловленности коррупции рассматривается Брайеном Хастидом. Используя статистический анализ корреляций между индексом коррупции и культурными измерениями 50 стран, он пришел к выводу о том, что следует ожидать высокого уровня коррупции в странах с низким уровнем экономического развития, значительным контролем государства над экономической жизнью (доля ВВП, которой распоряжается государство), высокими диспропорциями в уровне доходов между группами населения, а также с особыми культурными характеристиками: большой дистанцией власти, высоким уровнем коллективизма и маскулинности⁴⁰. В борьбе с коррупцией он предлагает учитывать культурную специфику каждой страны: например, в культурах с высокой маскулинностью предоставление информации о фактах коррупции должно, по его мнению, изображаться как личные достижения, увеличивающие материальный статус; в культурах с высоким избеганием неопределенности институциональные реформы должны проводиться таким образом,

чтобы неопределенность ассоциировалась с теневой практикой, а снижение тревоги и риска – с чистыми, законными транзакциями⁴¹. Несмотря на некоторую наивность его рекомендаций, приходится признать, что борьба с коррупцией сверху, шумными, но краткосрочными агитационными кампаниями и ужесточением наказания неэффективна, поскольку она не затрагивает тех устойчивых стереотипов и ценностей, которые воспитывались десятки и даже сотни лет.

Как отмечают И. Клямкин и Л. Тимофеев, в России предубежденно-подозрительное отношение к теневому экономическому поведению сменяется чувством понимания и солидарности⁴². Большинство россиян (86%) считают проблему борьбы с теневой экономикой и коррупцией или самой важной, или одной из важнейших, однако почти у 40% сохраняется положительное или нейтральное отношение к прямому или косвенному участию в теневой практике⁴³.

Для борьбы с коррупцией недостаточно подъема экономики и укрепления контрольных органов, необходимо изучение «третьей стороны» коррупционных сделок, т.е. «простого российского человека», норм и ценностей массового сознания, легитимирующих неформальное экономическое поведение.

Примечания

¹ Joel S. Hellman, Geraint Jones, Daniel Kaufmann. *Seize the State, Seize the Day: State Capture, Corruption and Influence in Transition*. World Bank Policy Research Working Paper No. 2444. September 2000. P. 2. (Доступно также в русском переводе.) В другой своей статье они называют эти виды коррупции соответственно крупной коррупцией, патронажем и мелкой коррупцией. См.: Joel S. Hellman, Geraint Jones, Daniel Kaufmann, Mark Schankerman. *Measuring Governance Corruption, and State Capture. How Firms and Bureaucrats Shape the Business Environment in Transition Economies*. Policy Research Working Paper 2312. EBRD and the World Bank. April 2000. P. 19.

² Joel S. Hellman, Geraint Jones, Daniel Kaufmann. *Seize the State, Seize the Day: State Capture, Corruption and Influence in Transition*. World Bank Policy Research Working Paper No. 2444. P. 5-6.

³ Schmidt Chr. *Penser la guerre, penser l'économie*. P., 1991. P. 116-117.

⁴ Puffer Sh.M., McCarthy D.J., Naumov A.I. *The Russian Capitalist Experiment. From State-Owned Organizations to Entrepreneurships*. Cheltenham (UK): Edward Elgar, 2000. P. 13.

⁵ Joel S. Hellman, Geraint Jones, Daniel Kaufmann. Seize the State, Seize the Day: State Capture, Corruption and Influence in Transition. World Bank Policy Research Working Paper No. 2444. P. 22.

⁶ Ibid.

⁷ Для оценки защищенности прав собственности респондентам предлагалось оценить меру своего согласия с утверждением: «Я уверен, что юридическая система защитит мои договорные права и права собственности при разрешении деловых споров». См.: Joel S. Hellman, Geraint Jones, Daniel Kaufmann. Seize the State, Seize the Day: State Capture, Corruption and Influence in Transition. World Bank Policy Research Working Paper No. 2444. P. 27.

⁸ Huntington, S. Political order in changing societies. New Haven, 1968.

⁹ Национальная программа “Российская деловая культура”. М., 1997.

¹⁰ Так, например, по данным опросов населения г. Нижнего Новгорода, проведенного по квотной выборке (n=600) Центром конфликтологии ИС РАН совместно с Центром конфликтологии Нижегородского отделения ИС РАН в 2001 г., на вопрос о том, что больше всего необходимо, *чтобы стать богатым в России*, 63,6% опрошенных выбрали ответ «иметь нужные связи» (среди государственных служащих – 55%, среди предпринимателей – 45%).

¹¹ Сото Э. де. Иной путь. Невидимая революция в третьем мире. М., 1995. С. 189.

¹² Шихирев П.Н. Введение в российскую деловую культуру. М., 2000; Барсукова С.Ю. Неформальная экономика и система ценностей россиян // Социс. 2001. № 1. С. 57-62.

¹³ Радаев В.В. Формирование новых российских рынков: транзакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М., 1998.

¹⁴ Экономические и социальные проблемы России. II. Социально-экономические аспекты коррупции. М., 1998. С. 59.

¹⁵ Joel S. Hellman, Geraint Jones, Daniel Kaufmann. Seize the State, Seize the Day: State Capture, Corruption and Influence in Transition. World Bank Policy Research Working Paper No. 2444. P. 21.

¹⁶ Klitgaard R. Adjusting to reality: Beyond “state versus market” in economic development. San Francisco, 1991.

¹⁷ По данным опроса населения г. Нижнего Новгорода, проведенного Центром конфликтологии ИС РАН совместно с Центром конфликтологии Нижегородского отделения ИС РАН в 2001 г.

¹⁸ Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности. М., 1966. С. 299-313.

¹⁹ Reisman W. Folded lies. N.Y., 1979. См.: Жилина И.Ю., Иванова Н.Н. Экономика коррупции // Экономические и социальные проблемы России. II. Социально-экономические проблемы коррупции. М., 1998. С. 30-62, 53.

²⁰ По данным опроса населения г. Нижнего Новгорода, проведенного Центром конфликтологии ИС РАН совместно с Центром конфликтологии Нижегородского отделения ИС РАН в 2001 г., 42,3% согласны с тем, что,

поскольку в нашем обществе много несправедливых законов, их нарушение вполне оправдано; только 11,4% считают справедливость возможной в российском обществе; 75,3% полагают, что простой человек не может отстоять свои законные права перед местными или региональными органами власти. Характерно то, что нарушение несправедливых законов считают оправданным 53% опрошенных предпринимателей и 44% госслужащих.

²¹ Andvig J. The economics of corruption: A survey // *Studi economici*. 1991. Vol. 46. N. 43. P. 57-94. См.: Жилина И.Ю., Иванова Н.Н. Экономика коррупции // *Экономические и социальные проблемы России. II. Социально-экономические проблемы коррупции*. С. 30-62, 53.

²² Arunthanes Wiboon; Tansuhaj Patriya and Lemak David J. Cross-cultural Business Gift Giving. A New Conceptualization and Theoretical Framework // *International Marketing Review*. 1994. Vol. 11. N 4. P. 44-55, 46-47.

²³ Hall E.T. *The Silent Language*, Doubleday. N.Y., 1959.

²⁴ Hall E.T., Hall R.M. *Hidden Differences Doing Business with the Japanese*. N.Y., 1987.

²⁵ La Porta R., F. Lopez-De-Silanes, A. Shleifer and R.W. Vishny. Trust in Large Organisations // *The American Economic Review. Papers and Proceedings*, 1997 (CXXXVII). N 2. P. 333-338, 337.

²⁶ La Porta, R., F. Lopez-De-Silanes, A. Shleifer and R.W. Vishny. The Quality of Government // *The Journal of Law, Economics and Organization*. 1999. XV (1). P. 222-279, 251-252.

²⁷ Treisman D. *The Causes of Corruption: A Cross-National Study*. Unpublished manuscript, University of California, Los Angeles, June 1999. См.: Lambsdorff, Johann Graf. Corruption in Empirical Research - A Review // *Transparency International Working Paper*. November, 1999.

²⁸ Paldam M. Corruption and Religion. Adding to the Economic Model. Unpublished manuscript, Aarhus University, Denmark, September 1999.

²⁹ LaPalombara J. Structural and Institutional Aspects of Corruption // *Social Research*. 1994. 61. P. 325-350.

³⁰ Hofstede Geert. *Cultures and organizations: Software of the mind*. N.Y.: McGraw Hill, 1997. P. 28.

³¹ Cohen, Jeffrey R.; Laurie W. Pant; David J. Sharp. A methodological note on cross-cultural accounting ethics research // *International Journal of Accounting*. 1996. Vol. 31 (1). P. 55-66, 58.

³² Zaniatu M. El contexto humano de la corrupcion // *Eficiencia, corrupcion y crecimiento con equidad*. Aula Abierta de Etica (editor). Bilbao, Spain: Universidad de Deusto, 1996; Gonzalez-Fabre, R. Las estructuras culturales de la corrupcion en Venezuela // *Ibidem*. P. 60.

³³ Cohen, Jeffrey R.; Laurie W. Pant; David J. Sharp. A methodological note on cross-cultural accounting ethics research // *International Journal of Accounting*. 1996. Vol. 31 (1). P. 55-66, 61.

³⁴ Vitell, Scott J., Saviour L. Nwachukwu & James H. Barnes. The effects of culture on ethical decision-making: An application of Hofstede's typology // Journal of Business Ethics. 1993. N 12. P. 753-760, 758.

³⁵ Rashid S. Public utilities in egalitarian LDC's: The role of bribery in achieving Pareto efficiency // Kyklos. 1981. N 34. P. 448-460.

³⁶ Vitell, Scott J., Saviour L. Nwachukwu & James H. Barnes. The effects of culture on ethical decision-making: An application of Hofstede's typology // Journal of Business Ethics. 1993. N. 12. P. 753-760, 757.

³⁷ Lambsdorff, Johann Graf. Corruption in Empirical Research - A Review // Transparency International Working Paper. November, 1999.

³⁸ Cohen, Jeffrey R.; Laurie W. Pant; David J. Sharp. A methodological note on cross-cultural accounting ethics research // International Journal of Accounting. P. 55-66.

³⁹ Husted B. Wealth, Culture, and Corruption // Journal of International Business Studies. 1999. 30 (2). P. 339-346.

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ Ibidem. P. 355.

⁴² Клямкин И., Тимофеев Л. Теневая Россия. Экономико-социологическое исследование. М., 2000. С. 243.

⁴³ Там же. С. 217, 225.

И.Ф. Албегова

К вопросу о соотношении социальной работы и социальных технологий

Информационно-технологическая революция, охватывающая все сферы человеческой деятельности, превращается в мощный ускоритель социального прогресса, повышения уровня и качества жизни людей. Социальные нововведения порой оказывают большее влияние, чем внедрение технических новшеств. Одним из основных видов социальных инноваций, оказывающих серьезное воздействие на характер социальных отношений в обществе, на их гармонизацию, являются социальные технологии.

Особую актуальность социальные технологии приобретают в современной России, когда осуществляются коренные преобразования в политике, экономике, в социальной сфере. В общественной жизни идет процесс отказа от многих утвердившихся за годы Советской власти стереотипов, происходит критическая пере-

оценка социальных ценностей, осуществляется поиск новой модели общественного и государственного устройства, сопровождающийся порой значительными издержками в уровне и качестве жизни людей.

Традиционно слово «технология» применялось к неодушевленным предметам материального мира и означало «совокупность производственных процессов в определенной отрасли производства». По сути это методы «обработки, изготовления, изменения состояния, свойств, форм сырья, материала или полуфабриката в процессе производства»¹.

Технологией называется и научная дисциплина, разрабатывающая такие методы, приемы и способы. «Технология - система знаний о способах и средствах обработки и качественного преобразования объекта»².

Сложнее обстоит дело с термином «социальный». Первоначально он представлялся достаточно простым и трактовался как «общественный, связанный с жизнью и отношениями людей в обществе»³. Сегодня проблема и понятие «социального» вызывает особый интерес по ряду причин. Прежде всего, суть «социального» значительно расширилась и перестала быть связанной только с отношениями собственности на средства производства.

Вслед за повышением роли социальной сферы, социальных аспектов экономической, политической и духовной жизни общества под «социальным» стали понимать специфические для человека и общества, в отличие от животного мира, условия, процессы и продукты их жизнедеятельности, их функционирование, изменение и развитие. Это и взаимоотношения, и характер социальной деятельности, и специфика поведения, и состояние самих социальных субъектов как в определенных исторических условиях, так и в конкретных ситуациях.

Интенсивное развитие техники, усложнение социальных объектов и субъектов, их взаимодополнение привело к возникновению систем «человек-машина», «человек-компьютер», «человек-техника» и так далее. Сложность систем объективно требовала их более точного определения и изменения подходов к социальным технологиям. Так, Пьер Рабардель по этому поводу пишет: «Технический объект или техническая система не вполне удачные понятия. Правильнее, хотя и менее изящно, было бы говорить об

антропотехнических объектах или системах. Действительно, многочисленные технические объекты и системы составляют часть мира, в котором, благодаря которому, вопреки которому мы живем. Эти объекты или системы нельзя воспринимать только через призму породивших их технологий». Далее автор отмечает, что они по своей природе являются антропотехническими, созданными применительно к человеческому окружению. Человек присутствует в этих эволюционных циклах от этапа создания до превращения в хлам, включая основные фазы их функционирования и использования. Значит, надо уметь осмысливать, концептуализировать связь между людьми и объектами как для того, чтобы понять характеристики и свойства последних, так и для того, чтобы поставить их на службу человеку.

По сути, возникновение антропотехнических систем по-новому поставило ряд вопросов, их касающихся. Например, «в исследованиях взаимодействия «человек-компьютер» возникают сомнения относительно правомерности традиционных психологических подходов»⁴. Трудно не согласиться с Пьером Рабарделем, который отмечает, что в фундаментальном плане природа связи человека и антропотехнических объектов (или систем) заложена в отношении между познанием и действием, и исследование которого составляет одну из важнейших задач современной психологии⁵.

Эти задачи становятся еще более актуальными тогда, когда речь идет о социальной сфере, где осуществляется повседневная жизнь людей, их труд, происходят процессы их обучения и воспитания. Обострение социальных проблем как в целом в обществе, так и конкретно личных (неудовлетворенность жизнью, депрессии, неврозы, психопатии, суициды и т.д.) привело к росту кризисных ситуаций, в которых и после которых человеку нужна помощь специалистов. При этом следует отметить интернациональный характер проблем, хотя степень их выраженности может варьироваться в зависимости от страны, особенностей ее исторического развития, уровня социально-экономического состояния.

Дефицит ресурсов (временных, человеческих, финансовых и т.д.) еще более остро ставит вопрос об оптимизации деятельности в социальной сфере или сфере социальных отношений. Выходом из создавшегося положения может быть процесс ее технологиза-

ции, что прежде всего требует более активной разработки, апробации и использования социальных технологий.

Современный человек, испытывая острый дефицит времени, потребность в активной жизнедеятельности и необходимость более высокого уровня социальной адаптации, уже сейчас, независимо от своего социального положения, все чаще и чаще из огромного потока информации отбирает конкретные советы, практические рекомендации относительно того, как выжить и, более того, как добиться успеха в жизни. Он пытается овладеть социальными технологиями, которые позволяют изменить его психоэмоциональное и физическое состояние, улучшить отношения с окружающими, получить новый статус в обществе и, как следствие, повысить свой уровень социальной адаптации. В чисто теоретическом плане этот процесс позволяет по-новому поставить и осмыслить проблему социально-психологического подхода к изучению личности, процессов ее становления и социализации.

Социальные технологии как вид технологий социальной практике известны довольно давно. Еще в первобытных племенах применялись особые способы воздействия на психику человека с целью создания подходящего настроения для начала охоты, военных действий, совета или празднества. Конечно, достигалось это за счет стихийно сложившейся и передаваемой от поколения к поколению системы традиционных обрядов и церемоний.

Как правило, такие «социальные технологии» носили массовый характер, так как в играх, пении и плясках и других ритуальных действиях участвовали все члены племени.

Более осознанно эмпирически найденные методы воздействия применялись в практике ораторского искусства, в приемах и технике риторики, которым столь большое значение придавали политические деятели Древней Греции и Рима. Ораторское искусство в основном строилось на двух «технологиях»: одни ораторы влияли на чувства, другие воздействовали путем логических рассуждений.

Тщательно и целеустремленно на протяжении ряда столетий систему эмоционально насыщенных обрядов и культовых действий, способных оказать огромное влияние на психику и поведение человека, формировала и использовала церковь. Методы ее воздействия базировались и на впечатляющей силе комбинированно-

го эстетического воздействия (красочность икон, роспись храмов, устремленный к небу купол, полусвет, мерцание свечей, хоровое пение и т.д.), и на умелом использовании народных обычаев, традиций и норм морали.

Особенно ярко процессы технологизации социальных процессов стали проявляться в связи с развитием научного технического прогресса и производственной деятельности.

Вот почему под социальной технологией в этот период стала по аналогии с промышленной пониматься совокупность приемов, методов и воздействий, применяемых для достижения поставленных целей в процессе социального планирования и развития, решения разного рода социальных проблем (повышение производительности труда; совершенствование организации управления; целенаправленное воздействие на общественное мнение через средства массовой коммуникации и т.п.)⁶.

Учитывая сложность и неоднозначность человеческого фактора, люди вольно или невольно разрабатывали определенные методы, способы и приемы воздействия как на отдельных личностей, так и на группы, изменяли характер их взаимодействия (особенно в производственном процессе), искали оптимальные пути решения тех или иных проблем и конкретных задач.

Естественные изменения в различных сферах жизнедеятельности общества также приводили к возникновению новых социальных технологий. Конечно, все они складывались достаточно спонтанно, развивались длительное время и, по сути, являлись результатом эмпирического опыта, массового творчества и закономерностей, открытых социальными науками.

Условия современного, быстро изменяющегося общества по-новому поставили вопросы, связанные с социальными технологиями. Технотронный этап НТР, информационный взрыв, инновации социальной практики, экологические катаклизмы создали условия для самого широкого применения социальных технологий.

В связи с этим возникла острая потребность теоретического изучения проблемы социальных технологий. Анализ современной отечественной и зарубежной литературы показывает, что сегодня под социальными технологиями понимаются:

1) специально организованная область знаний о способах и процедурах оптимизации жизнедеятельности человека в условиях

нарастающей взаимозависимости, динамики и обновления общественных процессов;

2) способ осуществления деятельности на основе ее рационального расчленения на процедуры и операции с их последующей координацией, синхронизацией и выбором оптимальных средств, а также методик их выполнения;

3) метод управления социальными процессами, обеспечивающий систему их воспроизводства в определенных параметрах - качества, свойства, объемы, целостности деятельности и т.п.

Социальные технологии - элемент человеческой культуры, который либо возникает эволюционно, либо создается искусственно. Появление социальных технологий связано с потребностью быстрого и крупномасштабного «тиражирования» новых видов деятельности. Их построение осуществляется за счет разделения деятельности на отдельные операции, процедуры при условии глубокого понимания природы и специфики той области, в которой разворачивается практика.

Представленные точки зрения на суть изучаемого явления позволяют сделать некоторые выводы.

В настоящее время обсуждается множество концепций социальной технологии, среди которых наиболее существенными являются следующие:

- социальная технология - это определенный способ достижения общественных целей;

- сущность этого способа состоит в пооперационном осуществлении деятельности;

- операции разрабатываются предварительно, сознательно и планомерно;

- эта разработка проводится на основе и с использованием научных знаний;

- при разработке учитывается специфика области, в которой осуществляется деятельность;

- социальная технология выступает в двух формах: как проект, содержащий процедуры и операции, и как сама деятельность, построенная в соответствии с этим проектом;

- социальная технология - элемент человеческой культуры, она возникает двумя путями: «вырастает» в культуре эволюцион-

но либо строится по ее законам как искусственное образование, главная функция которого сегодня - соединение науки и практики.

Как явление социальной практики социальная технология представляет собой комплекс приемов достижения социально полезной цели в обеспечении благоприятных условий жизни людей, их организованности, в той или иной степени соответствующий требованиям социального времени. Появление социальных технологий связано с потребностью быстрого и крупномасштабного «тиражирования» новых видов деятельности, идей, проектов.

Исходя из сказанного, вполне уместно под социальными технологиями понимать методы воздействия на социальные субъекты и объекты с целью изменения их состояния, формирования определенных установок, ценностных ориентаций, новых социальных потребностей.

Учитывая, что социальные субъекты всегда выступают носителями определенных видов деятельности и их объектами, то социальные технологии могут и должны воздействовать на характер этой деятельности, приводить ее в соответствие с потребностями социальной практики. Именно этот момент отмечает А.И. Пригожин, давая следующее определение социальным технологиям: «В широком смысле социальные технологии понимаются как деятельность по организации, изменению другой деятельности. Для этого разрабатывается комплекс методов, процедур, правил, предлагаемых конкретным людям с целью улучшения их труда»⁷.

Более того, все социальные субъекты постоянно находятся во взаимодействии и взаимовлиянии. Следовательно, социальные технологии - это и изменение характера этого взаимодействия, повышение их разумности и согласованности, усиление их субъектности, т.е. приведение этих взаимоотношений в соответствие с требованиями современного цивилизованного общества.

Актуальность социальных технологий объективно ставит вопрос об их типах и видах. Прежде всего, в основу выделения можно положить объект их воздействия. Таким образом, мы получаем три типа социальных технологий: субъектные, деятельностные, средовые.

В свою очередь, субъектные технологии дифференцируются на индивидуальные, групповые, сферные и технологии на уровне всего общества.

Среди современных социальных технологий особое место занимают методы саморазвития, самозащиты, самосохранения, самообеспечения, самообучения, самоорганизации и т.д. Все их можно определить одним термином - персональный менеджмент. В данном случае задачей социального работника будет являться ознакомление и обучение клиента этим техникам.

Групповые технологии могут быть разделены на технологии в зависимости от половозрастных признаков, статусных, профессиональных и т.д. Например, для безработных это технологии трудоустройства, для бывших военных, заключенных, бомжей - технологии реадaptации, для подростков - технологии адаптации к условиям современного общества, для одиноких женщин - технологии устройства личной жизни, для лиц с ограниченными физическими возможностями - трудотерапия, для семей - семейная психотерапия и т. д.

Число социальных групп и слоев, требующих социальной помощи, все время возрастает, усложняются их проблемы, следовательно, растет и число социальных групповых технологий.

При рассмотрении субъектных социальных технологий на уровне всего общества и его отдельных сфер небезынтересным представляется подход К. Поппера⁸. В его основу автор положил способ применения теоретических выводов социологов в практических целях. Отсюда два вида технологий: «частичные» и «холистские», или «утопические». Их отличия состоят в следующем. «Холистские» социальные технологии стремятся перепланировать и, соответственно, преобразовать общество в целом, за один прием, т.е. революционным путем, но они не в состоянии вовремя учесть и предотвратить нежелательные последствия принятых преобразований. «Частичные» технологии отличаются не столько масштабом целей и дел, сколько трезвостью их постановки и осуществления, осторожностью и постепенностью преобразований, постоянным контролем их осуществления. Таким образом, Поппер, отдавая предпочтение «частичным» социальным технологиям, отмечает следующие их положительные стороны: контроль, дающий возможность пересмотра и корректировки в случае необходимости как заданных целей, так и теоретических принципов, их обосновывающих; ликвидация непредвиденных последствий преобразований.

По сути, говоря о частичных социальных технологиях, Поппер разработал методологию социально-реформистского преобразования общества.

Следующий тип технологий - деятельность - имеет принципиальное значение для функционирования как всего общества в целом, так и его отдельных членов и групп.

В самом общем виде деятельность рассматривают как определенный тип отношения к действительности, который определяется исторически выработанными социокультурными программами. Наличие этих программ позволяет говорить о деятельности как специфически человеческой форме активного отношения к миру, содержание которой составляет «целесообразное изменение и преобразование этого мира на основе освоения и развития наличных форм культуры»⁹.

Любая деятельность связана с целью, с мотивами, способами ее реализации, и поэтому любая составляющая данной цепочки представляет интерес. Однако выявление побуждающих мотивов активности субъекта, т.е. мотивация деятельности, является, на наш взгляд, наиболее актуальной.

Не подлежит сомнению, что стимулом к активности человека являются его потребности. Их удовлетворение выступает как активный, целенаправленный процесс овладения формой деятельности, определенной общественным развитием¹⁰. При этом направленность деятельности по удовлетворению потребностей выполняют установки, интересы и ценностные ориентации субъектов. Более того, любая деятельность осуществляется в определенных объективных условиях.

Достаточно большое количество потребностей, все развивающиеся и изменяющиеся условия деятельности позволяют говорить о ее разнообразных типах и видах. Только на сегодняшний день их около двухсот. Следовательно, и деятельностьных социальных технологий такое же количество.

Применительно к социальной работе можно говорить о следующих социальных деятельностьных технологиях:

- направленных на совершенствование социальной работы как вида деятельности;

- направленных на улучшение деятельности организационных структур социальной работы (техники управления, прогнозирования, моделирования, проектирования);

- оптимизирующих деятельность социального работника (интервьюирование, консультирование, корректировка, установление проблемы и т.д.);

- улучшающих деятельность клиента (установка на успех, снятие комплексов, улучшение коммуникативных навыков и т.д.).

Следующий тип социальных технологий, выделенных нами, - средовые. К ним относятся методы оздоровления окружающей среды обитания человека (как природной, так и социальной). Их количество поистине безгранично. Нас прежде всего интересуют те, которые направлены на создание благоприятной социозологической среды. Именно они помогают человеку найти свой социум - тот, в котором он чувствует себя комфортно. Это и выбор профессии, организации, это и создание семьи, т.е. достижение определенного статуса в обществе со всеми его характеристиками. Далее речь идет о совершенствовании уже имеющейся среды обитания человека (коррекция процессов общения, техники профилактики и разрешения конфликтных ситуаций, развитие стрессоустойчивости, превентивные меры по преодолению болезней адаптации и т.д.).

Все современные социальные технологии представляют так называемую активную социологию, т.е. социологию реальных изменений. Ее представители, в отличие от классических социологов, не только собирают и анализируют информацию, они вырабатывают решения по своим исследованиям, дают реальные, конкретные рекомендации, отвечающие на вопрос: что теперь делать?

В связи с этим А.И. Пригожин предлагает выделять три группы социальных технологий¹¹. В первую группу он включает «кабинетные» технологии. Исследователь на основе анализа информации о деятельности какого-либо социального субъекта (партии, предприятия, центра, службы и т.д.) вырабатывает для них собственные предложения по улучшению этой деятельности, как бы перенося ее таким образом из кабинета в социальную реальность.

Вторую группу составляют «лабораторные» технологии. Суть их в следующем: искусственно создаются временные условия взаимодействия людей с целью получения нового знания, выявле-

ния и решения их проблем. Это исследование действием: деловые игры, методы мозговой атаки и т.д.

К третьей группе автор относит «полевые» технологии. С ними социолог входит в реальную среду для взаимодействия с респондентами, клиентами с целью получения информации, поиска решений их проблем (диагностические интервью и беседы, групповые дискуссии и т.д.).

Тот факт, что все социальные технологии имеют разную степень новизны, также может послужить основанием для их классификации. В зависимости от степени инновационности можно различать радикальные (базовые, принципиально новые) социальные технологии и комбинаторные (т.е. доработанные, адаптированные к новым условиям).

Критерием деления социальных технологий может служить и время их внедрения, и время действия (от тех, которые действуют на протяжении небольшого отрезка времени до действующих десятилетиями).

Основой видовых различий социальных технологий может выступать и характер их воздействия на социальные субъекты и объекты (мягкий, принципиальный, корректирующий, реабилитирующий и т.д.). Разные социальные технологии имеют разные социальные последствия, что также может выступать критерием видовых различий (с негативными, положительными и нейтральными последствиями).

По степени внедрения выделяют:

- разработанные, адаптированные, внедренные и полностью используемые;
- внедренные, но используемые слабо;
- невнедренные.

Более того, можно выделить и такие две группы: разработанные технологии и имеющие методику обучения им, и разработанные, но не имеющие такой методики.

По масштабности реализации можно говорить о технологиях, действующих в пределах всего общества, отдельного региона, области, района и т.д.

Любая социальная технология имеет цель, определенные задачи, этапы и принципы реализации. Все эти моменты также могут выступать критериями их дифференциации.

Как видим, многообразие современных социальных технологий позволяет определить их типы и виды. Критерии при этом могут быть самыми разными. Мы не ставим самоцелью составить достаточно полную классификацию. Смысл нашей работы в определении их сути и значимости.

Краткий экскурс в историю социальных технологий позволил выделить три этапа их развития:

- на первом этапе характер технологий определялся результатом функционирования практики людей;
- затем их создание диктовалось потребностями конкретного вида данной практики (особенно в системе производства);
- современные социальные технологии носят превентивный характер, они как бы антиципируют последствия социальной практики для субъектов.

В связи с интенсивным развитием социальной работы в обществе, принципиальным становится вопрос о взаимосвязях, соотношении социальных технологий с ней.

Наша точка зрения сводится к следующему. Исходя из определения социальных технологий, предложенного в данной работе, видно, что социальные технологии шире понятия и явления «социальная работа». Основным аргументом в пользу этого утверждения может служить факт разнопланового воздействия социальных технологий на субъектов. Это может быть и агрессия, и разрушение, и просто летальный исход. Примеры такого манипулирования как индивидуальным, так и общественным сознанием, поведением, потребностями и жизнью людей известны давно. Вполне понятно, что данный аспект воздействия социальных технологий в корне противоречит смыслу социальной работы, суть которой состоит в оказании разнообразных видов помощи и имеет гуманный, альтруистический характер. Далее мы можем утверждать, что социальная работа как профессиональная деятельность, смысл которой состоит в регуляции социальных отношений, в приведении их в соответствие с требованиями современного цивилизованного общества, в повышении их разумности, гуманности, субъектности, укреплении связей отдельных личностей, групп, этносов, семьи с государством является видом социальных технологий.

Еще предстоит колоссальная работа в плане разработки форм, направлений, целей и задач современной социальной работы как вида социальной технологии.

Можно отметить и третий аспект соотношения социальной работы и социальных технологий. Дело в том, что сама социальная работа осуществляется, реализуется при помощи отдельных методик или техник: техники общения с клиентами, техники трудоустройства, поведения в экстремальных условиях, реадaptации, реабилитации, психотехники и т.д.

Любая организационная структура социальной работы (служба занятости, служба социальной помощи или защиты, реабилитационный центр и т.д.) также имеет свою технологию и методы работы.

Все сказанное позволяет обосновать необходимость создания и существования специальных условий технологизации практической деятельности в социальной сфере:

- объект воздействия должен обладать определенной степенью сложности, т. е. иметь признаки социальной системы;
- должны быть выделены элементы системы объекта социального воздействия, особенности его строения (структура) и функционирования;
- возможность формализации реально происходящих процессов и представления их в виде определенных операций, процедур, показателей;
- возможность воспроизводства и повторяемость операций, процедур или показателей в новых условиях.

Социальная работа как специфическая профессиональная деятельность и как самостоятельная система научных знаний с собственным предметом исследования по всем параметрам отвечает указанным основным условиям технологизации. Следовательно, проблема заключается не столько в возможности технологического подхода к социальной работе, сколько в разработке и совершенствовании ее технологии, методологии, инструментария, в усвоении опыта их применения на практике.

Более того, стратегия и практика современной социальной работы строится на новом характере взаимоотношений, суть которых состоит в переходе от субъект-объектных отношений к парадигме соучастия. Согласно ей, знания, умения, навыки и личностные осо-

бенности социального работника как бы составляют своего рода «ресурсы» деятельности клиента, ресурсы его самоорганизации, построения его собственной деятельности. Чем лучше, техничнее ведет себя социальный работник, тем быстрее осуществляется процесс изменения мотивации жизнедеятельности клиента.

Типов технологий социальной работы существует достаточно много. Самыми общими из них являются методы экспертного оценивания (например, техники интервьюирования клиентов); методы вмешательства (службы знакомств); методы психологической помощи, реадaptации и реабилитации, консультирования и т.д.¹²

Обращенность социальной работы к конкретной личности ставит социального работника перед проблемой постоянного поиска наиболее эффективных приемов, методов, техник, направленных на восстановление нарушенных связей между личностью и обществом. В связи с этим априори задаются три задачи:

- создание новых социальных технологий социальной работы;
- овладение этими технологиями социальными работниками;
- обучение данным техникам клиентов социальной работы.

Можно утверждать, что этот процесс носит непрерывный и длительный характер. Это связано с постоянным увеличением числа клиентов социальной работы, возникновением принципиально новых проблем, совершенствованием процесса помощи. Уже сегодня четко выделились два уровня социальной работы:

а) макроуровень - формирование и реализация социально-экономической политики на всех уровнях (от муниципального до федерального) с целью обеспечения социально здоровой среды жизнеобитания и жизнедеятельности человека, создания системы поддержки людей, оказавшихся в сложной жизненной ситуации;

б) мезоуровень - формирование и реализация социально-экономической политики на местном уровне (областном, городском, районном);

в) микроуровень, представленный оказанием помощи отдельному человеку или группе лиц, попавших в сложную жизненную ситуацию, путем поддержки, консультирования, реабилитации, патронажа и использования других видов социальных услуг, а также актуализацией потенциала самопомощи¹³.

Все уровни социальной работы требуют принципиально разных технологий, разной степени их освоения и применения.

В связи с этим также можно выделять социальные технологии макроуровня социальной работы и социальные технологии микроуровня.

Разработка технологии социальной работы включает три основных этапа: теоретический, методический и процедурный. Их совокупность представляет собой систему.

Теоретический этап связан с формулированием целевой установки, определением предмета технологизации, выделением структурных элементов и выявлением причинно-следственных связей и отношений, в которые включен объект социальной политики или клиент социальной работы.

Методический этап характеризуется решением задач выбора источников, путей и способов получения информации о состоянии объекта социальной политики или клиента социальной работы, определения приемов и средств обработки и анализа этой информации и принципов трансформации выводов в конкретные рекомендации для преобразующей деятельности.

Процедурный этап предполагает решение задач, связанных с организацией практической деятельности по апробации и устранению недостатков рекомендаций и с составлением алгоритма действий.

Содержание технологии социальной работы заключается в обосновании проекта, программы деятельности, определенного алгоритма и логической последовательности действий в процессе решения поставленных задач, стандарта или норматива предписанных процедурных действий, объективных критериев оценки организации, хода и результатов деятельности. Технологию социальной работы характеризуют:

- динамичность, состоящая в постоянной смене содержания и форм работы специалиста с клиентом и в эвристическом характере деятельности;
- непрерывность, обусловленная необходимостью постоянно поддерживать непосредственную или опосредованную связь с клиентом и оказывать на него влияние;
- цикличность, проявляющаяся в стереотипном, устойчивом повторении этапов, стадий и процедур при работе с клиентами;

- дискретность технологического процесса, которая заключается в неравномерности воздействия на клиентов с момента определения цели до исполнения решения.

Таким образом, технология социальной работы отражает ее прикладной, практический аспект. Глубокое проникновение и усвоение сущности, содержания и специфики технологических процессов - основа профессионализма кадров социальной сферы деятельности и специалистов социальных служб.

Таким образом, исследование социально-психологических аспектов технологизации социальной работы в современной России позволяет сделать ряд теоретических выводов.

Любая попытка дать точное и полное определение сущности сложного социального феномена (а именно таковым и является социальная технология) будет неполной и относительной; любая претензия на обладание абсолютной истиной относительно динамичных систем, какими являются социальные процессы и отношения, неправомерна. Каждое из приведенных определений социальных технологий отражает определенный существенный аспект, имеющий важное теоретическое и практическое значение. Их классификация позволяет лучше понять и осмыслить процессы технологизации социальной работы в современной России.

Теоретические аспекты социальных технологий включают генезис и историю их развития, типологию и сферы применения. По-прежнему актуальным остается само определение социальных технологий. Социальная практика постоянно требует создания новых, совершенствования и адаптации уже известных социальных технологий. На сегодняшний день имеет место и научная дисциплина - «социальные технологии», предметом которой являются сами технологии, методы их создания и апробации.

Прослеживаются три аспекта соотношения социальных технологий с социальной работой; их специфика позволяет построить правильную стратегию и тактику социальной работы в обществе и максимально реализовать ее цели.

Примечания

¹ Словарь иностранных слов. М., 1980.

- ² Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1986.
- ³ Там же.
- ⁴ Рабардель П. Люди и технологии (когнитивный подход к анализу современных инструментов). М., 1999.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Поппер К. Открытое общество и его враги: В 2 т. М., 1992.
- ⁷ Пригожин А.И. Современная социология организаций. М., 1995.
- ⁸ Поппер К. Открытое общество и его враги: В 2 т. М., 1992.
- ⁹ Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. М., 1978.
- ¹⁰ Общая психология / Под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М., 1990.
- ¹¹ Пригожин А.И. Современная социология организаций. М., 1995.
- ¹² Энциклопедия социальной работы: В 3 т. М., 1994.
- ¹³ Панов А.М. Социальная работа как наука, вид профессиональной деятельности и специальность в системе высшего образования // Российский журнал социальной работы. 1995. № 1.

Е.В. Седунова

Основные факторы возникновения девиаций в подростковой среде

Девиация является одной из сторон всеобщего понятия изменчивости, свойственной окружающему нас миру. Поведение считается девиантным в том случае, если оно отклоняется от принятых в данном обществе норм и правил. Девиантное поведение может быть двух видов: созидательное и разрушительное. Разрушительная направленность девиантного поведения, как правило, выражается а асоциальном поведении. Девиантное поведение подростков может быть четырех типов:

- антидисциплинарный;
- антисоциальный;
- деликвентный;
- аутоагрессивный.

Девиантное поведение подростков реализуется в различных формах и проявляется в разной степени. Вместе с тем анализ причин, порождающих различные виды социальных отклонений, по-

звolyет говорить о единой природе возникновения девиаций. Мнения авторов, рассматривающих эту проблему, скорее дополняют друг друга, чем находятся в противоречии. В связи с этим целесообразно выделить основные группы факторов, способствующих возникновению девиаций в подростковой среде.

В числе основных причин, обуславливающих генезис девиантного поведения, ученые выделяют такие, как:

1) социальный фактор, определяющийся социальными и социально-экономическими условиями существования общества;

2) индивидуальный фактор, действующий на уровне психо-биологических предпосылок, которые затрудняют социальную адаптацию индивида;

3) психолого-педагогический фактор, проявляющийся в дефектах школьного и семейного воспитания;

4) социально-психологический фактор, раскрывающий неблагоприятные особенности взаимодействия подростка со своим ближайшим окружением в семье, на улице, в учебно-воспитательном коллективе;

5) личностный фактор, который прежде всего проявляется в активно-избирательном отношении индивида к нормам и ценностям своего окружения, к педагогическим воздействиям семьи, школы, общественности, а также в личных ценностных ориентациях и личной способности к саморегулированию своего поведения.

Рассмотрим эти факторы подробнее. Что касается действия социального фактора, то социально-экономический кризис, экологические катастрофы, ценностная анемия породили огромное количество социальных проблем, препятствующих формированию положительного опыта общежития у подростков, вызывающих трудности в построении социальных отношений. В таком обществе подростки остаются не задействованными в трудовой деятельности, не охватываются по разным причинам социально-приемлемыми формами организаций, выпадают из системы легальных общественных связей. На фоне общего ухудшения условий опасность резкого увеличения числа подростков с отклоняющимися формами поведения становится неизбежной.

Таким образом, социальные и психологические изменения общества порождают девиантные формы поведения и усиливают

действие остальных факторов, повышают напряженность в обществе и готовность человека изменить модель своего поведения.

Ученые и практики-специалисты отдают должное определенным неблагоприятным свойствам индивида, которые могут затруднять освоение социальных программ и выступать, таким образом, психобиологическими предпосылками поведения. Так, в качестве психобиологических предпосылок девиантного поведения подростков выделяются такие неблагоприятные особенности психики и организма, как нервно-психические патологии и заболевания акцентуации характера, а также отставание в умственном развитии детей, вызванное рядом наследственных, врожденных факторов, черепно-мозговыми травмами и заболеваниями, перенесенными в раннем детстве. Психопатия как патологический вариант личности со своеобразным уродством психики, развивающимся на основе унаследованных, врожденных или приобретенных в течение жизни аномалий психической деятельности, может обуславливать девиантное поведение подростков, а также мешать им безболезненно для себя и для других приспособляться к окружающей среде. Подростка можно отнести к психопатам на основании трех критериев: выраженности патологических свойств до степени нарушения адаптации, тотальности психопатологических особенностей, определяющих весь психический склад индивидуума, их относительной стабильности и малой обратимости. Поведение таких подростков мало поддается психолого-педагогической коррекции - они нуждаются в лечении медикаментозными средствами.

С серьезными проблемами сталкиваются взрослые при работе с подростками с акцентуациями характера. В психологии так называют крайние варианты его нормы, при которых отдельные черты характера чрезмерно усиливаются, отчего обнаруживается избирательная уязвимость в отношении определенного рода психогенных воздействий при хорошей и даже повышенной устойчивости к другим. Следовательно, можно предположить, что в какой-то ситуации один подросток будет чувствовать себя адаптированным (испытывать, например, прилив бодрости и сил), а другой - растерян и неуверенно, будет терзаться и терять работоспособность. Каждый из типов характера имеет свое специфическое "место наименьшего сопротивления" - такие особенности в характере

подростка, благодаря которым он чувствует себя особенно неприспособленным к определенным ситуациям или условиям. В этих ситуациях подросток ведет себя неадекватно. Часто в семье, в школе, в группе сверстников создаются такие условия, в которых подросток испытывает раздражение и протестует, проявляя те или иные формы девиантного поведения.

Таким образом, психобиологические предпосылки свидетельствуют о наличии определенной трудновоспитуемости детей и подростков с вышеназванными отклонениями, для преодоления которой требуется своевременная диагностика, выявление психических и других заболеваний, оказание необходимой медицинской помощи и принятие мер по восстановлению здоровья, реализация адекватной программы по социальной реабилитации и адаптации. В то же время психобиологические предпосылки, способные затруднить социальную адаптацию индивида, отнюдь не являются некими фатально действующими факторами, неизбежно вызывающими различные социальные отклонения. Значительное, а в некоторых случаях и решающее значение имеет группа факторов, связанная с отрицательным влиянием среды неформального общения и неблагополучной семьи подростка. Личность подрастающего человека формируется не в вакууме, а в окружающей среде, и в связи с этим особенно важно указать на роль малых групп, в которых подросток взаимодействует с другими людьми.

Особенностью подростковой психологии является склонность к групповому общению со сверстниками как в формальной (школа, секции, кружки и т.п.), так и в неформальной среде. Но особую роль в жизни подростка играют неформальные (неофициальные) связи и отношения. Неформальные группы существуют в любой социальной общности, в одних случаях совпадают с формальной средой, в других - нет. Одну из групп подросток считает основной (референтной) и общением с ней дорожит особо. Утрата связи с ней вызывает состояние социальной дезадаптации, которое переживается до тех пор, пока подросток вновь не найдет для себя такую группу. Степень влияния на подростка той или иной микросреды зависит от многих факторов. Поведение человека избирательно, и в такой же степени он избирателен в выборе своих неформальных связей и отношений. Обычно стремление подростков к общению вне учебного заведения не влечет за собой появления

отклонений в поведении и реализуется в рамках естественной дружбы, присущей этому возрастному этапу развития личности. Об отрицательном воздействии среды неформального общения мы говорим тогда, когда подросток вынужден находиться в ней больше, чем это необходимо и желательно. Подростки, воспитывающиеся в обстановке безнадзорности, когда они непопулярны в учебной группе сверстников, невольно оказываются в обстановке повышенной зависимости от среды неформального общения. Для запущенных в семейном отношении детей, когда они становятся подростками, групповая форма взаимодействия с ее сравнительной социальной самостоятельностью закрепляет мотивы, усвоенные на предыдущем этапе развития. Возможность стать членом микрообъединения вне коллектива, где остаются весьма ощутимые проблемы самоутверждения, получить самостоятельность волеизъявления без необходимости доказать наличие воли успехами в учебе, преимущественно характер общения с низким уровнем требований к личным достоинствам - все это продолжает тормозить формирование ценностей, основанных на идеалах и убеждениях высшего порядка. Такие подростки стараются как можно дольше удержать подростковые группы от их естественного распада и остаться в рамках подросткового образа жизни, когда их сверстники начинают переходить к стилю отношений, свойственных взрослым людям.

Одной из основных социальных потребностей подростка является общение не только со сверстниками, но и со взрослыми, прежде всего с родителями. Их влияние на социальное поведение подростков может носить как положительный, так и отрицательный характер. У семей, вызывающих или способствующих возникновению девиаций в поведении детей, имеются свои особенности. Они отражаются в имеющихся классификациях неблагоприятных семей, где часто появляются такие подростки. Эти классификации дополняют, а иногда и повторяют друг друга. Кратко остановимся на них. Выделяют семьи с неблагополучной семейной атмосферой, где родители не только равнодушны, но и грубы, неуважительны по отношению к своим детям, подавляют их волю. Имеются также семьи, в которых нет эмоциональных контактов между ее членами, существует безразличие к потребностям ребенка при внешней благополучности отношений. Ребенок в таких

случаях стремится найти эмоционально значимые отношения вне семьи. Существуют семьи с нездоровой нравственной атмосферой. Там ребенку прививаются социально нежелательные потребности и интересы, он вовлекается в аморальный образ жизни. Как видим, в основу этой классификации кладется содержание переживаний ребенка.

Выделяются четыре типа неблагополучных семей, способствующих появлению девиантных детей и подростков.

1. Семьи с недостатком воспитательных ресурсов. К ним относятся разрушенные или неполные семьи; семья с недостаточно высоким общим уровнем развития родителей, не имеющих возможности оказывать помощь детям в учебе; семья, где подросток тратит много времени и сил на поддержание материального благополучия. Эти семьи не всегда формируют подростков с девиантным поведением, но все же создают неблагоприятный фон для воспитания.

2. Конфликтные семьи: а) где родители не стремятся исправить недостатки своего характера; б) где один родитель нетерпим к манере поведения другого. В таких семьях дети часто держатся оппозиционно, подчас конфликтно-демонстративно. Более старшие протестуют против конфликта, встают на сторону одного из родителей.

3. Нравственно неблагополучные семьи. Среди членов такой семьи наблюдается различие в мировоззрении и принципах организации семьи, стремление достичь своих целей в ущерб интересов других, использование чужого труда, стремление подчинить своей воле другого и т.п.

4. Педагогически некомпетентные семьи: в них надуманные или устаревшие представления о ребенке заменяют реальную картину его развития. Например, уверенность в возможности полной самостоятельности ребенка, ведущая к безнадзорности, вызывает у последнего дискомфорт, эмоциональную напряженность, стремление оградиться от всего нового и незнакомого, недоверие к другому человеку.

Таким образом, трудности воспитания в семье объясняются не только низкой общей и педагогической культурой некоторых родителей, но и серьезными внутрисемейными коллизиями, сказывающимися на детях. Хотя в принципе вовсе не обязательно, что

подросток из такой семьи будет нарушать социальные нормы. Отрицательное влияние такой семьи может быть нейтрализовано усилением социального контроля, влиянием социально полезных связей и отношений, социально-педагогической и психологической работой с подростком.

Т.С. Груздев

Функции общественных движений по компенсации конфликтогенных факторов во взаимодействии общественных и политических процессов

В период трансформации политической системы общества чрезвычайно важно четко отслеживать и анализировать те процессы, которые происходят как в социальной, так и политической системах. Важность эта главным образом заключается в том, что течение именно этих процессов и формирует дальнейшее «лицо» будущего общества. Немаловажно также и то, что необходимо ясно видеть, как происходит взаимосвязь между политическим и общественным процессами, так как именно в этом взаимодействии формируется новое общество, общество демократическое, гражданское. А именно такую цель ставит себе российское общество в данный, переломный для него период.

Грань между политическими и общественными процессами очень тонка. Они постоянно взаимно проникают друг в друга, при этом зачастую очень трудно определить, какой из них является детерминирующим, а какой - детерминируемым. Плоскость взаимодействия же, наоборот, является очень «широкой» и многомерной, так как взаимодействие это происходит на всех уровнях общественной структуры.

Политический процесс как таковой представляется жизненно важным для общества, в свете этого общество пытается оказать влияние на его течение. Наряду с политическим участием и политическим представительством в общественной среде в качестве

инструментов воздействия на политический процесс рождаются общественные объединения и движения. Их специфика заключается в том, что при достаточно развитой гражданской системе общества они представляются наиболее эффективными для разрешения разного рода конфликтов и отстаивания интересов и ценностей непосредственно по ходу политического процесса, обеспечивая тем самым минимальный лаг между действием или результатом действия в рамках политического процесса и реакцией на него. Таким образом, общественные организации, принимая активнейшее участие в политическом процессе, приносят в него социальную составляющую, социальное начало, выступая в качестве непосредственного поля взаимодействия общественного и политического процессов.

Политический процесс как совокупность институализированных и неинституализированных субъектов политики, осуществляющих формирование и реализацию межгрупповой властью воли общества¹, имеет два основных уровня - макроуровень и микроуровень. Макроуровень представляет политический процесс как динамическую характеристику всей политической системы, смену состояний и стадий ее развития. На микроуровне политический процесс - равнодействующая сумма бесконечного множества действий различных социальных субъектов. Именно микроуровень становится основным полем деятельности общественных организаций, основным, но не единственным. При этом влияние на процессы макроуровня происходит в большей части опосредованно, через акторов, имеющих прямой доступ к политической системе ввиду непосредственного участия в ней (политические партии, органы государственной власти и т.д.).

Бентли в своем труде 1908 г. «Процесс управления» выделял три основных субпроцесса:

- законодательный (артикуляция интересов);
- исполнительный (процесс принятия решений);
- судебный (процесс преодоления конфликтов).

Если подходить с этих позиций, а они отнюдь не потеряли своей актуальности сегодня, то мы сможем достаточно ясно обрисовать то, как общественные организации оказывают влияние на указанные субпроцессы, осуществляя взаимосвязь между процессом политическим и процессом общественным. При этом данное взаи-

модействие может выступать одновременно и как источник конфликтов, и как средство их разрешения. Рассмотрим их подробнее.

Законодательный процесс как процесс артикуляции интересов. В данном случае общественные объединения играют непосредственную роль, так как именно они, как правило, и становятся основными выразителями и объективаторами общественных интересов.

Исполнительный процесс как процесс принятия решений. Здесь имеют место два возможных пути воздействия на данный политический субпроцесс общественными движениями. Первый из них - опосредованный. Он выражается в давлении на акторов, участвующих в процессе посредством различного рода акций, в том числе и конфликтного характера. Второй же - непосредственное участие общественных движений в процессе принятия решений; как правило, это имеет место при работах согласительных комиссий и разного рода совещательных органов. В этом случае такое взаимодействие можно охарактеризовать как средство разрешения конфликтов или устранения возможных разногласий, дающих основу для развития конфликтного взаимодействия.

Судебный процесс как процесс разрешения конфликтов. В этом случае общественные объединения могут производить действия как по приведению того или иного возникшего конфликта к институциональному, т.е. конфликту, протекающему по определенному закону или иными нормами порядку, либо выведению имеющегося конфликта из институционального состояния, при этом возникает серьезная опасность перерастания конфликта в новые формы, что может существенно затруднить его разрешение.

Можно достаточно ясно продемонстрировать описанное выше взаимодействие общественного процесса в лице общественных движений с субпроцессами политического процесса на примере стратегии протестных акций, имевших место не так давно в России.

Определимся вначале, что в данном случае в качестве определения стратегии укажем следующую формулу: стратегия = цели + действия.

Теперь непосредственно стратегия².

I. Установление контакта. Цель: привлечь внимание властей. Действия: 1) публичные, демонстративные (пикеты, митинги, петиции); 2) перекрытие дорог; 3) обращение в СМИ.

II. Конструктивное взаимодействие. Цель: решение конкретных проблем (отключение газа, тепло- и электроснабжения, нефинансирование учреждений и т.д.). Действия: 1) публичные, демонстративные (пикеты, митинги, петиции); 2) переговоры, соглашения; 3) обращение в суд; 4) участие в работе согласительной комиссии; 5) обращение к профсоюзам.

III. Поиск арбитра в трудовых спорах. Цель: воздействие на работодателей, руководителей предприятий. Действия: 1) участие в работе согласительной комиссии; 2) обращение в суд; 3) обращение в СМИ; 4) перекрытие дорог; 5) забастовка.

IV. Фокусирование агрессии. Цель: без целеполагания. Действия: 1) насилие, убийства, избиение, захват заложников; 2) голодовки; 3) самоубийства.

V. Диффузионный протест. Цель: неопределенна («они сами не знают зачем»). Действия: 1) совместные действия с политическими организациями; 2) перекрытие дорог; 3) продолжение забастовок.

Здесь необходимы некоторые комментарии. Пункт I указанной стратегии представляет собой попытку оказания влияния на субпроцесс артикуляции интересов. Пункты II и III - это явный пример попытки перевода конфликта в институциональную форму. С этим связано и обращение в суд, и создание согласительной комиссии. При этом необходимо отметить, что мы уже упоминали о том, что участие в согласительных комиссиях является также еще и непосредственным принятием участия общественными движениями в процессе принятия решений, под которым мы подразумевали также политический исполнительный субпроцесс.

Если же говорить об обращении к профсоюзам, о котором упоминается в пункте II, то здесь возможны разночтения. Их главная причина заключается в том, что профсоюзное движение в России переросло определение «общественное движение» и напоминает сегодня скорее реального политического актора с широкой социальной базой и с достаточно специализированным направлением лоббирования интересов. Таким образом, привлечение в данном случае к профсоюзам можно скорее характеризовать как

обращение к политическому актору, который обладает более эффективным воздействием на власть и, следовательно, на политический процесс.

Как говорилось выше, общественные объединения и движения, выступая в роли носителя общественных интересов, оказывают влияние на различные элементы политического процесса. Влияние оказывается также и на стадии политического процесса как прямо, так и косвенно.

Как известно, политический процесс включает в себе следующие основные стадии:

- представление политических интересов групп и граждан институтам, принимающим политические решения;
- выработка и принятие политических решений;
- реализация политических решений;
- контроль за выполнением.

В развитом гражданском обществе при отлаженной деятельности общественно-политических институтов влияние общества на политику и политический процесс оказывается непосредственно через систему представительства и общественные организации. Данная система позволяет снизить напряжение внутри общества, связанное с разнородностью интересов и, следовательно, свести возможность возникновения конфликтов разного уровня к минимуму. Одно из основных действий политической системы в этой области - допущение общества в лице общественных организаций к влиянию и непосредственному участию в стадиях политического процесса. Помимо этой в некоторой степени утилитарной функции (функции снижения конфликтности внутри общества), участие общества непосредственно в политическом процессе позволяет выявить массовые интересы общества, состояние нормативно-ценностной базы, а также приоритетные направления дальнейшего общественного развития.

В российской же реальности ситуация несколько иная. Общественные организации всячески стараются принять участие в политическом процессе, однако они испытывают на себе сильнейшее влияние более формализованных и политизированных акторов, считающих политический процесс - зоной только своей деятельности. При такой ситуации трудно себе представить, что будут учитываться не только глобальные, но и менее масштабные

интересы как общества в целом, так и отдельных его слоев, классов и других элементов общественной структуры. Осознавая это, российские общественные организации все более и более институализируются, приобретая схожесть с политическими партиями.

Основной причиной такого состояния является то, что российское общество и российская политическая система находится на данный момент в состоянии трансформации. Такие процессы в обществе, как правило, сопровождаются переоценкой ценностей, созданием новых форм взаимодействия общества и политических институтов, что вполне естественно отражается и на взаимодействии общественных и политических процессов.

Характерным для России является в данный период то, что общество в основной своей массе оказывается как бы выключенным из политического процесса, так как большинство его членов влияют на политический процесс в несколько дискретной форме, принимая участие в выборах представительных органов власти различного уровня. Активность же общества в сфере постоянного отстаивания собственных интересов невелика. А ведь именно общественные организации, как инструмент отстаивания и реализации интересов, являются основой гражданского общества, так как оно - общество социально-активных граждан, осознающих свои интересы и ценности и, что самое главное, свое право на их отстаивание.

Таким образом, можно сделать вывод, что на сегодняшний день в период перехода России к демократии взаимодействие общественных и политических процессов представляет собой следующее: с одной стороны, мы имеем весьма пассивное общество, внутри которого трансформационные процессы социального характера идут медленно, а совокупность общественных процессов во многом носит еще отпечаток предыдущего социального строя; с другой стороны, новую политическую систему с существенно увеличившимся количеством акторов, обладающих достаточной мобильностью и прямым доступом как к политической системе общества, так и к политическому процессу. При этом общественные организации находятся как бы в диффузном слое между обществом и политическим процессом, организовывая взаимодействие. Такая ситуация обладает большой степенью конфликтности ввиду того, что неразвитая система общественных организа-

ций приводит к накоплению в обществе противоречий, провоцирующих разноуровневые конфликты.

Однако было бы опрометчиво утверждать, что такая ситуация является исключительно ущербной. Подобная некоторого рода изоляция общественного и политического процесса в нашей стране предотвращает столкновение большого числа групп с новоприсвоенными ценностными установками и интересами в политическом поле, появление которых мог бы спровоцировать тот пересмотр ценностей и даже некоторый ценностно-целевой нигилизм, имеющий место в нашем обществе сегодня, что тоже представляет плодородную почву для развития социальных конфликтов. При этом неустоявшаяся нормативно-ценностная база в обществе при условии его абсолютной интеграции с политическим процессом, при которой процессы социальные начали бы играть детерминирующую роль, привела бы к колоссальному давлению на государство и на новую неустойчивую политическую систему.

Таким образом, взаимодействие политического и социального процессов в российском обществе носит неоднозначный характер, что, впрочем, достаточно органично для всех переходных систем. В такой ситуации общественные организации, действуя в диффузной зоне, выполняют компенсаторные функции, способствуя более плавному взаимодействию указанных процессов и нивелированию конфликтогенных факторов.

Примечания

¹ Политология (структурно-логическое отражение проблем). Ярославль, 1999. С. 125.

² Климов И.А. Протестное движение в России: взаимная обусловленность стратегий сторон // Полис. 1999. № 1. С. 150.

Функционирование политической партии в период между избирательными кампаниями

В настоящее время существует большое количество статей, монографий и других источников информации, посвященных подготовке и проведению избирательной кампании. Однако произошедшие в последние два-три года изменения на политическом поле России заставляют расширить взгляд на проблему и уделить большее внимание специфике функционирования политической партии в период между избирательными кампаниями. В период 90-х гг., когда количество партий, политических объединений, движений и т.д. измерялось десятками, а в избирательный бюллетень вносилось 20 – 40 партий, они практически не играли заметной роли в общественной жизни страны в период между избирательными кампаниями. Исключением являлись разве что довольно частые акции протеста или поддержки каких-либо событий, предпринимавшихся КПРФ, «Трудовой Россией», ЛДПР и рядом других организаций.

Однако на протяжении 2000 – 2002 гг. отчетливо проявляется другая тенденция: многочисленные политические организации приобретают более четкую структуру, вступают в союзы, вместе выступают на выборах или объединяются. Причем этот процесс идет как «сверху», так и «снизу».

С одной стороны, Государственная Дума РФ утвердила президентский вариант Закона о политических партиях в РФ от 14 июля 2001 г., по которому партией может считаться лишь организация, имеющая не менее 10 000 членов и располагающая отделениями не менее чем в половине регионов России. Исполнение этого закона неизбежно приведет к вытеснению с политического поля России многих (а скорее всего – подавляющее большинство) малочисленных партий, созданных, как правило, либо под какой-то конкретный проект, либо для реализации политических амбиций лидера второй или третьей величины, либо функционировавшей как клуб единомышленников. Чтобы не быть окончательно вытесненными из российского политического процесса, партии,

поставившие цель остаться в политике, будут вынуждены либо проводить активные действия по продвижению в регионы и вербовке новых членов (что невозможно без планомерного финансирования в больших объемах и поддержки местных властей), либо вступать в альянсы с другими такими же мелкими организациями. Этот процесс приведет к снижению количества партий при одновременном улучшении их «качества» (если в данном случае под качеством понимать превращение аморфного движения в обладающую продуманной системой и сетью региональных отделений партию), а также к более четкому структурированию политического ландшафта страны.

С другой стороны, процесс объединения партий начал осуществляться еще задолго до принятия нового закона о партиях. Так, большая часть партий, которых относят к «правому» спектру, сделала практические шаги к объединению в 1998 г. после убийства одного из лидеров правого движения Г. Старовойтовой. На выборах 1999 г. большинство правых партий выступили единым списком под новым брендом СПС («Союз правых сил»), а в 2001 г. прошел самороспуск ключевых правых партий и образование полноценной партии нового типа в соответствии с новым законом - партии «Союз правых сил».

В последние месяцы тенденции к объединению захватили и ряд других партий. Самыми известными примерами являются объединение ряда социал-демократических организаций в Социал-демократическую партию России под руководство М. Горбачева и К. Титова, а также постепенное сближение непримиримых соперников на выборах 1999 г. – «Единства», «Отечества» и «Всей России». Эти три партии, объявив о самороспуске 8 и 9 февраля 2002 г., создали новую центристскую организацию «Единая Россия».

С большой долей уверенности можно говорить о том, что процесс слияния партий в более крупные структуры продолжится и в ближайшее время. Объединив ресурсы в центре и регионах, партии в настоящее время обладают куда большими возможностями, чем в прошедшее десятилетие. Кроме того, происходят изменения в понимании политического процесса самими его участниками. Если ранее превалирующим желанием было в период избирательной кампании сконцентрировать значительные средства,

провести крайне ресурсозатратную кампанию и, получив (или не получив) планировавшийся результат ввиду избрания на определенный пост, фактически не заниматься вопросами деятельности партий до следующих выборов, то теперь ситуация изменилась. Крупные партии – «Единство» (до самороспуска и преобразования), СПС, КПРФ и некоторые другие (периодически – «Яблоко» и «Идущие вместе») – стали уделять внимание работе с избирателями на постоянной основе, а не только в период предвыборной раскрутки (8 - 9 месяцев до даты голосования) и собственно избирательной кампании (2 месяца до даты голосования). В данной статье предпринимается попытка рассмотреть основные виды деятельности партий в период между избирательными кампаниями исходя из понимания партии как организации, нацеленной на долгосрочную деятельность по завоеванию и удержанию власти.

Избирательная кампания – это период наибольшего напряжения сил партии. Колоссальное количество ресурсов (людских, финансовых, материальных) расходуется на весь комплекс мероприятий, осуществляемых на последней стадии кампании. Агитация (во всех ее формах), реклама, пропаганда, контрпропаганда, PR, разведка, борьба за освещение своей деятельности в СМИ, поиск добровольных помощников и управление ими – все это приводит к тому, что на 1,5 – 2 месяца общество вынужденно становится крайне политизированным, поддавшись разнообразным видам воздействия. Именно в этот период избирательной кампании дается наибольшее количество обещаний, делается «важных программных» заявлений; в стремлении получить голоса избирателей кандидаты и партии пытаются заручиться поддержкой не только своей целевой группы, но и заинтересовать собой другие адресные группы. Вся эта активность, безусловно требующая крепкой организации, четкого планирования, руководства, контроля, обеспечения и исполнения, прекращается в соответствии с законодательством за сутки до начала голосования, а начинается снова, как показала практика прошедшего десятилетия, лишь перед следующими выборами. Как правило, большинство данных обещаний остаются невыполненными, выигравший кандидат появляется в округе лишь для отчета, а его проигравшие соперники прекращают всякую политическую активность (кроме, разве что попыток пересмотра результатов голосования). Соответственно, в округе появ-

ляются и усиливаются настроения (по сути своей правильные) о том, что население, в очередной раз использовав в своих целях, мягко говоря, обманули. В перспективе закрепление и расширение таких настроений может привести к росту численности протестных групп, увеличению от кампании к кампании количества голосов, поданных «против всех», а затем к постоянному падению явки, что в долгосрочной перспективе может угрожать срывом избирательного процесса и самоустранением общества от участия в политической жизни страны.

Чтобы предотвратить подобную угрозу, необходимы усилия как государства, так и самих партий. Возможным действиям государства по предотвращению этой угрозы предпочтительнее посвятить отдельную работу, а цель данной статьи - работа с населением непосредственных участников политического процесса - партий. При рассмотрении проблемы следует различать действия главного (федерального) офиса партии и региональных отделений. В каждой партии свой подход к решению этой проблемы. СПС и «Яблоко» обладают в регионах сильными структурами, включающими местную элиту (интеллектуальную, финансовую, малый и средний бизнес и т.д.). Схожим путем шли «Единство» и «Отечество», но в этих организациях упор был на крупный бизнес и административный ресурс. Местные отделения ЛДПР, КПРФ, «Идущих вместе» и других партий, напротив, зависят от центрального офиса намного больше. В данном случае речь не идет об идеологических разногласиях - здесь центр и «левых» и «правых» партий немедленно и жестко подавляет проявления инакомыслия: для Ярославской области показательны примеры давления и последующего снятия со своих постов Е. Мизулиной, что фактически привело к распаду регионального отделения «Яблока» в 2000 – 2001 гг., и В. Корнилова, что создало подобную ситуацию в Ярославском областном комитете КПРФ в 2000 г. В данном случае имеется в виду политика степени материальной, финансовой и организационной зависимости региональных отделений от центра: либо местный филиал партии фактически является самодостаточным (т.е. в него входят сильные лидеры, способные обеспечить финансирование создаваемой партии, провести юридическую регистрацию, сформировать дееспособную команду и, более того, самим в случае необходимости поддержать центральный офис),

либо же все региональные отделения полностью зависят от Москвы и с прекращением финансирования прекращают свое существование. После принятия нового закона о партиях отношения центрального офиса и региональных отделений, скорее всего, претерпят некоторые изменения в сторону более конструктивного сотрудничества. Тем не менее даже при финансировании (полном или частичном) из Москвы более жизнеспособным и эффективным будет являться региональное отделение «самодостаточного» типа. В этом случае главной задачей центрального офиса станет выявление и продвижение в регионах потенциальных лидеров и их поддержка на этапе становления с предоставлением значительных полномочий и самостоятельности на последующих этапах (естественно, при следовании ими «генеральной линии»).

Таким образом, представляется наиболее эффективной следующая схема отношений центрального офиса с региональными отделениями: общая идеология и стратегический курс вырабатывается в Москве, утверждается на общем собрании с обязательным участием лидеров региональных отделений партии, а осуществление тактических мероприятий на местах находится в компетенции региональных отделений, которые в любой момент могут рассчитывать на предоставление помощи от центра (при решении главных либо крайне затратных задач), но способных в большинстве случаев справиться своими силами и средствами.

Если партия рассчитывает не только на победу на ближайших выборах, но и на постоянное присутствие на всех уровнях власти с постоянным увеличением своего влияния (или, по крайней мере, сохранением существующих позиций), то ей необходимо смириться с фактом, что активная деятельность в день голосования не заканчивается, а лишь переходит в несколько иное качество. Крайне важно правильно вести себя в первые дни и недели после окончания избирательной кампании. Здесь надо учитывать, что общество устало от компроматов, агитации, рекламы и прочих средств, применяемых в ходе избирательной кампании. В первые дни после окончания избирательной кампании следует ожидать негативных оценок результатов голосования, требования пересчета голосов, обвинений в нарушениях, допущенных в ходе избирательной кампании и т.д. Поручить решение этих проблем следует юридическому подразделению партии, а озвучивание любой ин-

формации - исключительно после анализа информации аналитическим подразделением и подразделением PR - пресс-службе партии. Параллельно необходимо разработать стратегию своего дальнейшего поведения.

Если выборы выиграны, следует несколько раз через СМИ поблагодарить избирателей за доверие (исполнители - подразделения PR и пресс-служба), а соперников (кроме самых ортодоксальных или крайне враждебно настроенных) - за участие в избирательной кампании и предложить им сотрудничество на приемлемых условиях.

Если выборы проиграны и юридических обоснований требовать пересмотра результатов нет (исполнитель – юридическое подразделение), следует также поблагодарить избирателей и соперников (исполнители – подразделения PR и пресс-служба), поздравить победителя и пожелать успехов (исполнители – те же). Дальнейшая работа будет направлена на создание постоянного канала передачи позитивной информации (исполнители - лидер регионального отделения партии вырабатывает новую стратегию, согласовывает ее с центральным офисом и передает на исполнение соответствующим подразделениям партии). Следует выполнить наиболее важные предвыборные обещания (например, поддержка детских домов, спортшкол, домов престарелых, больниц и т.д.). Освещение этих событий в СМИ будет добиться относительно легко: после завершения избирательной кампании их расценки на заказные политические сюжеты неизбежно падают на несколько порядков (исполнители – подразделения PR и пресс-служба). При этом каждый сюжет об очередном выполнении предвыборных обещаний следует заканчивать фразой примерно такого содержания: «Мы выполнили свое обещание. Конечно, наша помощь была бы более полной, если бы победили на выборах, но для нас очень важно сдержать свое слово перед вами, жители такого-то округа (района, города и т.д.)». Естественно, присутствие символики и название партии в видеоряде сюжета или фоторепортажа обязательно (исполнители - те же).

В ходе данных мероприятий претерпит определенные изменения и структура регионального отделения. Можно уменьшить численность следующих подразделений (естественно, кроме ключевых сотрудников): транспортного, аналитического и т.д. Ряд

подразделений можно временно закрыть. В разы следует уменьшить и численность добровольных помощников. Из их числа следует отобрать наиболее проявивших себя в ходе избирательной кампании и предложить работу с возможной перспективой роста, обучением и принятием на штатные должности. Контакты со СМИ вновь следует переподчинить руководителю пресс-службы (состав которой можно также сократить), так как объем сообщений и их содержание уже не потребуют наличия в штате нескольких человек, как это неизбежно бывает в ходе избирательной кампании. Примерно следующий год после выборов партии лучше заниматься выполнением взятых на себя обязательств, периодически заявляя о себе в СМИ (желательно не реже 1 раза в 3 – 4 недели). При этом каждый раз необходимо подчеркивать: «Мы могли бы сделать значительно больше, если бы результаты выборов были другими».

Смысл данной стратегии в следующем: даже если победивший в округе кандидат и будет предпринимать шаги (хотя обычно в первый год после завершения избирательной кампании победители не проявляют активной деятельности), все равно в общественном сознании будут фиксироваться регулярные послания нашей партии, что ведет к закреплению положительного образа партии и постепенному расширению потенциального электорального ядра и электоральной базы. Данный этап также является одним из ключевых в борьбе за симпатии избирателей. Предпочтительно наладить плотный контакт с населением округа. Вполне целесообразно открытие общественных юридических приемных для населения (исполнители – юридическое подразделение, освещение в СМИ – подразделение PR и пресс-служба), продолжение оказания точечной шефской помощи нескольким предприятиям здравоохранения и образования (например, оснастить сельские школы персональными компьютерами). В контексте современной внутренней политики также стоит внимательно рассмотреть проблему спорта: организации спортплощадок, проведения соревнований, помощи командам и т.д. Следует также благоустраивать дворы и детские площадки, параллельно возможна регистрация нескольких фирм для привлечения студентов вузов и ссузов для получения ими опыта работы (естественно, совмещая всю благотворительность с ненавязчивой агитацией). Вполне можно поддерживать

различные интеллектуальные организации: библиотеки, литературные клубы и т.д. И конечно, нельзя забывать о земляках (в данном случае - из округа), проходящих службу в Вооруженных Силах в других регионах, особенно в «горячих точках».

Естественно, все это необходимо сопровождать правильным PR-ом и освещением в СМИ (продвижение символики, названия партии, периодическое «засвечивание» лидеров регионального отделения партии и т.д.). На этом этапе вновь усиливается роль исполнительных подразделений партии: от пресс-службы до фондрайзинга.

Главная идея, продвигаемая и закрепляемая в общественном сознании на данном этапе: «Мы помогаем Вам сейчас. Поддержите нас на следующих выборах, и мы сможем помочь вам еще больше». Данный этап - самый протяженный в рассматриваемый период функционирования партии. Однако именно этот кропотливый труд способен сформировать устойчивый положительный имидж у различных групп населения округа перед следующим этапом.

Примерно за 18 - 16 месяцев до даты следующего голосования необходимо сформировать понимание деятельности партии в ходе следующей избирательной кампании. Имеет смысл заказать социологическое исследование независимым специалистам (лучше - несколькими, чтобы работали независимо друг от друга и не знали о деятельности других). Сравнение результатов их исследований, а также опора на собственные исследования позволят сформировать правильную картину примерного распределения предпочтений электората округа, на основе чего следует избрать стратегию ведения избирательной кампании, а в соответствии с ней произвести корректировку структуры партии. Оставшееся перед началом ИК время следует посвятить отработке основных элементов ведения предвыборной борьбы, обучению вновь набранных в штат сотрудников и другим мероприятиям, предшествующим непосредственно избирательной кампании.

Этот этап, а также собственно ведение избирательной кампании достаточно освещены в специализированной литературе.

Данный этап является логическим завершением трехлетней работы по внедрению положительного образа партии в округе и созданию эффективной структуры партии, способной принести

положительные результаты не только в ходе ближайшей избирательной кампании, но и в долгосрочной перспективе.

В заключение следует отметить, что деятельность партии в периоды между избирательными кампаниями является необходимым и полноценным этапом функционирования партии в современной России.

Только обеспечив постоянный контакт, каналы обратной связи и взаимодействие с избирателями округа (в перспективе - РФ), партия может рассчитывать на завоевание признания и получение устойчивого процента голосующих за нее (как минимум) и перспектив расширения электоральной базы (как максимум, к которому следует стремиться).

Ф.Ю. Кушнарев

Информационная война в условиях социальной и политической деформации российского общества

Сегодня во всем мире признано, что информация является важнейшим средством организации и регулирования частной и общественной жизнедеятельности, одной из форм закрепления и распространения имеющихся и приобретенных знаний, действенным инструментом и материей управления. Движение к «информационному обществу» еще более усиливает роль информации в решении любых человеческих проблем. Получение новой информации, хранение и использование уже созданной, адекватное понимание и актуальное использование информации становится очень трудным делом, требующим времени, сил и средств, создания специальных структур (систем), применения новейшей техники и технологии. Работа с информацией превращается в обширное и массовое занятие людей, а сама информация выступает основным источником интенсификации и гармонизации общественного развития.

В настоящее время осознаны предпосылки и реальные пути формирования и развития информационного общества в России.

Информационное общество – понятие, предполагающее взгляд на современное общество с точки зрения стремительно возрастающей информации. Оно характеризуется формированием единого информационно-коммуникационного пространства. Одним из важнейших показателей изменения образа жизни во второй половине нашего века является развитие и использование новых информационно-коммуникационных технологий во всех областях социальной жизни и деятельности, уровень производства и потребления обществом информационных продуктов и услуг. Очевидны изменение отношения к информации и расширение возможностей получения и применения информации для усиления человеческого потенциала и его развития во многих направлениях. В России последнее десятилетие сформировались такие факторы социально-экономического и культурного развития, которые можно рассматривать как предпосылки перехода к информационному обществу.

Современное общество является постиндустриальным и переходным к новой информационной фазе своего развития. Сегодня общество находится в ситуации «информационного взрыва» – стремительно возрастающей, всепроникающей информации обо всех сторонах его жизнедеятельности. Информация превратилась в глобальный, неистощимый ресурс человечества, многократно повысив возможности социального управления¹.

Во второй половине XX в. произошел скачок в развитии информационных технологий, которые вобрали в себя достижения электроники, а также математики, философии, социологии, психологии и экономики. Постиндустриальная и информационная фаза развития современного общества совпала с глубочайшим внутри- и внешнеполитическим поражением России. Страна оказалась бессильной перед новыми информационными технологиями социального и политического действия.

Объявив информационную открытость, государство не смогло обеспечить собственную информационную безопасность, не смогло противостоять тому информационному валу, который обрушился на Россию в конце 80-х гг., не смогло на него адекватно отреагировать, не смогло предложить окружающему миру свою форму коммуникации, свою информационную картину, свое объяснение происходящего. В результате доминирующей стала чужая инфор-

мационная реальность, а Россию все 90-е гг. сотрясали внешние и внутренние войны. Оказавшись в информационном обществе, необходимо научиться противостоять его угрозам и действовать его методами. Не имея прежней военной и политической мощи, российская государственность должна научиться гибко реагировать на постоянно меняющуюся ситуацию, гибко отстаивать свою точку зрения, продвигать свои интересы на международной арене. Перед нашим обществом стоит задача мобилизации своих информационных возможностей, налаживания коммуникаций, мобилизации информационного ресурса нашей цивилизации.

Мобилизовать эти возможности может только государство. «Ключ к возрождению и подъему России находится сегодня в государственно-политической сфере. Россия нуждается в сильной государственной власти и должна иметь ее»². Государственная информационная политика необходима России в условиях постиндустриальной цивилизации, приобщения к ее успехам и противостояния ее угрозам. России, с ее традиционным значением духовных проблем, постиндустриальное информационное общество предоставляет уникальную возможность вырваться вперед, стать лидером мирового культурного и экономического развития.

Политическое развитие России и мирового сообщества позволяет прогнозировать наступление новой идеологической волны, следующей за фазой современной деидеологизации. Во-первых, этого требует задача реидеологизации российского культурного пространства. «Без идеологии, то есть специфического духоподъемного комплекса, позволяющего в истории жатве зреть не годами, а странами, народами, поколениями, социально-политические образования испытывают деконструкцию, саморазрушаясь и самовыврождаясь».

Во-вторых, идеологическая экспансия западной цивилизации, вдохновленной победой в холодной войне, и навязывание мировому сообществу демократических стандартов Запада, главным образом США, «новый комплексный международный порядок, который создан американской гегемонией», говоря словами Збигнева Бжежинского, распространяемый «на те части света, где американское могущество укрепляется демократическими социополитическими системами», провоцируют мобилизацию незападных идеологий. В крайней форме это проявляется, в частности, в акти-

визации исламского экстремизма, который носит ярко выраженный антизападный характер. Поэтому исследователи прогнозируют в XXI в. рост борьбы за ноосферу. Объектами этой борьбы станут государственные идеи, духовные и национальные ценности, системы вероисповеданий, т.е. духовная сфера жизнедеятельности и противоборства. Информационное развитие мировой цивилизации заставляет эту борьбу принимать форму информационной войны. Сегодня правомерно утверждать: чем большими возможностями в информационной сфере обладает государство, тем вероятнее (при прочих равных условиях) оно может добиться геополитических преимуществ. Разработка и принятие эффективного комплекса мер, направленных на эффективное ведение информационного противоборства, становится приоритетным направлением укрепления российского государства³.

Впервые термин «информационная война» был введен в 1985 г. в Китае. Под информационной войной понимались действия (политические, экономические, культурные, технологические и т.д.) до захвата информационного пространства.

Идеологи и психологи видят в ней прежде всего морально-психологическую (идеологическую) борьбу. А. Грешневиков, например, определяет информационную войну как средство уничтожения исторических, духовных ценностей и подавления в человеке нравственного, созидательного начала. Близки к этому определения информационной войны как интеллектуального противоборства. «Информационная война есть война за знания – за то, кому известны ответы на вопросы; что, когда, где, почему и насколько надежными считает отдельно взятая страна и ее армия свои знания о себе и о своих противниках»⁴.

Технократы толкуют ее как противоборство в информационно-технической сфере. «Действия, предпринятые для достижения информационного превосходства в интересах национальной стратегии и осуществляемые путем влияния на информацию и информационные системы противника при одновременной защите собственной информации и своих информационных систем».

Военные, обобщив опыт локальных войн, видят ее в том числе и как информационное противоборство на поле боя. Журналисты определяют информационную войну как целенаправленную дис-

кредитацию политического, экономического, идеологического противника при помощи компрометирующей информации.

По-видимому, правильнее было бы рассматривать информационную войну как неразрывное сочетание морально-психологической борьбы и борьбы в сфере информационно-технической. Близко к этому определение А. Крутских и А. Федорова: «Информационная война – информационное противоборство с целью нанесения ущерба критически важным структурам противника, подрыва его политической и социальной систем, а также дестабилизация общества и государства противника». Двойственность в определениях информационной войны связана с двумя аспектами информационной политики и, соответственно, информационного воздействия – информационно-идеологическим (в данном случае его правильнее назвать информационно-психологическим) и информационно-техническим. Рост возможностей обоих и определяет их равную актуальность для ведения информационной войны.

Для выяснения специфики термина «информационная война» необходимо выяснить его особенности по сравнению с давно сложившимся понятием «психологическая война».

Д. Волкогонов говорит о широком и узком подходах к определению психологической войны. В широком смысле психологическая война отождествляется с борьбой в духовной области вообще.

«Психологическая война предполагает меры пропагандистского воздействия на сознание человека в идеологической и эмоциональной областях»⁵. Узкое толкование – преимущественное воздействие на область общественной психологии. Сам он определяет психологическую войну как систему подрывных идеологических воздействий, направленных на сознание людей, преимущественно через сферу общественной психологии. Эта сложная система действий (психологические диверсии, слухи, подлоги, дезинформация, угрозы, демонстрация военной силы и т.д.) имеет целью ослабить духовную и материальную мощь противника. Она охватывает политические, нравственные, правовые, эстетические формы сознания, а также сферу культуры. Психологическая война направлена на различные общности и коллективы: производственные, научные, художественные, творческие, военные.

В военное время психологическая война концентрируется на главном направлении – парализовать волю к борьбе личного состава и населения противоборствующей стороны.

Г.Г. Подчепцов выделяет следующие особенности информационной войны по сравнению с войной психологической.

Во-первых, психологическая война – это, по сути, пропаганда разрушения, но не созидания. Информационная война может строиться на позитивном действии, которое будет иметь разрушительный характер для системы.

Во-вторых, отличием информационной войны исследователи считают эффект «коммуникативного резонанса», когда информационное воздействие мгновенно, прогрессирующе распространяется по информационным каналам на широкую аудиторию.

В-третьих, информационная война – это война имиджей. Имидж - это общее представление (правильное или ложное), которое имеют о вас отдельные лица или общественные группы. Этот аспект информационной борьбы привел к рождению новой профессии - имиджмейкер. «Самое главное, только тогда выполняет свою особую роль, когда за ним стоит легенда и эта легенда читается. Легенда – это самая большая и значительная цель, которую ставит для себя политик, и способ воплощения и достижения этой миссии»⁶. Можно сказать, что информационное противоборство - это война этих миссий, легенд.

Информационная война является соединением информационно-психологических и информационно-технических аспектов. Появление и развитие этого термина связано с возникновением ряда обстоятельств.

Во-первых, с развитием информационных каналов, появлением новых средств массовой коммуникации, таких, как Интернет, кабельное и спутниковое телевидение, несмотря на существующие информационные средства воздействия (слухи, пропаганда, агитация, дезинформация и т.д.).

Государство, пустившее на самотек процессы, происходящие в информационном пространстве, столкнулось с внутренними информационными войнами. Например, информационная война, начавшаяся после проведения конкурса на обладание контрольным пакетом акций «Связьинвеста».

Логика информационных войн ставит под сомнение и под удар правила игры в рамках всей политической системы. Практически все информационное пространство формируется через фотографию информационной войны, лишая граждан объективной и полезной информации. К тому же любое участие должностных лиц в обсуждении политических проблем по существу дела тут же превращает его в одного из участников войны. Нарушается информационное воздействие как внутри власти и общества, так и между ними.

Объектами воздействия в информационной войне являются:

- информационно-коммуникативные системы (системы и сети связи, информационные и информационно-вычислительные системы и сети, распределенные и локальные базы данных и т.п.);
- общественное сознание и системы его формирования (социальная психика, общественные, морально-этические ценности, национальное и общественное самосознание, религия и церковь, СМИ, системы подготовки и обучения детей и юношества и т.д.);
- личность и индивидуальное сознание.

Принципиально новым элементом стали средства получения и доставки информации. Это прежде всего системы глобального телерадиовещания, при посредстве которых как реально происходящие события с соответствующими комментариями, так и специально подобранные факты и аргументы становятся доступны аудитории во многих странах мира. Использование спутников прямого вещания, когда лидер одного государства без согласия руководства других стран может напрямую обратиться к населению этих стран, является совершенно новым явлением мировой политики.

Во-вторых, с ростом роли психологического и, шире, гуманитарного фактора в информационно-технической сфере и технического в информационно-психологической.

В-третьих, с исчезновением противоборства двух систем. С психологической войной связаны такие понятия, как «идеологические диверсии» и «идеологическая борьба». Последняя рассматривалась исключительно как пропагандистский элемент политико-идеологической борьбы капитализма и социализма. Она выполняла функции политической дезориентации, подрыва морально-политического фактора населения и армии противника, духовное

подавление воли к сопротивлению и внедрение в сознание населения штампов и мифов пропаганды противника (по отношению к нам «буржуазной пропаганды»). В современных условиях информационную войну часто ведут экономические субъекты, заинтересованные в господстве своих экономических интересов и уничтожении конкурентов. Возросла роль не идейной, а чисто информационной борьбы, где информация может принимать форму компромата, дискредитации конкурента, совершенно не связанной с идеологическими факторами. Причем эта война может вестись как в условиях международной, так и внутренней конкуренции, т.е. как внутренняя информационная война⁷.

Технология информационной войны основана на управлении информационным потоком, его регулировании или дозировании, концентрации на его определенных аспектах, например: полное препятствие появлению информации о каких-то проблемах, темах и процессах, появление информации о некоторых событиях только с негативной или позитивной интерпретацией; сброс в общество информации в объеме, превосходящем возможности переработки и усвоения информации; создание нескольких избыточных информационных потоков с непротивоположными оценочными суждениями; воздействие на эмоциональный и подсознательный уровень субъекта, комбинации всех этих методов².

Информационная война сегодня является более реальным феноменом, чем это представляется на первый взгляд. Недооценка развития этих технологий, их воздействия приведет к серьезным последствиям для существования любой страны в XXI в. Мир уже вступил в гонку вооружений в области информационной войны, как это было сделано когда-то с ядерным оружием. Эту идею проводит в своих статьях У. Черч, призывающий к подписанию соответствующих международных договоров в этой области. И информационная война должна получить законные рамки своего применения.

Информационные технологии попадают на этом этапе в поле интересов уже не одной страны, а нескольких, что требует выработки совместных представлений и близких интерпретаций данного явления. А его реальный статус задают следующие слова Джорджа Стейна: «Информационная война является центральной проблемой национальной безопасности двадцать первого столе-

тия, и США должны создать согласованную политику национального уровня по военному и стратегическому использованию этих новых технологий и возможностей в дни мира и войны»⁹.

Информационные войны XXI в. будут в основном вестись в финансовой, а не в военной сфере. Главную роль в них будут играть не танкисты и десантники, а специалисты по информационно-психологическому противоборству в финансовой сфере.

В России, например, резкая активизация информационной войны началась в тот период, когда в руках отдельных групп влияний были сконцентрированы значительные финансовые средства. Наиболее яркие проявления войны были связаны с попыткой передела собственности после президентских выборов 1996 г. и приближения к власти новых персонажей. На выборах тогда столкнулось слишком много интересов, и «побежденные» решили взять реванш. Собственно в этом и была причина развязывания Большой информационной войны, которая не стихает до сих пор¹⁰.

Примечания

¹ Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации. М., 1998. С. 56.

² Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 1999. 30 дек.

³ Нартов Н.А. Геополитика: Учебник для вузов. М., 1999. С. 82.

⁴ Грешневиков А. Психологические процессы и эффекты информационной войны. М., 1997. С. 23.

⁵ Волкогонов Д. Психологическая война. М., 1983. С. 59.

⁶ Почепцов Г.Г. Информационная война. М., 2000. С. 243.

⁷ Шафранский Р. Информационная война. М., 1998. С. 49.

⁸ Дудченко В.С. Информационные технологии. М., 1996. С. 72.

⁹ Стейн Д. Информационная война. М., 1996. С. 46.

¹⁰ Мухин В.А. Информационная война в России. М., 2000. С. 89.

**О новом труде В.Т. Анискова:
к итогам научной деятельности***

Вашему вниманию предлагается капитальный обобщающий труд видного ученого, известного историка-крестьяноведа, заслуженного деятеля науки России, академика МАН ВШ, профессора Ярославского университета Виктора Тихоновича Анискова. Среди его многих опубликованных работ по различным проблемам отечественной истории – методологии и историографии, источниковедения и краеведения, обобщающего и учебно-методического назначения – особый и постоянный интерес всегда занимали исследования по истории советского крестьянства, преимущественно периода Великой Отечественной войны. Авторская приоритетность этой проблематики вновь и с еще более значимой научной выразительностью подтверждена представляемой книгой.

У нас есть не менее весомые основания рекомендовать ее не только коллегам по научным интересам (они и без того не обойдут монографию вниманием и, уверен, молчанием), но, надеюсь, и более широкому читателю. Впервые мне довелось осознать единомыслие с В.Т. Анисковым, когда он совсем юным по тем понятиям в начале 1969 г. на Пленуме ВАК под председательством министра высшего образования В.П. Елютина в третий раз защищал свою докторскую диссертацию. Тогда ее темой, как и вышедшей в 1966 г. книги, являлось крестьянство Сибири и Дальнего Востока 1941 – 1945 гг. Редкая документальная обоснованность суждений и «крутой» догматизм экспертов стали причиной хождения диссертации через «все круги» столь высокой организации, включая ее Президиум, с участием самого «виновника».

Что же вызывало опасения экспертов? «Прежде всего, – как суммировал претендент на докторскую степень, – его отход от традиционной конструкции истории советского тыла, от стереотипных оценок роли и места сельского хозяйства в военной экономике. Не только отход, но и "конструктивная критика"». Так называемый «черный» рецензент так и написал размашисто на рукописи диссертации: «Автор претендует на новое прочтение темы!».

Ему больше всего (да и не только ему) казались неприемлемыми утверждения соискателя о субъективных ошибках по руководству сельским хозяйством, которые еще больше усугубили трудности в колхозной деревне, обусловленные прежде и больше всего объективными причинами военного происхождения.

Опрометчивыми казались и выводы о том, что в годы войны не только сибирское, но и все сельское хозяйство, включая совхозное, не обеспечивало даже простого воспроизводства, что из-за резкого сокращения производительных сил небывало упала (не могла не упасть) производительность крестьянского труда, что самым тяжелым для деревни стал именно 1943 г., который по прежней схеме периодизации истории всей войны неизменно и всеохватывающе рассматривался как переломный. Тройным знаком вопроса были помечены и те страницы рукописи, где речь шла о главной роли личного хозяйства крестьян в продовольственном обеспечении самих колхозников, о заготовительной работе на селе, которая строилась на максимальных изъятиях продукции из общественного производства по номинально низким заготовительным и закупочным ценам.

При этом осознанная жертвенность крестьянства все больше сочеталась с методами административного, а то и репрессивного порядка, когда чрезмерный довоенный централизм в чрезвычайных и безальтернативных условиях войны все чаще оборачивался даже положительной стороной. Когда же речь заходила о возрождении «жуткой памяти» чрезвычайных «троек», «пятерок» и об утрированных обвинениях в сокрытии хлеба «в битве за продовольствие» да на многих страницах развернутых доказательств с показом их никчемности, сомнения оппонентов вовсе уступали место страху. «Надо ли и можно ли об этом в открытой печати?!». И в самом деле, до сих пор удивляет, каким же образом на исходе «оттепели» автору удалось-таки отстоять свои позиции, отклонить предложение о размещении диссертации в закрытом фонде, а главное - убедить Пленум и Президиум ВАК единодушно поддерживать соискателя.

Принципиально и то, что в отстаивании своей позиции он уже ссылаясь не столько на рукопись, сколько на почти идентичное монографическое издание, упомянутое выше. А в нем обобщенно заключалось: «Почти до конца войны сельское хозяйство работало

на износ, сокращались и разрушались его производительные силы, падали качество и плодородие земли. Крестьянство выполняло свой долг в условиях небывалых миграционных процессов. Основная и наиболее работоспособная часть сельского населения ушла на фронт, вторая оказалась занятой в промышленности и на транспорте. И только третья часть, в основном женщины, старики и подростки, оставались на селе, занимаясь обычным, но не в обычных условиях сельскохозяйственным трудом. И она - эта третья часть - давала стране и фронту необходимый минимум продуктов и сельскохозяйственного сырья».

А следом уже не в бровь, а в глаз, хотя и предварительно, тем же оппонентам: «Исследователи еще нередко недооценивают реального вклада колхозного крестьянства в победу (это они-то, которые и мысли не допускают о хозяйственном упадке колхозов в ходе войны), не учитывают того своеобразия в положении деревни в годы войны, о котором речь шла выше... Буквально все - и жизнь, и рабочую силу, и сельскохозяйственную технику, и продукты, которые получало государство из села практически бесплатно..., - колхозное крестьянство отдавало для фронта и промышленности. История деревни не знала такого массового классового самопожертвования». В чем, действительно, тогда только не упрекали автора приведенных строк - даже в крестьянофильстве, которое-де сродни так называемым «деревенщикам».

Заявлять о второй после коллективизации массовой жертвенности и терпимости крестьянства в условиях вновь набравшего силы «тоталитаризма» было и в самом деле уже опять рискованно. Вот Вам достаточно «широкий» авторский коридор «от лева до права» — чем не привычные оглобли единой упряжки — и будь осмотрителен. Но не тут-то было: исходные и итоговые выводы В.Т. Анискова в 70-х и 80-х гг. все больше находили единомышленников и последователей. Сначала избирательно, а затем почти всюду они занимали достойное место не только в обобщающей, но и в учебной литературе. Если сама книга 1966 г. и сопутствующие ей публикации все дальше уходили в историографическую редкость, то ссылки на них увеличивались по нарастающей. Да и сам автор из провинциального алтайского вуза стал «проходным» в ведущих центральных и академических изданиях. Многие из наработанного им заняло достойное место в таких, например, капиталь-

ных трудах, как многотомные «История Сибири», «История крестьянства Сибири», «История советского крестьянства» и др.

Но не во всем судьба была благосклонной. Насколько нам удалось уяснить, тот, о ком идет речь, не прочь впрыгнуть и в последний вагон уходящего поезда, если он еще движется в должном направлении. Но менять курс ради известных тактических начал – не его черта. Так случилось, например, с последним из трех томов основательного издания «Советский тыл в годы Великой Отечественной войны». В нем, как и в первых двух, все разделы о сельском хозяйстве и крестьянстве принадлежат нашему автору. Но они, как и подготовленные другими коллегами при участии и под редакцией Г.А. Куманева, не увидели свет в тот надломный период в истории советского государства, когда очень многое из набравшей силу реанимации стало уже стопорной явью. «Колебания генеральной линии» оказались настолько ощутимыми, что еще недавно казавшиеся совсем радикальными взгляды в условиях либеральной «революции» становились безнадежно догматическими.

В 1993 г. Сибирское Отделение РАН опубликовало новую монографию В.Т. Анискова «Жертвенный подвиг деревни», вышедшую под кураторством незаурядного организатора науки в Сибири Н.Я. Гущина. Его твердая поддержка, близость к авторской конструкции проблемы сыграли, несомненно, решающую издательскую роль в появлении книги. Выполненная на материалах того же планетарного региона, простирающегося от Уральских гор до Великого океана, сохранившая все лучшее из предшествовавших публикаций уже известного к тому времени профессора, она вновь привлекла к себе внимание научной новизной, самобытной логикой и яркой точностью оценок. Новое построение, наполненное целым разворотом ранее недозволенных документов, включенные в предмет анализа дополнительные сюжеты о материально-бытовой жизни и иных буднях военного колхозного села и пр. и пр. сразу привлекли к себе широкое внимание.

В общей сложности монография удостоилась не менее десяти целевых рецензий в самых разных профессиональных и иных изданиях. Потянувшиеся за ней ссылки и развернутые историографические оценки стали почти неотъемлемым атрибутом литературы соответствующей проблематики. Но, вопреки ожиданиям автора и несмотря на остроту и свежесть выводов, ему не посчаст-

ливилось заполучить на сей раз «твердокаменных» оппонентов даже по исходным и заключительным позициям монографии. Кстати, не намного больше их оказалось и по последовавшим вскоре двум монографическим изданиям с умышленной публицистической нацеленностью ученого, вышедшим соответственно в 1996 г. («О бедной деревне замолвите слово... 1941 – 1945 - 19??». – Вологда; Ярославль) и в 1998 г. («Война и судьбы русского крестьянства». – Там же). Даже М.А. Вылцан, обнаживший отступничество от Великой Победы к пирровой (см. посл. из названных книг, с. 173-178), не нашел аргументов к оправданию....

И в этой связи мы не разделяем полностью некой обескураженности В.Т. Анискова по поводу того, что «некоторые» оппоненты не держат удар, умышленно уходят от обсуждения принципиальных вопросов, ограничиваются суждениями о выводах второго или третьего порядка. «Умолчание, – пишет он там же (с. 202) – худший для творческого автора вариант ответной реакции. И первая его забота - достойно выйти из блокадного окружения, вовсе не заботясь о потерях, под которыми надо понимать даже самую жесткую, а то и вовсе не корректную критику... Лишь при таком раскладе дискуссии, подталкивающей к бескомпромиссной полемике, ваше творческое самолюбие найдет принципиальный выход и достойное удовлетворение».

Да, но вряд ли нежелание оппонентов выходить на прямую персонифицированную дискуссию можно засчитать в их научный актив - скорее наоборот, особенно в случае, если за противной стороной просматривается официально-либеральный «зонтик». Тем более что в реальности настоящая война-дискуссия идет не только не умолкая, но и нарастая до масштабов негодных политических целей, зачастую переходя всякие рамки даже объективистского приличия. Взять хотя бы принципиальный разнобой в оценках двуединого понятия «жертвенного подвига» крестьянства в самозабвенной борьбе за Победу. Насколько нам известно, наш автор и той книге, о которой ниже пойдет отдельный разговор, склонен был дать подобное название, не будь его же одноименной монографии, упомянутой выше.

Ведь реальная диалектика этих двух нерасторжимых слов, пожалуй, как нельзя лучше отображает суть тогда происходившего. Она несет в себе все осмысленные по современным понятиям

истоки и причины, неизбежно приведшие к разгрому фашизма. В методологическом введении представляемой книги настолько емко и выразительно сформулированы позиции автора, что вряд ли, помимо прямого неурезанного цитирования, возможен вполне адекватный пересказ оригинала. И все же! В чем же, следуя за текстом, зададимся вопросом и мы, заключались причины бесподобной патриотической «подданности» колхозного крестьянства, в чем мотивы безмерной жертвенности и терпимости его даже на грани почти предрешенного поражения в условиях наступавших гитлеровских полчищ?

Не так давно массово-жертвенный патриотизм нашей деревни военных лет считался прежде всего колхозным, во всяком случае, советским порождением. Эта однозначность лишь обедняла столь многогранное явление, ибо наш «великий незнакомец» (Теодор Шанин) не только удивил весь землесобственнический мир до растерянности, обескуражил фашистов с их «неотразимыми» социальными посулами, но и приятно порадовал советское правительство, признавшее вскоре излишними недавние сомнения в отношении «непредсказуемости» колхозников и упразднившее те же политотделы на селе в самый тяжкий для сельского хозяйства год. Не только обедняло - противопоставляло советский патриотизм всему нашему прошлому и даже «работало» на его совершенно крайнее толкование как культового фанатизма крестьян-колхозников и вообще советского человека.

Эту версию - продолжим комментировать позицию В.Т. Анискова - по понятным причинам усиленно внедряла геббельсовская пропаганда, согласно которой арийская «сверхкультурность пасовала перед евразийскими недочеловеками». Так возник еще один далеко не безобидный миф: «казалось бы, совершенно противоположные послышки сошлись в одной плоскости». Чем круче система, чем больше страха и покорности, тем больше смирения и повиновения, как и меньше уважения к собственной жизни и смерти. В той же брошюре М.А. Вылцана «обобщающе» сказано, что «многие писатели и философы отмечали» одинаковую уживчивость в русском характере «психологии раба и бунтаря» (с. 70). Так вот, «колхозное крестьянство, во многом поставленное большевистскими вождями в положение полукрепостных» (в других случаях колхозная система сравнивается с полукрепостничеством без вся-

ких оговорок), «выступило против полчищ Гитлера» или подалось в дезертиры и коллаборационисты (Там же. С. 10-11).

Да и был ли вообще какой-то советский патриотизм, тем более жертвенный? «В поведенческой структуре крестьян, - читаем еще ниже, - не последнее место занимало ощущение страха, неотвратимости наказания за неисполнение «своего гражданского долга, приказа высших и местных властей». Что до «массового трудового героизма», «вдохновенного труда колхозников», то это не более чем «утвердившиеся в исторической литературе клише и штампы», к которым-де он, М.А., разумеется, не имел никакого отношения как историк. Да уж: всю сознательную жизнь не уставал «вдохновенно» писать о вдохновенном труде крестьян и вдруг непостижимая риторика: «сельское хозяйство одержало экономическую победу»!? – это «ничего общего не имеет с исторической правдой», «сельское хозяйство в экономическую победу явно не вписывается. Для него больше подошло бы определение: “Пиррова победа”» (с. 24).

И многократно прав В.Т. Анисков, гневно осуждая подобное размещение в один ряд поведение народа, защищавшего свой выбор на строительство новой жизни, и реальный воинствующий фанатизм немецкой нации, давшей себя одурманить нацизмом: «Как бы нечто такое не случилось вновь, но с той чудовищной разницей, когда в роли “фашиствующего” народа и от его “имени” не заговорила бы некая “русская великодержавная” элита. К подобным политическим вывертам влечет и “модная” ныне и очень небезобидная попытка уравновесить, поставить в один ряд А. Гитлера и И. Сталина. В крайне оскорбительный ряд для фронтовиков и патриотически настроенного народа». И верно: там, где история, социальная психология напрямую смыкаются с крайней политикой, уместно сказать, что такое требует жесткого и неотложного отпора.

Но что же все-таки питало массовый патриотизм российского, разумеется, всего советского народа в его самых провинциальных носителях? Неужто только любовь к родной березке, селу, краю? Задаваясь тем же, что и автор, вопросом, пойдем за ним и дальше. А может, безраздельная привязанность к ставшему уже привычным своему колхозу? Может, не столько малая, сколько по вековому и тысячелетнему счету большая евразийская Родина, уxo-

дившая в седую историю корнями толстовского дуба и его неприятием купли-продажи земли. То единое и неповторимое Отечество, связующими обручами которого всегда оставались его бескомпромиссная борьба с внешними захватчиками и самобытная общинность, соборность как реальные проявления коллективности и всегда манившие к социально равным возможностям и справедливости, которые разновременно провозглашались как светскими, так и христианскими идеалами.

И первое, и второе, и третье... столь же неправильно, как и верно. Второе венчало первое, первое подпитывало третье, четвертое. Не противопоставление советскому былого российского, как и наоборот (известные крайности подобного рода во многом были устранены в годы самой войны и по инициативе того же И.В. Сталина), а их нераздельно общее, национально гордое и привычно интернациональное помогло тогда сначала выстоять, переломить смертельный ход событий, затем добиться Великой Победы. Не межевые споры, а свобода, равенство и братство составляли основу самосознания народа. «Именно историческое самосознание помогло нашему человеку, в первую голову российскому крестьянину, решительно превозмочь и стать выше очень ранимых, но в общем-то, как оказалось, преходящих социальных обид». Народ не злопамятен – он памятен и мудр и всегда отличит главное от второстепенного. Потому-то все иллюзорные расчеты и посулы нацистов, как и чудовищные провокации, полностью разбились о наш социальный, межнациональный и психологический менталитет.

Вдвойне приятно увидеть полное совпадение авторской позиции с воспринятыми суждениями, высказанными в четвертой книге обобщающего труда «Великая Отечественная война 1941 - 1945». Еще раз повторим главные из них, процитированные и в монографии, о которой идет речь, и внедрявшиеся в упомянутое издание с убежденной, нам известно, настоятельностью. В ответ на настойчивые попытки принизить значение нашей победы стало тем более необходимо подчеркнуть: «Одна из главных причин всенародного подъема, готовности к борьбе до победного конца состояла в том, что граждане СССР в своем большинстве были приверженцами социалистического строя с его принципом социальной справедливости. Они получили право на труд, бесплатное

образование и здравоохранение, на отдых и доступ к достижениям науки и культуры. Подобной ситуации не было и не могло быть ни в одной из стран Запада, подвергшейся нацистской агрессии».

Ни на йоту не увело в сторону и наше, по сути соавторское, переложение следующего: гражданам Страны Советов импонировало, что во всех звеньях управленческого аппарата преобладали представители трудовых слоев, которые получили реальную возможность «выйти в люди» - стать просто уважаемыми специалистами любой массовой профессии при отсутствии безработицы и гарантированной государством уверенности в будущем. Что же до относительно невысокого материального уровня жизни советского народа, то он «объяснялся без особого труда» и был даже всеобщим побудителем движения к лучшему: народ совершил революцию в отсталой стране, восстанавливал экономику после интервентов, с перенапряжением создавал новую индустрию, ставил «на крыло» колхозный строй, формировал небывалую систему образования, готовил страну к обороне. Все это требовало огромных сил и затрат, но было в конечном итоге направлено на создание действительного, а не «утопического» общества социальной справедливости, неординарного по своему психологическому складу.

Эти и близкие к ним базовые методологические послышки не только составляют проблемно-исторический каркас редкой по нынешним временам книги - они и прямо, и опосредованно пронизывают все ее разделы, целевые структурные подразделения, многочисленные внутренние сюжетные линии. Четкие авторские позиции, даже в тех нередких случаях, когда мысль обращается к самым тяжким, почти невыносимым обстоятельствам в жизни военной деревни, например в материально-бытовой сфере, нередко усугубленным субъективными причинами, а то и доказуемыми ошибками, В.Т. Анисков не оставляет места для порочащих инсинуаций и нагроможденных нелепостей, не избегая, разумеется, сложнейших и трагических коллизий, которые уготовила та война. Но об этом в каком-либо ином контексте и, быть может, ниже.

Другим того же методологического уровня подходом к теме, но принципиальнейшим образом напрямую и необычным исследовательским ракурсом самого автора, основанным на «особливости» и исходной ментальности сельской жизни одновременно, следует, на наш взгляд, считать социально-крестьянский, деревен-

ский смысл нашей Победы. Выше мы отмечали, что уже в ранних работах В.Т. Анискова ощутимо вырисовывался «сельский» жертвенный путь к разгрому фашизма, вынесенный затем самой научной объективностью даже в названия публикаций разных форм. Теперь же этот подход - ни в коей мере не ради оригинальности - доведем, можно сказать, до логического завершения, до «необратимого» авторства, хотя, конечно, и поле дискуссий намного расширилось, равно как и дальнейшего авторского обоснования столь необычной концепции.

Кратко ее сущность заключается в резонной категоричности вывода автора об изначальной, дошедшей до начала нового столетия недооценке и принижении роли крестьянства СССР и России в разгроме фашизма. Концентрированно это было выражено следующим образом: «До обидного слишком долго принижалась роль деревни во всенародной борьбе, преуменьшались выпавшие на ее долю тяжкие лишения. Сначала из-за известной концепции диктатуры пролетариата, затем и поныне лишь потому, что та героическая деревня была колхозно-совхозной, а это снова выводило ее за рамки “современных” аграрных понятий, тем более “новых” представлений о социальных истоках патриотизма тружеников тыла и бойцов фронта».

И в самом деле, минувший век начинался с того, что в российской деревне проживало 85% населения страны, а к началу Великой Отечественной - 72%. Хотя «бесподобная» урбанизация и условия жизни 20 - 30-годов, читаем мы дальше, «наложили глубокий отпечаток на социальную психологию народа, она не успела, не могла, да и не должна была растворить наш «общекрестьянский» человеческий тип жизни, быта, культуры, тем более что эта урбанизация разверзлась на глазах и в судьбах одного поколения, одних и тех же людей». «Поэтому, - продолжает В.Т. Анисков, - речь должна идти не только о том, кто и как кормил тыл и фронт, обеспечивал промышленность рабочим пополнением и сырьем, но и том, что лежало в основе социальной психологии народа, его всеобщего патриотизма, российского менталитета в целом».

Но и это не все. Если исходить из упомянутого соотношения, то и личный состав Красной Армии к началу войны на 72% должен был состоять из жителей деревень. На самом деле «сельский процент» в ее рядах оказался значительно выше, так как до конца

1943 г. наша деревня, будучи «разбронированной» от военных призывов (как и от всех других), подлежала мобилизациям на фронт без всяких ограничений. «В итоге преобладающая сельская доля личного состава армии оказалась не менее 80%, тогда как работники оборонных предприятий оставались в тылу, а транспорта – переводились на военное положение. Под призыв здесь попадали в первую очередь неквалифицированные новобранцы – опять же в основном вчерашние сельские парни, а их сверстницы и колхозные подростки вновь восполняли убыль и составляли основу системы трудовых резервов».

Следовательно, наше крестьянство не только кормило армию и страну, не только своим преобладающим числом вставало под знамена фронтовиков и лишь малой частью, явно не призывной, непосильным трудом и безмерной жертвенностью давало необходимое продовольствие и сырье. Само оно не было поставлено даже на минимальное нормирование по карточкам. Деревня и отменно воевала, составляя большинство «матушки-пехоты», тем более партизанского движения. В книге говорится о том, что в традиционно земледельческих районах СССР (Сибирь, Казахстан, ЦЧО, Белоруссия и даже агроиндустриальная Украина) доля крестьян по происхождению среди Героев Советского Союза достигала 70 - 80%, а в ряде регионов она поднималась до 80 и даже до 90%.

И это при том, что представления к высшим наградам корректировались с классовых позиций о непременной и повсеместной «гегемонии рабочего класса». Автор не исключает возможных социальных упреков в его адрес под видом патриотических перекосов. Упреждая подобное, он пишет и о том, что приведенные выводы вовсе не принижают огромной и во многом действительно ведущей роли рабочих в труде и бою. Более того, столь патриотическая позиция, мужественная убежденность крестьянина ярчайшим образом свидетельствовала о стратегической выверенности довоенной социальной политики рабоче-крестьянского государства, хотя и с очевидными срывами переходных лет и послевоенного развития. Но снова не в пользу советской деревни сопредельных войне периодов, о чем опять же убедительно свидетельствует представляемая книга.

Конечно, здесь есть над чем поразмыслить о весьма существенном, поясняя свою позицию, продолжает автор. О тех же моти-

вах массового патриотизма наших людей, совсем недавно тоже переживших не менее массовую драму, но через собственное «коллено» почти поголовной коллективизации, тоже представлявшей руководство неотложной, как и сама война. Но это хотя и равномасштабные, однако совсем разнопрядковые социальные катаклизмы - пусть даже сравнимые между собой по небывалости во всей прежней и последующей истории человечества. В первом случае, как отмечалось выше, крестьянство оказалось невероятно терпеливым, в меру возможностей осмотрительным, понятливым, а в итоге дальновидно мудрым и незлопамятным на происходящее. Во втором - восхитительно порывистым, без остатка предавшимся власти и назидавшим ее на любые меры ради победы, подчас даже стоявшие на грани риска и права на непомерную жертву или вероятную ошибку в небывало сложной цепи задач.

«Оценка составных этой мудрости и безоглядности, - подчеркивает В.Т. Анисков, - и является одной из важнейших задач исторической науки, выступающей в данном случае в органическом взаимодействии с такими ее «смежниками», как историческая социология и социальная психология». На изломе исторической судьбы всеми лучшими гранями обернулась социальная психология российского крестьянства: напористостью и кротостью, бережливостью в малом и великодушием в большом, верностью Отчизне и ненавистью к захватчикам, традиционной доверчивостью и врожденной сметливостью, индивидуальной стеснительностью и артельной удалью – словом, тем, что в конечном итоге питало нашу Победу. Как, очевидно, и то, почему именно эти и близкие к ним национальные черты, в том числе историческая сродненность светскости и духовности российского крестьянина (исконного носителя наших ценностей), стали ныне главным предметом неприязни его недругов.

Обе параллельные линии исследования истории и психологии крестьянского подвига, заявленные в самом названии книги, обрисованные в постановочных задачах и в итоговых выводах, почти в неотделимой связке предстают перед читателем на всех уровнях столь многопланового труда. Наш автор не случайно в этой связи напоминает непреходяще актуальное высказывание покойного академика Б.Ф. Поршнева о мертвенности исторических схем без показа реальных действующих лиц и психологии их поведения. В

то же время, тяготея к методам подзабытой школы анналов, свидетельствовавшим о происходивших событиях с максимальной хронологической последовательностью и обстоятельностью, он и в самом деле в подходе к своей теме стремится осветить ее с очевидной доскональностью на грани утрачиваемой ныне энциклопедичности.

В аннотации к книге на обороте титула верно подмечено, что одно оглавление монографии свидетельствует о ее уникальности по территориальному охвату, тематической структуре, комплексу общеисторических, военно-хозяйственных, социально-культурных и материально-бытовых проблем. Взглянем еще раз и убедимся, что только беглое их перечисление заняло бы у нас долгий ряд строк. Автор следует за своим предметом всюду: в тылу и на фронте, в подвижной прифронтовой зоне, в центре России, на Урале и в Средней Азии, в партизанской борьбе, в движении сопротивления на оккупированной территории и фашистской неволе - в разные периоды войны, в соответствующих соотношениях и смещенных акцентах.

Что же до проблемно-тематической сюжетности, то она поистине «всеядна» и во многих ярусах - от заложенных в названиях глав до внутренней структурной дробности. Для примера коснемся хотя бы заключительной главы труда о физическом и духовном состоянии крестьянства. Ее открывает интереснейший и поучительный для истории и современности раздел о медицинской помощи государства селу и общественных усилий по обеспечению выживаемости деревни, которая всегда прежде всего и больше всех неотвратимо в условиях голода и недоеданий оказывалась в положении повального мора, чудовищных эпидемий. Многие из реальных и грозных причин к тому возникли и в годы, особенно первые, Отечественной войны.

Небывалые демографические последствия, обвальные материальные лишения, чрезвычайные перемены к худшему для деревни во всем блоке отношений города и села, перераспределение материальной лечебной базы для прямых военных целей, резкие сокращения медико-санитарных кадров и также многое непредвиденное другое, казалось, обрекало село на самое худшее и завязывало все в сплошной пандемический узел. Освобождаемое от оккупации население, умышленно доведенное гитлеровцами до

сплошных эпидемических зон, еще более усугубляло ситуацию. Все эти составные видимой обреченности могли необратимо похоронить мини- и макролюдскую структуру тыла, а за ним и фронта. И за каждым из перечисленных и иных факторов – несомненные обобщающие свидетельства: сравнимые показатели из исходных периодов государства, аналитические таблицы поискового построения, закрытые ранее официальные сведения и т.п.

Во всем поражающем воображение, особенно без предварительной осведомленности, предстает исключительно результативная, предельно сжатая во времени проведенная перестройка структуры, характера и методов деятельности государственной и общественной медико-санитарной и всей оздоровительно-предупредительной службы, включая оперативно-информационную и мобильно-реагирующую. При этом показательно, что весь радикализм чрезвычайных акцентов базировался на прежних достижениях медицины, здравоохранения и санитарии. Ничто не ломалось, но все перестраивалось, приспособлялось, вовлекалось, мобилизовывалось - как в центре, так и на местах. Все постановления, приказы, распоряжения областных, республиканских и высших руководящих структур, включая правительство и ГКО (тем более, если речь шла о тревожных медико-санитарных ситуациях), рассматривались и принимались безотлагательно с указанием конкретных мер, сроков исполнения, персонально ответственных лиц, облакаемых, как правило, необходимыми полномочиями или действовавших в рамках чрезвычайных прав и норм военного времени.

Читатель ознакомится, мало сказать, с большой - с выдающейся личностью и ролью, сыгранной наркомом здравоохранения СССР Г.А. Митеревым в то беспримерно-трудное и звездное время советских медиков в спасении людей, материнства и детства. На правах уполномоченного ГКО он развернул и беспримерную деятельность всего своего ведомства и примыкавших к нему структур по предотвращению массовых эпидемий, по восстановлению пошатнувшегося было медико-санитарного благополучия тыла. Книга, пожалуй, впервые столь широко и предметно преподносит - и прежде всего будущему исследователю, будь то историк или медику, - настоящий научный путеводитель по бесценному документальному наследию, которое оставило нам здра-

воохранение тех лет. Это один из немногих случаев, когда читающий, вернее, изучающий систематизированные фолианты может удручаться не дефицитом, а их неподъемностью для кратковременных подходов.

На страницы книги переместились многие оригинальные, комбинированные и проанализированные автором таблицы и ряды сведений по всем направлениям медико-санитарной деятельности - в целом по СССР, России, другим республикам и регионам, причем в летописной динамике, в сравнениях с предшествующими периодами и, что особенно ценно, в городском и сельском преломлении. Перемещение кадров и их переподготовка, эвакуация и переформирование учебных заведений и медико-санитарной инфраструктуры, первоначальное ослабление лекарственно-фармацевтической базы, казалось, немыслимый, подчас многократный прирост самых необходимых и номинально-бесплатных лечебных средств, начальное нарастание основных видов заболеваний и их последующее радикальное снижение, характеристики летальности, овладение ситуацией на фоне заботы о детстве, родовспоможении и т.д., в том числе на территории сельских освобождаемых районов.

У нас нет возможности более или менее подробно прокомментировать даже столь редкие в историографии и социальной психологии сюжеты, об как общественном и личном в жизни колхозника военной поры, о великой духовной сплачивающей стойкости крестьянства, о межкрестьянских, включая соседские, и иных отношениях. Добрых слов заслуживают многие яркие страницы книги о прекрасной по своей сути жизни деревенской школы, сельского учителя, как и сельского врача-подвижника - настолько святой и благодарной, насколько тяжелой и вряд ли повторимой. Тем более что подобные аспекты исследования и авторские обобщения всегда несут в себе штрихи индивидуального отражения и нестандартных зарисовок, которые лучше воспринимаются в оригинальном восприятии, нежели в самом лучшем переложении.

Если уж мы заговорили о действовавших исторических лицах и социально-психологических мотивах их поведения (вместе с авторами работ из числа научного аппарата в книге насчитывается не менее 700 имен), то и в этом случае лучше отослать читателя непосредственно к монографии В.Т. Анискова. Следуя завету

Б.Ф. Поршнева, он не только называет своих героев, но и показывает в реальных поступках – будь то в глубоком тылу, в сражавшейся армии, в партизанском движении, за линией фронта. Отдельного внимания заслуживают персональные характеристики видных руководителей партийно-государственного аппарата тыловых регионов и партизанского движения: Алтайского края, Новосибирской, Ярославской, Ленинградской, Орловской областей, Украины, Белоруссии... Они явно контрастируют с теми шаблонно-невежественными оценками, которые до недавнего времени заполняли собой квазинаучные издания.

Среди перечисленных, в том числе подпадавших под оккупацию, областей и республик развернутым планом выделена славная Белоруссия. Вместе со всей страной и прежде всего с населением соседствующих славянских регионов, таких, как Псковщина, Смоленщина, Орловщина с входившей тогда в нее знаменитой партизанской Брянщиной. Полумесяцем охватывая насмерть стоявшую родную по крови республику, они все вместе сперва фронтально, затем скоординированной партизанской мощью обескровили нашествие фашистов на центральном направлении. Знаменитые партизанские зоны, где, как и всюду, преобладающим числом воевало колхозное крестьянство, представляли, пишет автор, своеобразные «бермудские треугольники» для озверелых нацистов. Здесь, пожалуй, с особой яркостью проявилось то беспримерное и исторически перекрестное единение исконных российских народов, которое перемололо самые хваленые гитлеровские дивизии.

Как ни тяжелы были военные дни и ночи, их жертвы так и останутся святым приношением во спасение Отечества и цивилизованного мира от коричневой чумы. Взволнованные слова о беспримерной святости подвига и самого поколения в самых разных ассоциативных связях, поднимаемых в книге В.Т. Анискова, звучат естественно и проникновенно, зачастую вырываясь за некие условности научной строгости. Их горечь понятна, но только в немногих случаях она выливается в формы упрека или укора, тем более в адрес главного сословного героя книги. Кто бы что ни говорил и ни писал о так называемой «несоразмерности» принесенных жертв, ясно следующее: достоинству цены Великой Победы нет равного отпротивного эквивалента. Автор допускает относительную и очевидную неоправданность потерь и утрат, выражен-

ных им лишь в безысходных суждениях, связанных с послевоенной судьбой российской деревни.

В итоге мы подошли к одним из более емких выводов монографии, которые весьма доказательно формулировались еще в подготовительных публикациях ученого, и прежде всего в упоминавшейся книге «Война и судьбы российского крестьянства». Здесь же попытаемся лишь предварительно ознакомить с ними читателя в виде почти дословных извлечений, спрессованных самим же автором в его проблемной статье «На разломе судьбы» (см.: Вестник Международной Академии наук высшей школы. 1998. № 2). Фашистская Германия, подчеркивает он, в силу принесенных ею колоссальных разрушений и безвозвратных людских потерь, не достигла в войне лишь одного, хотя и главного: «она не смогла сокрушить наше государство, наш строй, наши порядки».

Но поддержанная реакционно-консервативным миром, она очень многого добилась из того, на что с вождением рассчитывал этот мир. Небывалый урон повлек за собой столь глубокие деформации в дальнейшем развитии новой государственности, в сельском хозяйстве, в фундаментальных отношениях государства, города и села: они все более искаженно влияли на действие и формирование всех тенденций послевоенной истории деревни и народного хозяйства в целом - в темпах, пропорциях, формах, укладах, методах управления, руководства и т.д. «Действие этих деформаций, многие из которых к тому же оказались наложенными на негативы довоенной поры, становилось даже более глубоким и продолжительным, чем следствие прямого (материального и людского) урона».

Это со всей определенностью, читаем дальше, нужно сказать, например, о деформациях в товарно-денежных отношениях между городом и деревней, в заготовительной, налоговой, финансовой, правовой и социальной политике, в соотношении функций партийных, государственных и иных органов. Неотложно нужен был и без того уже запоздавший поворот, причем куда более крутой, чем тот, который был осуществлен во время перехода от мира к войне, ибо вместе с наслоениями военных лет безотлагательно следовало устранить то, что тянулось из 30-х и более ранних годов и подпитывалось только чрезвычайной обстановкой. Требовался поворот, подобный тому, который был реализован после граждан-

ской войны при переходе к нэпу - еще более глубокий, последовательный и необратимый.

«А он не был даже осознан, тем более осуществлен, – заключает В.Т. Анисков. - Вынужденные, преходящие и просто неприменимые формы и методы... и все условия экстремальных отношений заостренели настолько, что их не смогли сломать все последующие “радикальные” преобразования (тем более в кавычках). Надломилось и сломалось само сельское хозяйство: столь недостойное к нему отношение, растянувшееся на многие десятилетия, не могли бы выдержать никакие структуры. За обвалом одной из несущих опор рухнула и вся конструкция. Печальная участь деревни предрешила и судьбу всей страны... Большая Россия, спасшая мир, не сумела спасти себя».

Казалось бы, что подобная категоричность, в принципе не свойственная автору, есть не более чем некая диалектичная уступка пониманию им развала СССР в виде кризиса на грани системности. Все зависит, заметим и мы, как трактовать эту системность, ибо обыденная заскорузлость, тем более на высшем уровне, ставшая непреходящей, - благодатная почва для целенаправленных волевых усилий по развалу страны. Но это уже тема для отдельного осмысления, и, прикоснувшись к ней вслед за рассматриваемым исследованием, мы прежде всего хотели еще раз подчеркнуть его основательность, научную этапность, вдумчивую посвященность тому периоду, той проблематике, вобравшим в себя все закономерные нити исторических закономерностей на беспримерно ответственном и экстремальном российском и мировом перекрестке.

Даже то, о чем удалось сказать, позволяет и в итоге еще раз заключить (вам, уверен, не придется, разочароваться), что перед нами наиболее значимое за последние 30 и более лет исследование о советском крестьянстве периода Великих битв с фашизмом. Вместе со всеми и всюду - на фронте и в тылу, в партизанском движении и на оккупированной территории, в производственной и иной сфере деятельности: в общественной и личной жизни, в заботе о воспитании детей, в поддержании условий для выживания, в опоре на государственную поддержку, в обретении и укреплении коллективной и индивидуальной морально-психологической устойчивости и т.д. и т.п. Если уж, следуя моде, и нам, обществоведам, завести речь о некоем желаемом прорыве или, по крайней

мере, о начавшемся «выходе из окружения», то без преувеличения можно сослаться и на наш пример рекомендуемого вам труда.

Мы не станем комментировать обилие научного аппарата, который исчисляется не одной сотней разноплановых ссылок даже по отдельным главам - они пунктуальны и сгруппированы в пораздельные блоки. Нам, видимо, не следует и развернуто говорить о стиле, языке и манере автора, дабы не помешать самому читателю вынести личные впечатления. Ограничимся лишь признанием их самобытности, емкости, точности и образности, при редком ныне авторском умении владеть не только мыслью, но и словом - в той варьируемой предметности, которая зависима от конкретно рассматриваемого сюжета. Книга не оставляет места равнодушию и объективизму. Она полна жесткости и негодования, гордости и восхищения. И в любом случае влечет к глубоким размышлениям. А уж если слово поднимается до социально-психологического неравнодушия, то оно, к удовольствию, выливается опять же в редкую ныне научную публицистичность.

О недостатках? Они, конечно, есть! Тем более в традиционно-банальном понимании. А если их маловато, то непременно появятся - во всем, даже масштабном, чего-то недостает. Что же до принципиальных разномыслий и социальных (а теперь и сословных) подходов, то они неизбежны. Ныне социальная психология и историография в духе кота Леопольда явно не проходит даже на бытовом уровне. А иных, в том числе «супротивных» оппонентов, подчеркнем еще раз, автор не в первый раз опять-таки искренне «завлекает» к обмену мнениями.

Возможно, отзовемся и мы. Сейчас же озабоченность иная: не дать оригинал-макету рукописи, с компьютерным исполнением которой довелось ознакомиться, задержаться в тиражировании из-за финансовых проблем. Поэтому, обращаясь к издателю и спонсорам, хотелось бы заранее отдать должное их самородному патриотизму и достоинству. Давно признано, что гражданское деяние – лучший вид отечественного благородства. И не менее в нашем случае, когда речь идет об издании труда, напрямую связанного с 60-летием разгрома гитлеровцев под Сталинградом и Курском, да и самой Победы.

И еще одна примечательность. Автор книги - изначальный профессор ЯрГУ, признанного правопреемника Ярославского

высших наук училища, основанного в 1803 г. на пожертвования видного российского мецената П.Г. Демидова. 200-летний юбилей университета его имени стал бы не последним знаковым поводом для развития традиции, положенной примером замечательного земляка ярославцев.

Примечания

* Статья печатается в авторской редакции

Сведения об авторах

Албегова И.Ф. – кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой социальных технологий ЯрГУ

Головин Ю.А. – доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой социально-политических теорий ЯрГУ

Груздев Т.С. – аспирант кафедры социально-политических теорий ЯрГУ

Корнилов В.И. – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и социально-экономической политики ЯрГУ

Кудрина С.А. – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии ЯрГУ

Кукина Н.В. – аспирант кафедры истории России ЯрГУ

Кушнарев Ф.Ю. – аспирант кафедры социально-политических теорий ЯрГУ

Мелиховский В.М. – доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой экономической теории и социально-экономической политики ЯрГУ

Нестик Т.А. – кандидат философских наук, научный сотрудник Центра конфликтологии Института социологии РАН

Новиков В.В. – доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой социальной и политической психологии ЯрГУ

Седунова Е.В. – ассистент кафедры социальных технологий ЯрГУ

СОДЕРЖАНИЕ

<u>С.Д. Шокин</u>	3
<u>Начало второй чеченской войны: Дагестанский узел (по материалам периодической печати)</u>	3
<u>Н.В. Кукина</u>	
<u>КПРФ - крупнейшая партия на левом фланге политической структуры современной России</u>	14
<u>В.М. Мелиховский</u>	
<u>Роль социальных стандартов в оплате труда высококвалифицированных кадров</u>	20
<u>В.И. Корнилов</u>	
<u>Производственная демократия: сущность и проблемы ее становления в России</u>	29
<u>А.Г. Шатохин</u>	
<u>Опыт использования тестов и деловых игр по экономике для контроля знаний студентов в учебном процессе</u>	36
<u>В.В. Томашов</u>	
<u>Философия истории в творческом наследии Г. Гегеля (издательский аспект проблемы)</u>	39
<u>С.А. Кудрина</u>	
<u>Развитие философии: от «недвоящегося духовного ума» к «формальному единству философской "системы"»</u>	46
<u>Ю.А. Головин, Т.А. Нестик</u>	
<u>Коррупция и культура: основные подходы и конфликтное взаимодействие</u>	52
<u>И.Ф. Албегова</u>	
<u>К вопросу о соотношении социальной работы и социальных технологий</u>	65
<u>Е.В. Седунова</u>	
<u>Основные факторы возникновения девиаций в подростковой среде</u>	81

<u><i>Т.С. Груздев</i></u>	
<u>Функции общественных движений по компенсации конфликтогенных факторов во взаимодействии общественных и политических процессов</u>	87
<u><i>А.С. Шабунин</i></u>	
<u>Функционирование политической партии в период между избирательными кампаниями</u>	94
<u><i>Ф.Ю. Кушнарев</i></u>	
<u>Информационная война в условиях социальной и политической деформации российского общества</u>	102
<u><i>В.В. Новиков</i></u>	
<u>О новом труде В.Т. Анискова: к итогам научной деятельности</u>	111
<u>Сведения об авторах</u>	131

Томашов В.В. – доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии ЯрГУ

Шабунин А.С. – аспирант кафедры социально-политических теорий ЯрГУ

Шатохин А.Г. – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и социально-экономической политики ЯрГУ

Шокин С.Д. – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России ЯрГУ

Вестник социально-политических наук

Выпуск 2

Под редакцией доктора политических наук,
профессора Ю.А. Головина

Редактор, корректор В.Н. Чулкова
Компьютерная верстка И.Н. Ивановой

Подписано в печать 30.12.2002. Формат 60х84 1/16. Бумага тип.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,9. Уч.-изд. л. 6,73.
Тираж 100 экз. Заказ

Оригинал-макет подготовлен в редакционно-издательском отделе
Ярославского государственного университета.

Ярославский государственный университет.

Отпечатано на ризографе

150000 Ярославль, ул. Советская, 14.